

SPONSORS

ugr | Universidad
de Granada

Centro de
Lenguas Modernas
www.clm-granada.com

Departamento de Filología Griega
Área de
Filología Eslava

Patronato de la Alhambra y Generalife
CONSEJERÍA DE CULTURA

CZECH CENTER
ČESKÉ CENTRUM

TURISMO DE GRANADA®
Patronato Provincial

Parque de las Ciencias
GRANADA - ANDALUCÍA

Libros
de Ciencia
Librería
on-line

GRANASLAVIC2014: BOOK OF ABSTRACTS

GRANASLAVIC2014

4TH INTERNATIONAL CONFERENCE

ANDALUSIAN SYMPOSIA ON SLAVIC STUDIES

June 4-6, 2014

BOOK OF ABSTRACTS

**Faculty of Philosophy and Literature
Department Section of Slavic Studies
University of Granada**

ugr | **Universidad
de Granada**

Área de Departamento de Filología Griega
Filología Eslava

Quero Gervilla, Enrique F., Barros García, Benamí,
Gallego Díaz, Estrella M., Gorozhankina, Tamara (Eds.)

GRANA SLAVIC 2014
4TH INTERNATIONAL CONFERENCE 'ANDALUSIAN SYMPOSIA ON SLAVIC STUDIES'
UNIVERSITY OF GRANADA, SPAIN
June 4-6, 2014

PLENARY AND INVITED SPEAKERS

Aleksei Shmelev (Russian Academy of Sciences)
Anna Zalizniak (Russian Academy of Sciences)
Carlos Taibo (Autonomous University of Madrid)
Irina Mikaelian (The Pennsylvania State University)
Jiří Černý (Palacký University of Olomouc)
Laura Janda (University of Tromsø)
Michael Nicholson (University College, Oxford)
Pierre Gonneau (Paris-Sorbonne University-CNRS)
Selma Ancira (Translator. Spanish National Translation Award, 2011)
Tore Nasset (University of Tromsø)
Wojciech Charchalis (Adam Mickiewicz University)
Yuri Shevchuk (Columbia University)

SCIENTIFIC COMMITTEE

Boris Uspensky (Naples Oriental University), Nina Arutiunova (Russian Academy of Sciences), Michael Nicholson (University College, Oxford), Jiří Černý (Palacký University of Olomouc), Henryk Fontański (University of Silesia), Vsevolod Bagno (Russian Academy of Sciences), Alexei Shmelev (Russian Academy of Sciences), Anna Zalizniak (Russian Academy of Sciences), Nikolai Garbovski (Lomonosov Moscow State University), Ewa Komorowska (Szczecin University), Lilia Moiseenko (Moscow State Linguistic University), Juan Gay Armenteros (University of Granada), Miguel Gómez Oliver (University of Granada), Juan de Dios Luque Durán (University of Granada), Milagros Fernández Pérez (University of Santiago de Compostela), María Luisa Calero (University of Córdoba), Miguel Casas Gómez (University of Cadiz), Ricardo Martín de la Guardia (University of Valladolid), Sultana Wahnón (University of Granada), Carlos Taibo (Autonomous University of Madrid).

ORGANIZING COMMITTEE

Enrique Quero Gervilla (President. University of Granada), Benamí Barros-García (President. University of Granada), Yuri Shevchuk (Columbia University), Margaret Tejerizo (University of Glasgow), Stefano Aloe (University of Verona), Simón Suárez Cuadros (Executive secretary. University of Granada), Estrella María Gallego Díaz (Executive secretary. University of Granada), Andrés Santana (University of Cadiz), Natalia Arsentieva (University of Granada), Tatiana Kopylova (Udmurt State University), Joaquín Enrique Torquemada (University of Granada), Béata Cieszyńska (University of Lisbon), José Antonio Hita Jiménez (University of Granada), Elena Mironesco-Bielova (University of Granada), Ángeles Quero Gervilla (University of Granada), Enrique Vercher García (University of Granada), Joan Castellví (University of Barcelona), Marc Ruíz-Zorrilla Cruzate (University of Barcelona), Pablo Marynenko (Taras Shevchenko National University of Kyiv), Nina Kressova (University of Tartu), Álvaro Marín García (Kent State University), Tamara Gorozhankina (University of Granada), Sara Horcas Rufián (University of Granada), José Alejandro Calero Díaz (University of Granada), Petr Šlechtá (Palacký University of Olomouc), Tatiana Chaikheva Trofimova (University of Granada), Ulyana Savchenko (University of Toronto), Ángel Díaz-Pintado (University of Granada), Tatiana Fomina (Udmurt State University), Agata Natalia Gołąb (Maria Curie-Skłodowska University), Marcin Kołakowski (University of Warsaw), Ekaterina Maslova (Omsk F. M. Dostoevsky State University).

© Los autores

Se respeta en cada caso la ortografía y estilo de redacción de cada autor, cuyo texto se mantiene invariable. El comité organizador de GranaSlavic2014 no asume responsabilidad por posibles errores de transmisión informática que puedan eventualmente alterar la apariencia o el contenido de los trabajos durante los procesos de recepción y/o de lectura.

Quero Gervilla, Enrique F., Barros García, Benamí, Gallego Díaz, Estrella M., Gorozhankina, Tamara (Eds.). (2014). *GranaSlavic2014. IV Jornadas andaluzas de eslavística: libro de resúmenes*. Granada: Sección departamental de Filología Eslava/Universidad de Granada.

Design and layout by Tamara Gorozhankina.

ISBN: 978-84-617-0187-2

DEPARTMENT SECTION OF SLAVIC STUDIES

GRANASLAVIC2014

4TH INTERNATIONAL CONFERENCE

ANDALUSIAN SYMPOSIA ON SLAVIC STUDIES

Quero Gervilla, Enrique F., Barros García, Benamí,
Gallego Díaz, Estrella M., Gorozhankina, Tamara (Eds.)

Faculty of Philosophy and Literature
University of Granada
June 4-6, 2014

UNIVERSITY OF GRANADA
2014

Introduction

Tras la fructífera experiencia obtenida en las tres jornadas organizadas con anterioridad (en 1992 en la Universidad de Granada, en 1996 en Baeza, en la Universidad Internacional de Andalucía, Sede Antonio Machado, y en 2004 de nuevo en la Universidad de Granada), los miembros de la Sección Departamental de Filología Eslava hemos decidido organizar el Congreso internacional "IV Jornadas Andaluzas de Eslavística" en conmemoración del XX aniversario de la fundación del Área de Filología Eslava, ahora Sección Departamental de Filología Eslava, en la Universidad de Granada. El objetivo del Congreso es promover las investigaciones teóricas y aplicadas en el ámbito de los estudios eslavos y reunir a los investigadores interesados en cualquiera de las diferentes áreas que abarca el Congreso: 1. Enseñanza de las lenguas y culturas eslavas 2. Literaturas eslavas y otras expresiones culturales 3. Los medios de comunicación, discurso político y relaciones internacionales 4. Historia, cultura y visión del mundo 5. Investigaciones lingüísticas 6. Traducción desde/a las lenguas eslavas. El Congreso se celebrará en la Facultad de Filosofía y Letras y contará con alrededor de 200 participantes provenientes de más de 30 países.

El presente libro, que contiene los resúmenes de las comunicaciones y ponencias que se presentarán a lo largo del congreso, nos permitirá comprender aquellas temáticas que resultan de interés a los eslavistas de todo el mundo en la actualidad.

Para la selección de las ponencias y comunicaciones ha sido un placer contar con un comité científico integrado por:

Boris Uspensky (Universidad de Nápoles), Nina Arutiunova (Academia de Ciencias de Rusia), Michael Nicholson (Universidad de Oxford), Jiří Černý (Universidad de Olomouc), Henryk Fontański (Universidad de Silesia), Vsevolod Bagno (Academia de Ciencias de Rusia), Alexei Shmelev (Academia de Ciencias de Rusia), Anna Zalizniak (Academia de Ciencias de Rusia), Nikolai Garbovski (Universidad Estatal de Moscú), Ewa Komorowska (Universidad de Szczecin), Juan Gay Armenteros (Universidad de Granada), Miguel Gómez Oliver (Universidad de Granada), Juan de Dios Luque Durán (Universidad de Granada), Milagros Fernández Pérez (Universidad de Santiago de Compostela), Miguel Casas Gómez (Universidad de Cadiz), Ricardo Martín de la Guardia (Universidad de Valladolid), Sultana Wahnón (Universidad de Granada), María Luisa Calero Vaquera (Universidad de Córdoba) y Carlos Taibo (Universidad Autónoma de Madrid).

Además, dentro del programa contaremos con numerosos ponentes plenarios e invitados de primerísimo nivel: Aleksei Shmelev (Academia de Ciencias de Rusia), Anna Zalizniak (Academia de Ciencias de Rusia), Carlos Taibo (Universidad

Autónoma de Madrid), Irina Mikaelian (Universidad Estatal de Pensilvania), Jiří Černý (Universidad de Olomouc), Laura Janda (Universidad de Tromsø), Michael Nicholson (Universidad de Oxford), Pierre Gonneau (Universidad Sorbona de París-CNRS), Selma Ancira (Traductora. Premio Nacional de Traducción 2011), Tore Nasset (Universidad de Tromsø), Yuri Shevchuk (Universidad de Columbia).

El mencionado evento debe servir de impulso para promover el conocimiento y el intercambio cultural entre España, los países eslavos y todas aquellas instituciones dedicadas al estudio del ámbito eslavo a nivel mundial.

Por último, deseo agradecer la colaboración a todas aquellas instituciones que han apoyado la organización del Congreso: Sección Departamental de Filología Eslava del Departamento de Filología Griega y Eslava, Patronato de la Alhambra y Generalife, Centro de Lenguas modernas, Parque de las Ciencias, Patronato provincial de Turismo de Granada, Centro checo, Instituto polaco de cultura, Editorial URSS y muy especialmente a la Universidad de Granada, sin cuyo apoyo la organización de este evento hubiera resultado imposible.

Esperamos que este encuentro sea de utilidad para todos los investigadores interesados en cualquiera de las diferentes áreas que abarca el Congreso y sirva para que todos los eslavistas del mundo podamos fortalecer y profundizar en los lazos de amistad y colaboración que sin duda alguna nos unen.

Enrique F. Quero Gervilla
Director de la Sección departamental de Filología Eslava
de la Universidad de Granada

PLENARY SPEAKERS

Construcciones semioracionales españolas y sus equivalentes checos

Jiří Černý

Palacký University in Olomouc

Bajo el término *construcciones semioracionales* comprendemos las construcciones sintácticas que por una parte no pueden considerarse como oraciones, ya que les falta el predicado representado por el verbo finito, por otra parte, sin embargo, cumplen perfectamente la función de una oración. En español son construcciones muy frecuentes en las que aparece el infinitivo (*al llegar a casa*, etc.) o el gerundio (*hablando con Juan*, etc.) y las relativamente escasas, en donde aparece el participio (*terminada la reunión*, etc.). Todas ellas son perfectamente comprensibles gracias al contexto, y es posible incluso sustituirlas con oraciones respectivas, cambiando la forma nominal por el verbo finito, sin que cambiara en lo mínimo su significado. En varias lenguas indoeuropeas coexisten generalmente las dos posibilidades (construcción semioracional, cuyo núcleo es la forma nominal del verbo + oración con forma finita del verbo en función de predicado), aunque su frecuencia puede diferir considerablemente, hasta el punto de que en algunas lenguas se prefieren las construcciones semioracionales, mientras que las oraciones equivalentes representan solamente una posibilidad teórica. En español coexisten las dos posibilidades y las dos son muy frecuentes.

El checo, a diferencia de las demás lenguas, no dispone de las construcciones semioracionales que nos interesan aquí; existían las formadas con el gerundio (*přechodník přítomný*, *přechodník minulý*), pero dejaron de usarse hace más de un siglo.

El presente artículo está dedicado a dos temas realacionados con las construcciones semioracionales. El primero, teórico: las relaciones entre las dos posibilidades (*al llegar / cuando llegué*) desde el punto de vista estructural. El segundo, práctico: las consecuencias de la no existencia de las construcciones semioracionales checas en la traducción de los textos checos al español.

The many deaths of Ivan the Terrible and their interpretations

Pierre Gonneau

Paris-Sorbonne University

It is well known that Ivan the Terrible was born on August 25th 1530, lost his father at the age of 3 (December 4th 1533) and his mother at the age of 8 (April 8th 1538).

During his childhood many rumors about his death circulated in Russia and abroad, contributing to the instability of court politics at that time. Ivan survived though to become the first Russian tsar (January 16th 1547) and to conquer the Tatar city of Kazan (October 2 1552). But shortly after that, in March 1553, the tsar fell extremely ill, and a tragicomedy was played around his bed about the would-be succession. The situation is reported in Muscovite chronicles and in Ivan's famous correspondence with prince A. Kurbskii. The main feature of these tales is that they do not add up but give us quite different versions at different times. Finally, Ivan the Terrible dies on March 18th 1584, almost exactly 430 years ago. His last moments are duly recorded by English and Russian sources. But upon reading them, one has the sensation that native and foreign sources describe totally different events. This paper tries to explain the reasons for these discrepancies. It explores the mechanic of History writing in Muscovy and the birth of Kremlinology abroad. Russian official chronicle compilations (*svody*) have been repeatedly edited during Ivan the Terrible's reign and one can feel his imprint on this process. Foreign sources, especially Jerome Horsey's tale of Ivan the Terrible last hours, show the prejudices and the preoccupations of their author's country of origin and the state of its relation with Russia. The positivist approach consists in eliminating "errors" in each tale and establishing a plausible reconstruction of the chain of events. But one can also explore the sources on the angle of the *histoire des mentalités* and try to understand the purpose of each narration and the reason why some elements are kept or omitted.

Extending the Verb Classifier Hypothesis: Aspectual Prefixes as Sortal Classifiers in Slavic and Procedural Prefixes as Mensural Classifiers in East Slavic and Bulgarian

Laura A. Janda
University of Tromsø

Stephen M. Dickey
University of Kansas

Janda 2012 and Janda et al. 2013 presented the hypothesis that Russian aspectual prefixes serve as verb classifiers, similar to verb classifiers identified in Australian languages, and as the verbal analogs of numeral classifiers found primarily in Asia and Central America. We further extend this hypothesis in two directions. First, we make the point that the distinction between sortal classifiers (that classify items based on inherent properties such as shape) and mensural classifiers (that classify based on non-inherent measures) are relevant also to the verbal domain. In other

words, the distinction for numeral classifiers we see in Table 1 has a parallel in the verbal domain. Russian uses prefixes as both a) sortal classifiers, as in *na-pisat'* where *na-* sorts *pisat'* among verbs involving accumulation on a surface (an inherent property); and as b) mensural classifiers in the formation of procedural verbs such as *po-stonat'* ‘groan for a while’ where an external measure is imposed on an activity.

Classifier Type	Numeral	Classifier	Noun
Sortal	<i>yi</i> ‘one’	<i>tiao</i> CL: long-thin	<i>shengzi</i> rope
Mensural	<i>yi</i> ‘one’	<i>bei</i> CL: glass	<i>pijiu</i> beer

Table 1: The Numeral Classifier Construction in Mandarin Chinese

Whereas Janda 2012 and Janda et al. 2013 focused only on Natural Perfectives (where the prefixes have a “purely perfectivizing” function, as in *na-pisat'* ‘write’) and only on Russian, we argue that the use of prefixes as the verbal analog of sortal classifiers can be extended also to Specialized Perfectives (where the prefix brings additional meaning to a perfective, as in *pere-pisat'* ‘rewrite’), and that all Slavic languages have sortal verb classifiers used in the formation of Natural and Specialized Perfectives. We further show parallels between the radial category structure of the meanings of numeral classifiers and the meanings of Slavic prefixes, as well as the foregrounding and weak definiteness effects of bare classifier constructions in languages such as Cantonese or Vietnamese and of perfective verbs in East Slavic and Bulgarian.

The Eve of *Ivan Denisovich*: Solzhenitsyn’s Writing in the 1940s and 1950s

Michael Nicholson
University College, Oxford

The apparently epoch-making features of Aleksandr Solzhenitsyn’s début in 1962 with the story *Odin den’ Ivana Denisovicha*, and its sensational, and international, contemporary response — set their mythopoetic stamp on the image of his later development. One consequence was a tenacious temptation to see Solzhenitsyn as evolving, or declining, from the spare, open, ‘democratic’ manner of his firstling, towards long forms with relatively closed structure, marked by anti-Soviet mystical-

religious-nationalistic features. The present paper takes it as self-evident that Solzhenitsyn did change over time, but that the assumptions outlined above are, nevertheless, a-chronological and in significant measure wrongheaded.

Whatever it did for his career, *Ivan Denisovich* (first written in 1959), did not in any fundamental sense mark Solzhenitsyn's beginning as a writer. It was not typical of works written before it (including *V krughe pervom*), or even composed in the same breath (such as *Znayut istinu tanki*). The decade before *Ivan Denisovich* had already been marked by themes and intonations which are usually associated with the 'late' Solzhenitsyn of the 1970s onwards. These include national/patriotic fervour, fierce opposition to Soviet power, as well, on the other hand, as a contemplative, almost quietist counter-inclination to withdraw from struggle, together with an emergent Christianity. One particular aspiration, preserved in Solzhenitsyn's verse years before *Ivan Denisovich*, was the need to curb his own rage and impatience, to restrain and contain his literary voice. This impulse carries generic, structural and narratological implications that are particularly relevant to the eventual emergence of *Odin den' Ivana Denisovicha*.

The features enumerated above — far from being static markers of an 'early' versus a 'late' Solzhenitsyn — can be seen competing one with another in the years leading up to Ivan Denisovich. They formed a dynamic, albeit sometimes embryonic presence in his literary development two decades or more before Western critics grappled with the 'new' traits they discovered in the 'late' Solzhenitsyn of Krasnoe koleso or Arkhipelag GULag (both of which, incidentally, he had conceived and even begun writing before ever he turned to Ivan Denisovich).

In attempting to flesh out these broad claims, the paper makes reference not only to published works from the period before the writing of Ivan Denisovich, but also to some relatively unexplored and inaccessible verse and fragments from the 1940s.

“Historical memory” of linguistic units (*mir*, *volja*, *primirenie*, *smirenie* in the history of the Russian language and Russian culture)

Alexei Shmelev

Moscow Pedagogical State University

St. Tikhon's Orthodox University of Humanities

The Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences

The paper will discuss the role of “historical memory” in the linguistic world view (with special reference to the semantic history of the Russian words *mir* ‘peace’ ‘world, universe’ and *volja* ‘will’ and ‘freedom’).

It may be argued that the homonymy of the Russian words *mir* ‘peace’ and *mir* ‘universe’ resulted from the decision (made by St. Cyril and St. Methodius) to

translate the Greek words *εἰρήνη* 'peace' and *κόσμος* 'world, universe; community' with the same Slavic word *mir* 'harmony, concord'. The reason for that decision was probably of poetic nature: the Greek words often co-occur in the Orthodox liturgical texts. A semantic link between the two homonyms still appears in some contexts. Thus, the opening petition of the Great Litany *Mirom Gospodu pomolimsja* 'In peace, let us pray to the Lord' is often understood as 'Let us pray to the Lord all together'.

Some of the overtones in the semantics of *mir* led to a certain semantic shift of the words *smirit'sja*, *smirenje*, and *smirenyj*. Originally, these words were linked to the word *mera* 'measure'; accordingly, they conveyed the idea of moderating one's ambitions; the word *smirenje* has become an accepted equivalent of *humility*. The "folk etymology" linked them with the root *mir* and in particular with the words *primirit'sja* 'to be reconciled' and *primirenje* 'reconciliation'. As a result, the word *smirenje* has acquired connotations of non-resistance and acceptance of what is happening, "reconciliation with the reality". In addition, *smirenje* is supposed to deliver those who possess it from any bad feelings towards other people. This semantic shift has led to a change of the government pattern: it is now acceptable to use the pattern *smirit'sja s <kem, chem>* instead of the traditional *smirit'sja pered <kem, chem>* (by contrast, *smirenje s <kem, chem>* is still unacceptable). Consider also such words as *usmirit'* 'to pacify; to suppress (a mutiny)' and *smirnyj* 'quiet, submissive'.

The paper will also discuss the history of the words *volja* 'freedom' and *vol'nyj* 'free' as well as *soglashatel'* 'conciliator, compromiser' and *primirenec* 'appeaser, compromiser' semantically related to *mir*: originally neutral, the latter words acquired negative connotations in the Soviet discourse (as is reflected in most Soviet dictionaries). Some present-day speakers tend to use these words with no bad connotations (or even in positive sense).

Русская глагольная префиксация и проблема видовой парности

Анна А. Зализняк

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Ирина Микаэлян

The Pennsylvania State University

Префиксальные видовые пары – одна из наиболее проблемных точек русской аспектологической теории. В последние несколько лет дискуссия вокруг этой темы произвела новый виток благодаря работам когнитивного направления

Лоры Янды и ее исследовательской группы в Университете Трёмсе (Норвегия), выполненным с применением передовых корпусных технологий.

В докладе излагается трактовка префиксальных видовых пар в русском языке, опирающаяся на «функциональный» подход к видовой коррелятивности (развивающий идеи Ю.С.Маслова). Демонстрируется, что как традиционный, так и совпадающий с ним в данном отношении когнитивный подход, устанавливающий видовую коррелятивность в направлении от НСВ к СВ на основании того, что глагол СВ выражает «логическое завершение» действия, описываемого глаголом НСВ, не обеспечивает операционального критерия установления видовой коррелятивности. С точки зрения устройства аспектуальной системы направление производности в префиксальных видовых парах обратное: исходным является префиксальный глагол СВ, а простой имперфектив (НСВ1), который может выступать в роли имперфективного коррелята, получается путем «депрефиксации», т.е. отбрасывании той приставки, которая входит в состав префиксального глагола СВ. Префиксальные пары представляют собой маргинальную составляющую русской аспектуальной системы, формируемой отношением имперфективации, продуктом которой являются суффиксальные видовые пары. Имперфективация – это мощный, почти универсальный механизм, действию которого подвергаются в равной мере как те глаголы СВ, которые не имеют бесприставочного видового коррелята (традиционно относимые к *perfectiva tantum*, ср. *уцелеть* - *уцелевать*, *встрепенуться* – *встрепенываться* и т.п.), так и те, которые уже его имеют, в результате чего образуются «видовые тройки» (*намазать* – *мазать/намазывать*).

Сказанное, однако, не означает, что русская аспектуальная система стремится избавиться от префиксальных пар. Действительно, видовая корреляция основана на «замене» глагола СВ на глагол НСВ в контексте обязательной имперфективации. Необходимость «замены» НСВ на СВ возникает гораздо реже и имеет несколько иную природу, но все же она тоже не исключена: имеется, напр., контекст модального оператора *стоит*, а также небольшой список контекстов типа *как только...*, требующих употребления СВ. Кроме того, в русском языке существует довольно большая группа «образцовых» префиксальных пар, и среди них в основном встречаются очень частотные глаголы. Ядро «образцовых» префиксальных пар составляют пары, где СВ образован с помощью «чисто-результативных» т.е. наиболее десемантизированных приставок *с-* и *по-* – приставок, которые, могут рассматриваться как «образцовые перфективаторы»: помимо таких общепризнанных перфективов как *сделать* или *построить*, возникают новые глаголы типа *соперировать* или *посчитать* (от глагола *считать* в значении ‘иметь мнение’). Хотя даже эти приставки не полностью блокируют вторичную имперфективацию (ср. такие формы как *сделать*, *постраивать*, в избытке

встречающиеся в Интернете), это обстоятельство, как мы видели, не отменяет наличия отношения видовой коррелятивности между СВ и НСВ1.

SESSION 1
*Learning and Teaching of Slavic Languages
and Cultures*

Teaching learnable grammar in Russian as a second language: a syllabus proposal for case

Daniele Artoni, Marco Magnani
University of Verona

Grammar is not the first aspect to be learnt in a second language (L2), as many propositional contents can be expressed with a reasonable number of uninflected words placed in the canonical word order. However, in a language such as Russian, which displays a highly complex morphological system and a variety of word orders (King, 1995), errors in morphology can lead to misunderstandings, and the rigidity of canonical word order fails to satisfy discourse and pragmatic needs. An adequate teaching of Russian grammar is thus not only highly recommendable, but also a key issue for L2 teachers. In this paper we suggest a grammatical syllabus for teaching case in Russian L2 based on the Teachability Hypothesis (Pienemann, 1989). According to this hypothesis, there are two ways in which grammar can be taught effectively: either by presenting L2 learners with structures immediately above their current developmental stage, or by introducing a wider range of structures belonging to that stage. In order to determine the learners' stage of development, we follow Processability Theory (PT; Pienemann, 1998; Pienemann, Di Biase & Kawaguchi 2005), a psycholinguistic theory of L2 acquisition which offers a series of universal and implicational stages of acquisition for both morphology and syntax, i.e. from lexical form variation to interphrasal morphology, and from canonical to freer word orders.

By presenting the results of a cross-sectional study on a corpus of semi-spontaneous speech collected among 30 learners of Russian L2 at different proficiency levels and from a varied L1 background (Azeri, Chinese, Georgian, Italian, Romanian, Slovak, Serbian), we will demonstrate that the implicational scalability of PT's hypotheses is very high. More specifically, we will provide empirical evidence showing that failure in teaching some grammatical structures relative to Russian case can be explained by their higher ranking in PT's developmental hierarchy compared to the learners' developmental stage. On the other hand, we will show the numerous advantages of constructing a syllabus for teaching Russian case which respects PT's developmental sequence – chiefly among them the faster and more effective learning.

References

- King, T. H. 1995. *Configuring Topic and Focus in Russian*. Stanford, CA: CSLI Publications.
Pienemann, M. 1989. Is language teachable? Psycholinguistic experiments and hypotheses. *Applied Linguistics* 10: 52-79.
Pienemann, M. 1998. *Language Processing and Second Language Development: Processability Theory*. Amsterdam: Benjamins.

Концепция и структура нового учебника русской поэзии

Natalia Azarova
Russian Academy of Sciences

В новом учебнике «Поэзия» (под редакцией Н. Азаровой, Д. Кузьмина, В. Плунгяна), созданном преимущественно лингвистами и практикующими литературными критиками, ставится не только задача разработать современный подход к анализу поэзии на уроках литературы, но и актуальная задача встроить анализ поэтических текстов в занятия по русскому языку. Любой раздел учебника и любое задание подразумевает индуктивный, начинающийся от языка и особенностей текста подход.

В отличие от традиционных учебников литературы, данный учебник отказывается от хронологического принципа построения, что обусловлено современными реалиями – линейная информация об историко-литературном процессе общедоступна благодаря сети Интернет и более не имеет обучающей ценности.

Учебник, построенный по проблемному принципу, соединяет в себе теоретические разделы и хрестоматию. В учебник включено гораздо большее, чем обычно, количество стихотворений для самостоятельного разбора, предлагаемых читателю после каждого теоретического изложения и наглядно демонстрирующих проявление основной для параграфа проблематики. Важной задачей хрестоматийной части учебника является познакомить преподавателей, учителей, студентов и школьников с представительным корпусом текстов современных авторов, а также научить пользоваться поэтическим корпусом в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и компетентными сетевыми ресурсами, посвящёнными современной поэзии. Действительно, не менее половины поэтов, чьи стихотворения включены для разбора (всего около 150-ти авторов), представляют современную русскую поэзию, что предполагает возможность научить опознавать современные способы мышления и их связь с новыми формами языка и текста. Изучение современной поэзии и ее языка, выделение инвариантов новаций способно помочь пониманию перспектив инновационного и креативного мышления в разных областях человеческой деятельности.

В учебнике затрагивается большое количество новых тем, например, особенности субъективации и адресации, поэтическая идентичность, межязыковое взаимодействие и др. Особое место занимают параграфы,

уделяющие внимание актуальным проблемам междискурсивного взаимодействия, посвящённые, например, взаимодействию поэзии и политики, поэзии и живописи, поэзии и кино, визуальному строю поэтического текста. Учебник предназначен для старших классов школы (гуманитарных классов или гимназий и лицеев), хотя частично может быть использован и в обычной школе; для первых курсов гуманитарных факультетов; в гуманитарных курсах для студентов негуманитарных специальностей; для изучающих славистику иностранцев.

Serbo-Croatian studies at Italian Universities

Ljiljana Banjanin
University of Turin

The aim of this article is to provide a review of Serbo-Croatian language and literature at Italian Universities from their beginnings to present. First interests in Serbo-Croatian appeared in the 19th and the beginning of the 20th century, when the Italian intellectuals (Bartolomeo Mitrovich, Umberta Griffini) began translating and publishing Serbian and Croatian authors in the prestigious Italian journals (*La Nuova Rassegna bibliograficoletteraria*).

The moment in which the first department of Serbo-Croatian language and literature was founded at the University of Padua in 1940, is considered as the official beginning of Slavic studies at an academic level. The first full professor and one of the deans was Arturo Cronia, a pillar of the Slavic studies in Italy, who contributed to the development of interests in Serbo-Croatian. After the Second World War, new departments were founded and they were run by the professors specialised in Serbo-Croatian language and literature (e.g. Jolanda Marchiori, Liliana Missoni, Lionello Costantini). The article will shortly focus on this new profile of professors who are closely related to the critical studies, and who are significant for translations of major Serbo-Croatian authors (e.g. Držić, Andrić, Crnjanski, etc.) In the 1980s close attention is devoted to the study of the language and this period is considered as the 'blooming' of the lectureship, which have significantly contributed to the presence of Serbo-Croatian within most universities' curriculum.

Serbo-Croatian studies have been brought into deep crisis in all EU countries as a result of the disintegration of Yugoslavia, the economic crisis and reforms at the universities. Many departments no longer exist, especially in Germany and France. The status of the language itself was brought into question and this became a theoretical and a serious practical problem in everyday teaching. Today, Serbo-Croatian studies are present at eight universities in Italy.

There is a fixed number of undergraduate and postgraduate students, assistant and full professors who teach Serbo-Croatian language and literature, who contribute to the improvements of the curricula and who take part in the international collaborations (Erasmus, scholarships and international agreements).

Настава и учење руског језика у постјугословенском простору

Biljana Babić
University of Banja Luka

Кључне ријечи: словенски језици, постјугословенски простор, настава, учење.

Изучавање руског језика на тлу бивше Југославије било је на завидном нивоу. Осамдестих година прошлог вијека руски језик је суверено владао школским клупама. Међутим, распад заједничке државе, поред осталог, оставио је велике последице на наставу и изучавање руског језика у новонасталим државама, премда не свуда подједнако. Руски језик су многи од њих сматрали остатком социјалистичке прошлости коју је требало елиминисати. Од деведесетих година двадесетог вијека до првих година двадесет првог вијека, долази до наглог пада заинтересованости за руски језик, те до потпуног престанка наставе руског језика у многим основним и средњим школама, а готово да уопште и није био заступљен у настави на факултетима ван стручно профилисаних студијских програма. (Тако је, на примјер, школске 1996/1997. у Србији, у којој је статус руског језика био повољнији него у осталим бившим републикама СФР Југославије, руски језик учило свега 25,04% основаца). Најчешће се као главни узрок томе истицала незаинтересованост ученика и студената, што је само дјелимично тачно. Чињеница је ипак да се у другој деценији двадесет првог вијека ситуација мијења на боље. Све је већа заинтересованост свих старосних група за учење руског језика на читавом постјугословенском простору. Све више родитеља затијева да им дјеца у школама уче руски језик, оснивају се студијски програми руског језика и књижевности у градовима гдје раније нису постојали, такође, повећан је и број студената на већ постојећим студијским програмима. Поред тога, руски језик нуде и многе приватне школе језика, што је раније био изузетак. Наш рад управо има за циљ да освијетли наставу и учење руског језика у постјугословенском простору, који су били праћени осцилацијама, сагледавајући праве разлоге за то.

Štokavian accent training for foreigners

Dušica Božović
University of Helsinki

Bosnian, Croatian, Montenegrin and Serbian standards are all based on the Neo-Štokavian accent system, which has a variable stress and quantitative and qualitative oppositions between syllables. Therefore, it is believed to be hard to learn by foreigners and not so essential for fluency in the Bosnian-Croatian-Montenegrin-Serbian language. A course on the Štokavian accent for foreigners has been offered at the University of Helsinki (2011, 2013 and 2014) and the results of this training will be discussed in this paper.

The participants of the course in 2013 were three students whose mother tongue is Finnish and one student whose mother tongue is Thai. The Finnish language has a dynamic accentuation and a fixed stress (on the first syllable), whereas Thai has a pitch accent. The course' aim was to introduce participants to the history of the accent system, inventory in the dialects, standard languages and their relation to language practice in media. Besides, one of the main objectives was to improve their pronunciation, help them hear and write down what native speakers say, as well as read annotated texts.

The participants of the course were given two familiar texts to read before the course. Each of them had a non-annotated and an annotated version. During the course, the students underwent reading training for one of the texts. The goal was to observe how helpful text annotating is and how much their pronunciation improves with the course and training. The hypothesis is that both annotation and training help them improve pronunciation. The paper recommends for Bosnian-Croatian-Montenegrin-Serbian textbooks to contain annotated versions of practice texts.

Аспекты усвоения лексики при обучении РКИ на начальном этапе в условиях отсутствия языковой среды

Joan Castellví, Elena Markina
University of Barcelona

В данной работе представлена часть текущего исследования, посвященного усвоению лексики на начальном этапе изучения русского языка как иностранного (100 часов, Элементарный уровень) студентами первого курса, обучающихся по специальности «Современные языки и литература» в Барселонском университете. Знание лексики оценивается по методике,

предложенной П. Мeara (2002, 2005).

При обучении таким языкам, как английский, общий объем словарного запаса оценивается исходя из списков слов, сформированных на основе идеографических критериев, среди которых частотность занимает первое место. В случае обучения РКИ, в связи с тем, что *'input'*, который получает студент, особенно на ранних этапах изучения языка, ограничивается почти исключительно материалами уроков, критерий частотности отходит на второй план.

В нашем исследовании мы рассматриваем: 1) частотность лексических единиц в материалах курса и связь между частотностью и усвоением слов; 2) словообразовательные связи, которые может установить студент между производными словами, образованными от одного корня; в частности, разные этапы, на которых присутствие определенных аффиксов не мешает узнаванию слов (т.е. на уровне рецепции), а также этапы, на которых учащиеся начинают использовать разные аффиксы для образования новых слов (на уровне продукции); 3) развитие у учащихся способности узнавать когнаты, исходя из объема их словарного запаса и общих грамматических знаний.

Исследование проводится в два этапа: после первых 50 часов обучения и в конце курса. Полученные данные о знании лексики соотносятся с индивидуальными различиями учащихся, которые не меняются на протяжении всего периода обучения. С этой целью проводятся тесты на оперативную память (E-Prime, Schneider et al. 2005), внимание (Task switching test, Tombaugh 2004) и общую языковую способность (LLAMA, Meara 2005).

How to design a test for Russian as a foreign language (or what is the question worth)?

Tatiana Chaikhieva
University of Granada

This seemingly simple question reflects one of the main problems in the testing of Russian as a foreign language (TRFL). The design of an effective test is a long and difficult process. There is the designer of the test, who determines the content of the test and the cost of each task, and there is the examiner, who conducts the test according to the regulations. The fact that the official certificate is awarded without the right of appeal shows the clear importance of both these specialists.

The TRFL standard is the document which defines all levels from A1 to C2. During its development this document has undergone significant changes pertaining to the content of the tests, each version similar in structure and complexity, for each level.

For instance, between 1999 and 2007 the B1 standard listening test increased the pace of the speech, the volume of words from 300-400 to 500-600 (by approximately 50%) and the volume of unfamiliar words twofold, whereas the number of times each audio segment was played was cut from 2 to 1. Each of the five parts of the TRFL exam underwent changes, which is indicative of the dynamic nature of the test design process.

The results of the tests are presented in a chart and the preliminary conclusions about the test drawn on the basis of the distribution of individual results. This dichotomic scale (yes or no) assesses the effectiveness of the test and the need for further development. However, the writing part of the test is assessed qualitatively (communicatively significant/insignificant mistakes, insufficient content etc), which means a different scale and different units of measurement for the task. The question of evaluation, assigning a figure to a task based on the analysis of the effectiveness of tests, is a complex one, and belongs to the important sphere of social testing and its reliability in correlating with the TRFL standard. Currently we have the following forms of tests: choosing the correct answer; choosing the incorrect exception; matching; choosing several possible correct answers; choosing the correct order; open questions. The result is a chain determining the effectiveness of the test: assessment of content – determination of a scale – evaluation. The links in this chain are the units of measurement chosen for the spoken and written answers. It is recommended that linguists and mathematicians join forces to work on the measurement of the content of tests in order to solve this problem.

Horizons of Iberian-Slavonic Studies within the “Europe 2020” plan. Overlook and challenges

Beata Cieszyńska
University of Lisbon

Keywords: Iberian-Slavonic Studies, Europe 2020, Cultural Studies, Reading the Other, Cultural Encounters.

The present analysis aims to review the main achievements and ways to expand the Iberian-Slavonic Studies, as conducted from the University of Lisbon, and within the recently established institutional frame, that includes: CLEPUL5 – Research Group “Iberian-Slavonic Interculturality” of the Center Centre for Lusophone and European Literature and Cultures” - CLEPUL-FLUL, CompaRes – The International Society for Iberian-Slavonic Studies and CISCRA-ICS – Commission for Iberian-Slavonic Comparative Research at the International Committee of Slavists, as well as the other international partners.

There are two mayor lines of activity to discuss leading to the objects:

I. Projects related to the established series: “Iberian and Slavonic Cultures in Contact and Comparison” within the annual events: “Weeks of Iberian-Slavonic Cultural Cooperation at the Univ. of Lisbon” (so far of 8 editions), and two Series of publications: Iberian-Slavonic Library (in EN and PT), as well as the line of Yearbook *IberoSlavica*, understood as the platform for Iberian-Slavonic researchers world widely. Here the *novum* is to follow more systematically the concentric methodology adapted by CLEPUL, meaning to accompany its main research focuses and providing in micro-scale the richer Iberian-Slavonic perspectives. It particularly applies to the events from the series Congresses from the series *Ideas off/for Europe*, starting with the nearest in Braga, October, 2015, and dedicated to the *Culture(s) in negative*.

II. The search for new methodologies to promote and measure encounters of the Iberian cultures with the others through the debate on the cultural imprints of Slavs in:

A) Iberian America - building up the net of researches dedicated to assess the place of the Slavic cultural imprints within intercultural of societies of Latin America, and setting up the line of events leading to its main organizational goal: the International Congress “Slavs in construction of America(s)”;

B) Europe - seeking an effective methodology to promote “Bridging European Cultures through the Cultural impact of Slavs”, within the crossing Cultural and Social Studies. It would be elaborated and verified in course of double stage verification including both Iberian countries and the British Isles, with two different pairs of states, both comparative and marked with the Slavic immigration, having also a developed net of connections: 1. Portugal – Scotland; 2. Spain - Great Britain. Eventually, the worked out patterns for bridging the Iberian cultures with other Europeans, elaborated within the Iberian-Slavonic Studies, are to be proposed as well to the other European Cultural Studies, hoping to contribute to their development in Europe in the perspective of the Horizon 2020 plan.

Русская лексика по-новому (пособие для испаноговорящих студентов)

L.V. Krasilnikova, I.V. Ruzhickij
Lomonosov Moscow State University

Marc Ruiz-Zorrilla Cruzate
University of Barcelona

Ключевые слова: обучение русскому языку иностранцев, пособие по лексике, ассоциативный словарь.

1. Разрабатываемое учебное пособие в основном предназначено для студентов Университета Барселоны, поскольку во многом опирается на учебник «Курс русского языка. 1–2» Marc Ruiz-Zorrilla Cruzate, Joan Castellví Vives, Pyotr K. Kognakov, использующийся именно в этом вузе. Таким образом, пособие является не просто национально ориентированным, но и направленным на довольно узкую аудиторию, что, однако, не является препятствием для его использования вообще в испаноязычной аудитории студентов уровня B1-B2.

2. Новизна данного пособия заключается прежде всего в том, что активно задействован материал русских ассоциативных словарей («Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю.Н. Караулова, Н.В. Уфимцевой, Е.Ф. Тарасова и др., «Ассоциативные нормы испанского и русского языков» М. Санчес Пуиг, Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой), т. е. позволяет отразить в упражнениях не просто особенности лексической системы, но и раскрыть общую картину живой речи носителей русского языка, показать речемыслительный портрет русских, дать картину сочетаемости слов, и, как результат, развивать не только лексические навыки и умения, но и приблизиться к формированию билингвальной личности, формированию человека понимающего, думающего, говорящего.

3. Структура пособия отражает те лексические трудности, которые могут возникнуть у испаноговорящих учащихся уровня B1-B2. Материал для лексических заданий соответствует лексическому минимуму данного этапа обучения, например, *изучать-учить, учиться-заниматься, задача-задание-вопрос-проблема, стараться-пытаться-пробовать, стремиться, использовать-употреблять*, и др. Одновременно с этим даются фрагменты русского и испанского ассоциативных полей, которые в дальнейшем дополняются актуальными, по мнению авторов пособия, данными из других лексикографических источников и учебных пособий по лексике.

4. Система заданий, с одной стороны, традиционная, т. е. выделяются языковые, предречевые и речевые задания, с другой стороны, делается больший упор на решение коммуникативных задач, используется микротекст, в состав которого входят слова-реакции, единицы ассоциативного поля. Ядро этого поля – отрабатываемый учебный материал.

5. Поскольку в ассоциативном поле могут встречаться ассоциации всех типов: синтагматические (лексическая и грамматическая сочетаемость), парадигматические (гипоним, родовое слово, однокоренное слово, антоним, синоним, пароним, конверсив), когнитивные (фразеологизм, метафора, отсылка к прецедентному тексту, афоризм и др.), прагматические (эмоционально-оценочные) и образные, то, как мы полагаем, включение такого рода материала в лексические задания позволит в полной мере раскрыть специфику значений и употребления изучаемых слов, причём в реальном её представлении, так, как она функционирует в русском языковом сознании.

El Nuevo método práctico aplicado a la lingua búlgara de Ya‘acob A. Gadol: una fuente de datos sobre la enseñanza y el aprendizaje del búlgaro a finales del siglo XIX

Dora Mancheva
University of Geneva

La comunicación se propone reseñar un manual de estudio de la lengua búlgara para sefardíes, escrito por Ya‘acob A. Gadol y publicado en la ciudad de Varna en 1893. El volumen que consta de 127 páginas en caracteres aljamiados y cirílicos, tiene interés por ser una de las relativamente raras obras de carácter pedagógico en las que la lengua vehicular es el judeoespañol. Es una novedad para los expertos en el área y por consiguiente, pendiente de estudio.

El núcleo del libro contiene 107 unidades didácticas destinadas a enseñar el búlgaro a través de oraciones sueltas o microdiálogos, textos cortos, vocabulario, ejercicios gramaticales, etc. Un apéndice, llamado *Lexicón* (págs. 124-125), explica una cincuentena de términos gramaticales: se precisa su significación en una breve definición, aduciendo también el término correspondiente en búlgaro y a veces en hebreo. En la página 127 a este listado alfabético se añaden una decena de tecnicismos más.

El *Nuevo método* es una herramienta de enseñanza y aprendizaje de categoría. Su autor es, a todas luces, un profesional de la enseñanza de lenguas que hace gala de un nivel de dominio del búlgaro digno de todo encomio. Las características de este libro de texto le han valido un gran reconocimiento: el mismo año de su publicación se proclama el *Nuevo método*, por orden del gran rabino de Bulgaria, libro oficial de aprendizaje del búlgaro en las escuelas judías y se recomienda su uso a las familias sefardíes. Al año siguiente—1894—la demanda es tan grande que le vale una reedición en la ciudad de Ruschuk (Ruse). Por ser considerado de importancia nacional, se publica una nota sobre el escrito en la *Revista búlgara de ciencia, literatura y vida social*.

Национальные социокультурные стереотипы в курсе русского языка для поляков

Joanna Orzechowska, Helena Pocietchina
University of Warmia and Masury

В общие компетенции носителя языка, а также обучающегося языку входят знания в области лексического состава и грамматической организации языка, умения правильно пользоваться языком, которые зависят от личностного фактора и умения учиться. Студент может черпать знания из двух источников: из своего личного жизненного опыта (практические, эмпирические знания) и из процесса обучения (знания теоретические, академические). Не отрицая важности специальных академических знаний, необходимых для понимания иностранных текстов, следует, однако, обратить внимание на значение практических знаний, представляющих как общий, так и специфический мир иностранной культуры (*savoir*): ежедневного быта, повседневного общения, включающий такие, на первый взгляд, мелочи, как информация об организации приема пищи, об ориентации в пространстве города и деревни, о социальных ценностях, касающихся религии, истории и других сторон общественной жизни в стране изучаемого языка, наконец, об участии в учебном процессе (например, во время учебных практик) и т.д. и т.п. Изучая язык в условиях «погружения» в иноязычную среду во время пребывания в стране изучаемого языка, студент одновременно усваивает теоретические и общие знания, осваивает практические умения и приобретает личный жизненный опыт. Однако возможности выезда за границу, особенно в Россию, у польских студентов, к сожалению, весьма ограничены. Именно поэтому материал для занятий должен быть подобран таким образом, чтобы студент, усваивая лексический и грамматический минимум, имел возможность познакомиться с типичными коммуникативными ситуациями и сам в таких ситуациях оказался, умел правильно их оценить и выбрать соответствующую модель (стратегию) речевого поведения. Удобный материал для формирования прагматических компетенций при изучении русского языка как иностранного представляют собой прецедентные тексты, содержащие социокультурные стереотипы. Содержание стереотипов может выражаться в форме слов-концептов, фразеологических единиц, текстовых реминисценций, специфических «прагмарефлексов» [Прохоров 2009: 192]. Сопоставление формы и содержания национальных социокультурных стереотипов русских и поляков в заявленном для участия в симпозиуме докладе проводится на основании результатов психолингвистических экспериментов.

Литература

Прохоров Ю. Е., Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Изд. 6-е. — Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.

Aspect and Narrative: A Comparison of Production of American English Learners of Russian and Spanish

Richard Robin
George Washington University

The 2012 ACTFL Speaking Guidelines tells us that Advanced speakers (\approx CEFR B2) demonstrate “good control of aspect” (Mid) or “some control of aspect” (Low) At the Mid level, “Narration and description tend to be combined and interwoven”; at the Low level, they are mostly separate. But to what extent is this true across languages, especially those where aspect difficulties represent a barrier to narrative? In this paper, I argue that a comparison of the Advanced level paragraph production of American learners of Russian vs. Spanish, we see some notable differences, not in the degree of aspectual quantity (both types of learners are fairly accurate), but rather how that degree of accuracy is arrived at. The literature shows that aspectual accuracy in learners of Spanish is based on *lexical class*: learners prefer preterit for telic and punctual verbs (Bardovi-Harlig, 1992; Liskin-Gasparro, 2000) and increase their use of punctual verbs early in Advanced narration (Liskin-Gasparro, 1996). For learners of Russian, accuracy is based on the *lexicalization of individual verbs*, which has more to do with which verb was learned first and assigned a “permanent” aspect (i.e. *встал* and *сказал* are lexicalized to ‘got up’ and ‘said.’) (Robin, 2011) I further argue that the varying approaches result in different types of paragraphed narrations by Advanced speakers. Evidence from oral speech production of ACTFL Advanced speakers suggests that unlike learners of Spanish, Russian-language interviewees more often provide integrated narrations whose paragraph structure is more dependent on stative descriptions rather than punctual narratives. (Robin, 2012). Why should such a difference exist? I will explore the causes of a limited set of lexicalized punctual verbs in available to Advanced speakers of Russian as opposed to Spanish and how this affects the flow of narrative.

References

1. American Council for the Teaching of Russian. (2012). ACTFL Proficiency Guidelines. Retrieved 2014-02-28 from http://www.actfl.org/sites/default/files/pdfs/public/ACTFLProficiencyGuidelines2012_FINAL.pdf.
2. Bardovi-Harlig, K. 1992. The relationship of form and meaning: A cross-sectional study of tense and aspect in the interlanguage of learners of English as a second language. *Applied Psycholinguistics*, 13: 253-78.
3. Liskin-Gasparro, J. (2000). The use of tense-aspect morphology in Spanish oral narratives: Exploring the perceptions of advanced learners. *Hispania*, 83, 830–844.
4. Liskin-Gasparro, J. (1996). Narrative strategies: A case study of developing storytelling skills by a learner of

- Spanish. *Modern Language Journal*, 80, 271–286.
5. Robin, R. (2012). Lexicalized aspectual usage in oral proficiency interviews. *The Modern Language Journal*, 96, 1, 34-50.
 6. Robin, R. (2011). Narration and narrative in L2 speakers of Russian. *Foreign Language Annals*, 44, 1, 176-203.

Assessment in Advanced Language Classroom: Achievement vs Proficiency

Svitlana Rogovyk
University of Michigan

Typical fourth and fifth year college foreign language courses aim to develop the advanced literacy abilities of summarizing, interpreting, presenting and substantiating arguments in professional and academic settings, primarily in speaking but also in writing, through the in-depth exploration of current political, social, and cultural issues in target country. In order to develop students' ability to discuss these issues at an advanced level, the language used in public to debate the issues usually is examined and is served as a model for student appropriation and eventual production, which gradually moves from a primarily narrative to a more analytical and interpretive focus.

According to ACTFL Proficiency Guidelines the oral paragraph has become one of the measures of Advanced-level length and discourse of the oral message as well as the most important justification for OPI testers to establish the floor for an Advanced level proficiency of a speaker. Therefore, lately the term of proficiency-oriented language instruction has become trendy in academic setting not only for a general framework in instruction and curriculum development, but also for assessment. Considering that proficiency in speaking is actually the ability to function with language the following criteria were established to follow the course: negotiation of meaning, coherence and cohesion, and appropriacy.

Further this paper will examine the educational philosophy of the advanced level language course based on the non-typical for the level idea of the evolution of its goals – from vocabulary knowledge - to skills - to the ability to function. Since students perform both achievement-oriented and proficiency-oriented tasks, both could be assessed and evaluated appropriately. This type of approach also helps to create an anxiety-free language community of often demographically and intellectually diverse classroom of undergraduate and graduate students.

The materials used for illustrative examples include Fifth Year Russian and Third Year Ukrainian course syllabi of the University of Michigan Slavic Language program.

Казахские и русские заимствования на материале английских текстов

Assem Sadykova
L.N. Gumilyov Eurasian National University

Assiya Sulkarnaieva
Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University

Целью данной работы является выявление и классификация казахских и русских заимствований в учебниках по английскому языку, разрешенных к использованию в средних общеобразовательных школах Министерством образования и науки Республики Казахстан. В ходе исследования было проанализировано 345 текстов и 8 учебников (5-11 классы). Обучение английскому языку в 1 классе общеобразовательной школы было введено только в данном 2013-2014 учебном году (соответственно, 2 класс в 2014-2015, 3 класс в 2015-2016, 4 класс в 2016-2017) на основе методических разработок и электронных учебников, а также иных материалов, разрешенных МОН РК. Однако они не были использованы для нашего статистического анализа, поскольку не являются собственно учебниками. Тексты представляют собой как оригинальный материал, написанный на английском языке казахстанскими специалистами, так и адаптированный к уровневым потребностям изучения авторский материал англоязычных авторов. Составителями учебников выступили казахстанские лингвисты, преподаватели и методисты в области иноязычного образования РК.

В процессе анализа было классифицировано 15 групп заимствований: 1) топонимы; 2) антропонимы; 3) названия блюд; 4) имена нарицательные; 5) названия организаций; 6) названия музыкальных инструментов; 7) названия национальных игр; 8) названия языков; 9) названия посуды; 10) названия жилища; 11) названия достопримечательностей; 12) названия праздников; 13) названия валюты; 14) названия профессий; 15) названия мероприятий. Выявлена частотность употребления определенных групп, составлено процентное соотношение казахских и русских заимствований в английских учебных текстах. Так, было насчитано 233 единицы казахских и 32 единицы русских заимствований.

В работе также описываются статистические данные, основанные на материале исследования. Анализ показал, что количество казахских и русских лексем, включенных в англоязычные учебные тексты, не является в полной мере достаточным для реализации рекомендаций по включению национального компонента (например, географические названия, историко-культурологические наименования и т.д.). Известно, что учебники должны

содержать систематизированное изложение учебного материала, обязательное для освоения обучаемыми в соответствии с государственным стандартом образования и учебной программой РК, но, к сожалению, такие рекомендации по включению культурологического компонента в учебные издания также отсутствуют. В этой связи, авторы предложили ряд методических рекомендаций по целенаправленному включению казахских и русских лексем в тексты учебников по английскому языку, предназначенные для казахстанских учащихся.

Перспективой настоящей работы является уже реализуемое авторами исследование английских и русских/казахских заимствований в русскоязычных/казахоязычных учебных текстах, их количественное и процентное соотношение; наличие или отсутствие лингвокультурологических особенностей таких заимствований; выработка методических рекомендаций.

Introduction to teaching Polish to Czech and Czech to Polish interpreting

Izabela Szulc
Palacký University

Keywords: interpreting, Polish language, Czech language.

In this paper I will discuss a topic which is somehow neglected among Czech studies scholars in Poland and Polish studies scholars in Czech republic, i. e. how to teach interpreting within these two languages. In most cases, teaching interpreting concentrates on giving students the opportunity to reproduce a given text in the target language, which is fundamental part of the process. However, there are many aspects, both verbal and non-verbal, which are also important to the quality of the target text but which are often not included in the feedback given to students. The main problematic issues for the above-mentioned language combination are e. g. false friends, typical Polish and Czech grammatical constructions (difference between Polish and Czech constructions with *aby*, or Czech usage of infinitive phrase as a dependent clause), or the differences between Polish and Czech prosody. The main aim of this paper is to give examples of exercises which might be useful when teaching interpreting. Also described will be the types of texts and recordings (e. g. political speeches for training the prosody) that can be used for training the problematic issues mentioned above. The classification of problems will be based on the language data collected from the recordings of Czech students learning Polish at Palacký University in Olomouc, Czech Republic.

Трудности при обучении грамматики разноструктурных языков

Елена Н. Дурова
University of Leon

В данной статье с использованием основных положений методики поаспектной характеристики семантико-структурного устройства предложения рассматриваются синонимические русские конструкции типа: Я (не) сплю – Я (не) могу спать – Мне (не) спится. Проводится сопоставительный анализ лексического данных конструкций в русском и испанском языках.

Ключевые слова: процессуальное состояние субъекта, семантико-функциональный сопоставительный синтаксис, предложения с определённым и неопределённым (обобщённым) субъектом, простые личные и безличные предложения в русском и испанском языке, личные предложения с глаголом «мочь».

В русском языке процессуальное состояние субъекта выражается глагольными личными (*Я сплю, Я (не) могу спать*) и безличными возвратными конструкциями (*Мне спится*). Данные конструкции, в соответствии с разделяемой нами типологией предложения В.Ю. Копрова, относятся к одноактантным вербальным предложениям с типовым значением «предмет и его признак» и имеют инвариантную семантическую структуру «субъект и его состояние» [Копров, 2010].

В испанском языке процессуальное состояние субъекта выражается глагольными личными (*Duermo, (No) puedo dormir*) и безличными возвратными конструкциями (*No (se) duerme*).

В испанской безличной конструкции, обозначающей процессуальное состояние, позиция носителя признака отсутствует, а указание на лицо – носителя состояния – имеется в контексте. Безличная форма образуется при помощи местоимения *se* и глагола 3 л. ед. числе от непереходных глаголов. Однако лишь небольшое количество испанских глаголов в безличном значении могут приобретать соответствующее русским безличным глаголам значение процессуального состояния субъекта и являться их прямыми эквивалентами (*dormir, respirar, comer, nadar*): *Se trabaja mejor en equipo; En esta ciudad se vive muy bien*. Например,

*Однажды он целую зиму совсем не топил своей комнаты и утверждал, что это даже приятнее, потому что в холоде лучше **спится** (Ф. Достоевский). – *Se le había visto pasar todo un invierno sin fuego, y él decía que esto era agradable, ya que **se duerme** mejor cuando se tiene fro.**

Дышалось легче (Д. Мережковский) – *Se respiraba mejor.*

В остальных случаях для передачи подобных значений часто используются

личные предложения или личные предложения с модальным глаголом: *Вчера он не мог спать / Вчера ему не спалось – Ayer no pudo dormir*. Ср.:

*Мне всегда как-то лучше **работается** за городом, в особенности весной* (М. Булгаков) – *No sé por qué, pero siempre **trabajo** mejor fuera de la ciudad, sobre todo en primavera*.

Таким образом, в синтаксических подсистемах обоих языков в данной сфере наблюдаются существенные различия. Отсутствие в испанском языке прямого эквивалента русских безличных конструкций заставляет учащихся во всех ситуациях использовать только наиболее понятные для них синтаксические формы, которые являются, как правило, аналогами форм родного языка. Поэтому разработка вопросов функционально-сопоставительного синтаксиса позволяет повысить эффективность преподавания русской грамматики иностранным учащимся.

Литература

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Метафорическая модель «Политическое развитие – дорога/ путь» в политическом дискурсе Л.Д. Троцкого» (на материале работы «История русской революции»)

Юлия А. Максимова, Марина Г. Милютина
Udmurt State University

Метафорическая модель «Политическое развитие – это дорога / путь» относится к числу моделей, которая наглядно демонстрирует протекание политических процессов и событий и их воздействие на образы политического языка. Метафорические единицы данной модели представляют собой номинации государства через наименования транспортных средств и создают образное представление о путях развития государства (политики) посредством наименований различных видов движения. В политическом дискурсе Л.Д. Троцкого модель транспорта представлена в основном двумя фреймами: «Виды транспортных средств», «Движение транспортных средств».

Фрейм «Виды транспортных средств» объединяет номинации различных видов транспортных средств, используемых в переносном смысле. В политической картине мира Л.Д. Троцкого транспортная метафора представлена, в первую очередь, водными транспортными средствами. Водный транспорт объективируется метафорой корабля, управляемого с помощью руля.

Фрейм «Движение транспортных средств» указывает на отличительную черту

транспортных средств, которая проявляется в их способности перемещаться в пространстве (*держат курс, круто свернуть на октябрьскую дорогу, поворот на историческом пути*). В политическом языке Л.Д. Троцкого представлена подробная типология перемещения и движения в пространстве политических сил, правительства и всего государства в целом.

Метафорическая модель, условно обозначенная как «Дорога / путь», - одна из самых интересных, хорошо разработанных метафорических моделей в политическом дискурсе Л.Д. Троцкого. Она включает группу слов, объединенных темой пути, движения (к ней относятся и названия средств передвижения, направление движения, встречаемые на пути препятствия: *государственный корабль, повороты на историческом пути, перекрёсток исторических путей*), которые активно переносятся в область общественно-политической жизни.

Государственная дорога – это прямой путь, который является правильным. Повороты, препятствия и изгибы на этой дороге означают разные изменения, потрясения в жизни государства. Свернуть с исторического пути нельзя, но в революционный период это продиктовано условиями и необходимостью. Политический путь каждой партии, страны и отдельно взятого человека индивидуален и сопряжен с определенными целями. Путь политики без цели подобен реальному пути, не имеющему направления, он не несет ничего кроме разочарования.

Таким образом, метафорическая модель «Политическое развитие – дорога/путь», реализованная в работе Л.Д. Троцкого «История русской революции» представляет собой некоторый свернутый сюжет, развивающийся в цепочке других метафорических моделей, и, своеобразно моделируя описываемый фрагмент, позволяет расширить границы наших представлений о том, что такое политика и политические преобразования. При этом данная метафора соединяет в себе две плоскости – пространственную и временную.

Учет родного языка при обучении русскому как иностранному: союз *как*

Валентина Тубин
University of Tartu

Освоение грамматики русского языка представляет для эстонских учащихся немалые трудности. Это существенно также и при изучении русских союзов, т.к. один союз может иметь в эстонском языке несколько соответствий, употребление которых зависит от семантики предложения.

Лемма простого, производного, подчинительного союза *КАК* находится в

«Новом частотном словаре русской лексики» на 19-ом месте, а среди союзов на 5-ом после союза *НО* и перед союзом *ИЛИ*, который находится в общем списке на 44-ом месте [Ляшевская, Шаров 2009: 419]. Толковый словарь современного русского языка В. В. Лопатина и В. В. Лопатиной дает 4 значения союза *КАК* [Лопатин, Лопатина 2011: 253], который имеет по данным самого актуального русско-эстонского словаря, три основных эквивалента: *KUI*, *NAGU*, *JUST NAGU* [Kull, Leemets, Saari 2000: 541]. Этим определяется целесообразность лингвометодического описания данного русского союза на фоне эстонского языка. В исследовании будет уделено внимание двум первым эквивалентам, структурно соответствующим простому союзу *КАК*.

Лингвометодическое описание и сопоставительное исследование союза *КАК* будет проводится в три основных этапа. В первую очередь будет определена семантическая классификация конструкций с этим союзом. Далее мы определим для каждого из значений эстонские эквиваленты, после чего разработаем учебный материал для учащихся и методические рекомендации для учителя. В результате необходима также разработка модели введения теоретического материала на родном языке обучающихся.

Теорию можно представить учащимся в виде таблицы:

Союз КАК и его эстонские соответствия в значении 1) подобия кому-чему-нибудь, 2) качества кого-чего-нибудь, 3) употребления в составе вводных групп и предложений, 4) употребления для выражения временных отношений между главным и придаточным предложениями.

Значение	Пример	Эстонское соответствие	Эстонский союз
1)	Теплый как лето.	Soe kui suvi.	kui
		Soe nagu suvi.	nagu
2)	Как студент он необходим нашему коллективу.	Kui üliõpilane on ta vajalik meie kollektiivile.	kui
		Nagu üliõpilane on ta vajalik meie kollektiivile.	nagu
3)	Как чувствуем.	Nagu tunneme.	nagu
4)	Как буду готова, пойдём домой.	Kui valmis olen, lähme koju.	kui

Необходимо отметить, что эстонские союзы *KUI* и *NAGU* могут быть в конструкциях с выражением определенного семантического значения взаимозаменяемы и являются синонимами. С другой стороны, они могут

выражать только одно конкретное значение.

Таблица будет дополняться в ходе дальнейшего исследования простого союза *КАК*, а также составных союзов с данным компонентом. Общей целью исследования является разработка комплексного учебного теоретического материала и практических заданий с сочинительными и подчинительными союзами для изучающих русский язык эстонцев. В комплекс будет входить и представленный выше материал.

Литература

1. В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2011.
2. О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
3. Kull R., Leemets H., Saari H. Vene-eesti sõnaraamat. I – IV. Tallinn. 2000.

Национально-ориентированный учебник по истории русской культуры

Харацидис Элефтериос Константинович
Democritus University of Thrace

Важным средством обучения иностранному языку является учебник. «В методике нет ни одной идеи, положения, описания отдельного приёма, средства, которые бы не имели прямого или косвенного отношения к проблеме создания учебника и его использования в учебном процессе».

Создание национально-ориентированных учебников по русскому языку как иностранному традиционно считается одной из важнейших задач лингводидактики.

Вопросы национальной ориентации учебника по русскому языку как иностранному широко обсуждались в методической литературе со второй половины 70-х годов (В.Г. Костомаров, О.Д. Митрофанова, М.Н. Вятютнев, Э.Ю. Сосенко, Н.А. Любимов и др.). Учеными были сформулированы некоторые положения национальной ориентации типового учебника, которые задают основные направления в поиске путей и способов отражения национальной лингводидактической проблематики. Эти необходимые изменения и составляют суть национальной модификации типового учебника. Общая содержательная основа обучения и национальная специфика отражают взаимодействие основных принципов современной методики обучения иноязычному общению коммуникативной направленности обучения как универсальной категории, с одной стороны, и учёта родного языка и родной культуры, с другой, применительно к конкретным условиям обучения.

Как показывает практика преподавания русской культуры и русского языка

в греческих вузах, в частности студентам филологического профиля, у 65% студентов изменилась мотивация изучения русской культуры и русского языка. В списке интересов последних главенствует не политическая составляющая, а практическая. Многие из опрошенных студентов считают, что глубокие знания русской культуры и русского языка для многих могут стать неплохим подспорьем в будущей преподавательской деятельности.

Несмотря на большой интерес к изучению русского языка в Греции, методические пособия и учебники, учитывающие национально-культурную специфику страны, недостаточно разработаны. Отсутствие национально-ориентированных учебников затрудняет образовательный процесс.

Однако, помимо практических навыков владения языком, студенты должны знакомиться и со специальными предметами, касающимися истории русской культуры, теории языка, географии и административного устройства России и т.д.

На наш взгляд, именно преподавание этих специальных дисциплин связано с определенными сложностями в силу ряда причин. Во-первых, уровень знания русского языка у греческих студентов невысокий (А-2, В-1). Во-вторых, недостаточно разработаны учебные пособия по специальным дисциплинам. В-третьих, количество часов, выделяемых на изучение данных предметов, невелико (3 часа в неделю в течение одного или двух семестров в зависимости от предмета).

И именно национально-ориентированный учебник смог бы в определенной степени помочь в решении существующих проблем.

SESSION 2
Slavic Literatures and Cultural Expressions

«Как я работаю»: История создания текста 1-й книги романа А.Н. Толстого «Петр Первый»

Anna Akimova

Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

А.Н. Толстой начал работу над романом «Петр Первый» в начале 1929г. Ход работы над первой книгой «Петра Первого» можно проследить по письмам Толстого к В. Полонскому. Судя по сохранившейся в Отделе рукописей авторизованной машинописи, замысел создания романа в нескольких книгах складывался постепенно.

Правка текста первой книги романа проходила в несколько этапов: первый был связан с публикацией отрывков романа в журналах («Красная Нива» и «Красная панорама»), следующий этап – подготовка отдельных глав к публикации в журнале «Новый мир» и, наконец, когда повесть о Петре была опубликована, и автору стало очевидно, что это первая книга романа «Петр Первый», продолжилась работа над текстом для отдельного издания в издательстве «Прибой», которая также не стала последней.

Готовя текст уже «романа» к отдельному изданию в *Прибое*, Толстой вновь правит именно первую главу. Основные направления правки связаны именно с тем, что автор определился с жанром произведения и, работая над стилем, стремился к четкости и ясности. Толстой правил речь героев, в частности, детей в первой подглавке, добиваясь большей непринужденности и естественности разговора.

По количеству правки в первой книге выделяется четвертая подглавка, в которой описан предельно эмоциональный и опасный разговор Махайло Тыртова и Василия Волкова. Многие оценки времени правления Алексея Михаловича даны в речи героев, еще большее остается невысказанным, но выраженным в их жестах. Вероятно, чтобы передать напряжение героев, раздражение хозяина, Волкова, Толстой снимает описание гостя, Тыртова, и красочное описание.

Особое внимание автор уделял и описанию реалий времени и передачи исторического колорита. Он исправлял допущенные ранее ошибки, устранял неточности и избыточные архаизмы, уточнял написание слов: «служилый дворянин» вместо «сотник», «в бегах» вместо «в нѣтях», заменяет устаревшее «почто» на «зачем».

Правка текста первой книги романа «Петр Первый» отражает стремление автора к созданию более напряженного и драматичного эпического повествования. А.Н. Толстой снимает некоторые детали, а также подробности в описании портрета, пейзажа, характеристике героев. Благодаря тому, что

Толстой убирает поэтические, экспрессивные образы и сравнения, описания становятся более определенными, лаконичными.

Категория «диаволической красоты» в эстетическом мире *Серебряного голубя* А. Белого

Alicia Bauer
University of Göttingen

Демоническое начало является одной из центральных тем в литературной эпохе символизма. Мотивы, относящиеся к этой тематике, были использованы поэтами и писателями в различных контекстах. Однако интенция оставалась одна и та же - показать широкую палитру соотношений человеческого начала с началом демоническим. В то же время использование категории «диавольского» обнаруживает импликацию наличия божественного начала. В связи с этим ставится вопрос о весомости значения этих двух оппозиций при исследовании литературного текста.

В эстетическом мире художественного произведения выстраиваются отдельные модели, одним из доминирующих принципов которых представляется «диаволическая красота», находящаяся вне понятий добра и зла и неизмеримая ни критериями истины, ни критериями рациональности (Ханзен-Лёве 1989: 358). Но именно «красота» играет большую роль в творчестве символистов, дефинирующих ее каждый по своему, но и одновременно сходным образом.

В данном исследовании мы продемонстрируем на примере романа Андрея Белого *Серебряный голубь*, как выстраивается понятие о «диаволической красоте» с одной стороны на уровне персонажей, а с другой стороны на эстетическом уровне художественного произведения, и какие художественные приемы использует для этого автор. Следовательно, главной задачей становится структуральный анализ текста, с помощью которого мы попробуем сформулировать эстетическую значимость категории «диаволическое» для интерпретации и понятия этого выдающегося произведения.

Литература
Hansen-Löve: *Der russische Symbolismus*, Bd. 1, Wien 1989.

***Océano*, el sentido dramático de lo trágico en Andréiev y el teatro griego**

Mario Cobos Benítez
IES Alpujarra, Granada

El *Océano* es una obra dramática que pertenece a las estéticas modernistas rusas de principios del siglo XX. En ella el análisis de la esencia de los fenómenos transcendentales que atañen a la propia vida y de aquellos relacionados con los tipos de conciencia humana y la evolución espiritual del hombre centran su argumento y conflicto. El aspecto religioso es sin duda uno de los que caracterizan estas estéticas -y queda reflejado en la obra, como rasgo distintivo que particulariza un proceso de secularización en un contexto de profundas crisis metafísicas. Andréiev opta por la filosofía renacentista del *panpsiquismo*. De acuerdo con esta doctrina el Universo del que forma parte integrante la conciencia humana, se compone de *unidades psíquicas*, que constituyen la *realidad psíquica* y mental, generando procesos cognitivos que interactúan en los distintos niveles de la vida universal. Este animismo o *panpsiquismo estético* -como el propio autor llega a calificar- de los distintos elementos que coloca en escena queda impregnando por un profundo sincretismo, en el que juega un papel destacado la tradición clásica y especialmente el teatro griego. El autor desemboca en un acercamiento hacia una literatura tildada de pesimista, cargada de connotaciones fantásticas y, como no, míticas, en la que deambulan seres que parecen emerger de las "tinieblas de lo incognoscible". Entre éstos *Océano*, elemento primario en la cosmogonía griega, se transmuta en un personaje más dotado de rasgos trágicamente humanos.

Belleza natural y belleza artística en el pensamiento poético de Adam Zagajewski

Ángel Enrique Díaz-Pintado Hilario
University of Granada

En su libro *Solidaridad y soledad (Solidarność i samotność*, 1986), el poeta y ensayista polaco Adam Zagajewski nos brinda, incluidos en "El pequeño Larousse" ("Mały Larousse"), los textos titulados "Hegel y Keats" ("Hegel i Keats") y

“Soledad” (“Samotność”).

Refiriéndose a la celeberrima *Ode to a Nightingale*, de John Keats, Adam Zagajewski escribe que el canto del ruiseñor de algún modo postula, como replica ideal, otro canto: por ejemplo, el canto de un poema; por ejemplo, la oda de Keats. En otras palabras, ese canto anhela una correspondencia, otro canto que sea su respuesta; como si en el arte la naturaleza, más que imitada, fuera, propiamente, “correspondida”. Zagajewski afirma que la belleza del mundo creado merece que se le rinda homenaje. Para él, “existen dos riquezas, dos fuerzas muy semejantes, aunque del todo distintas”: una, creada por Dios; y otra, cuyo autor es el hombre, que constituye un “eco” de la primera. El poeta rinde homenaje a la primera riqueza –el mundo creado y su belleza– con la riqueza segunda de su propio quehacer poético.

A nuestro entender, estas ideas de Zagajewski han de interpretarse en el contexto de los sendos capítulos que los tratados de estética dedican a la relaciones entre belleza natural y belleza artística, por un lado, y, por otro, a las relaciones entre genio y creatividad. Si, por una parte, Zagajewski se nos muestra heredero de la tradición de la valoración positiva de la belleza del mundo y de la admiración por ella, tradición que se remonta por lo menos al *Timeo* platónico, por otra, comparte la idea de la estética de los Padres de la Iglesia de la analogía y relación entre arte y naturaleza, naturaleza que es también obra de un artista: el Artista divino. A lo que apunta aquí Zagajewski es a la existencia de una auténtica *via pulchritudinis*, vía que, como tal, puede y debe ser transitada, desde el mundo visible al invisible, que en el primero ha dejado su impronta, su huella, o, en terminología agustiniana, sus «vestigios» (“*vestigia*”).

Language Creativity As a Category of Linguistic Poetics

Natalia Fateeva

The Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences

Языковая креативность связана с когнитивным потенциалом, заложенным в языке, и особо явно она проявляет себя именно в поэтическом языке, в котором на первый план выходит установка на «эстетически значимое творчество» (В.П. Григорьев). В связи с этим важно описать потенциально подвижные зоны поэтического языка, определяющие динамику его инноваций. Прежде всего, это словообразование, грамматическая и лексическая сферы, где языковые инновации заставляют адресата сообщения разрешать причины выбора поэтом именно особого, неконвенционального, а не какого-либо иного способа выражения, который открывает новые пути словообразования и смыслообразования. Последнее связано с установкой поэтического языка

на мотивированность всех типов девиаций (фонетических, графических, словообразовательных, грамматических, лексико-семантических), поскольку в нем существует презумпция разрешения всех лингвистических аномалий. Девиантность в поэзии почти всегда является осознанным авторским приемом и относится к метаязыковым явлениям: все введенные поэтом словообразовательные, грамматические, лексико-семантические и другие трансформации работают на приращение смысла, прежде всего на его эстетическую составляющую, а также на создание новых нетривиальных смыслов. Последнее и определяет креативный характер поэтических девиаций, которые в итоге становятся языковыми инновациями.

Понятно, что обновление языковых средств в поэзии связано с каждым новым поэтическим поколением. С этой точки зрения активные процессы, происходящие в сфере языковой креативности, должны изучаться параллельно с происходящими в языке изменениями, с опорой на высказывание Ф. Вуда, что «Сегодняшний язык — это окказионализмы прошлого». Поэтому языковая креативность должна анализироваться на большом корпусе современных поэтических текстов (конца XX – начала XXI века), с учетом результатов, полученных при исследовании других сфер языка. Большое внимание должно быть уделено изучению индивидуального языкотворчества отдельных поэтов на разных уровнях языка.

Результаты, полученные при анализе языковой креативности, позволяют расширить представление о механизмах развития поэтического языка как сферы наиболее полной реализации возможностей национального языка, а также об индивидуальных проявлениях языкотворчества. Планируется также проведение лингвистического эксперимента, позволяющего выявить степень «приемлемости» и «понимания» используемых в поэзии языковых инноваций для респондентов. В то же время языковая креативность должна изучаться в междисциплинарном аспекте с опорой на данные, полученные при психологических экспериментах.

Ценности „l'art pour l'art“ в поэзии русского постромантизма

Andrea Grominová
University of Ss. Cyril and Methodius

В настоящей статье внимание уделяется ценностям „l'art pour l'art“ в поэзии авторов русского постромантизма – Ф. И. Тютчева и А. А. Фета. Оба поэта являются представителями эстетико-художественного течения, так называемой чистой поэзии, декларирующей вечные ценности – любовь, красоту, правду – как ключевые варианты ответов на вопрос о настоящем смысле человеческого

существования. На основе анализа и интерпретации тютчевских и фетовских поэтических текстов (только в оригинале) мы пытаемся найти и определить эти ценности, а затем показать их отражение в культуре русского народа. Кроме того мы обращаем внимание также на типологические черты их поэтики и поэтологические приемы, используемые поэтами для создания отдельных поэтических образов их стихотворений.

Тютчев в рамках дипломатической деятельности прожил много лет за границей (в Германии и Италии), что значительно повлияло на его творчество. Это отразилось и в его осознании понятия «вечных ценностей», вопроса «Россия против Запада» или в его геополитических идеях. Фет, проживший всю свою жизнь в России, конечно, имеет другой взгляд на жизнь и настоящие жизненные «ценности», «Россию и Запад». Оба поэта, каждый по своему, воспринимают мир, значит, каждый по своему подходит к использованию поэтических приемов, выбору средств выражения и мотивов. Если взять во внимание, что Тютчев смотрит на мир с его ценностями с глобальной точки зрения, то отразилось и в частом пользовании поэта гиперонимами, например словом «цвет», в то время как Фет более склонен к использованию гипонимов, например (к гиперониму «цвет») «роза», «георгина», «ландыш» итд. Значит у Фета обнаруживаем более широкий диапазон названий цветов, деревьев, животных, чем у Тютчева. Различные приемы можно найти также и в отображении времени. Если Тютчев пытается захватить переходные состояния между отдельными единицами времени (зима – весна, лето – осень, день – вечер итд.), Фет стремится описать один момент времени со всеми его деталями. Таким образом мы пытаемся показать общие и различные элементы их поэтики, а затем декодировать тютчевскую и фетовскую художественные модели мира, в рамках которых жажда любви, красоты и правды играют главную роль в поиске «своего» отношения к миру и смысла человеческого существования.

Sobre la trascendencia de las cuestiones teológicas en la obra de Leonid Andréiev

José Antonio Hita Jiménez
University of Granada

Leonid Andréiev niega reiteradamente la iglesia ortodoxa y el cristianismo tradicional, sin embargo, las cuestiones teológicas ocupan un lugar especial en su obra. Ya en su primer artículo *¿En qué consiste mi fe?*, recordándonos a Nietzsche, el joven pensador se plantea inmortalizarse como destructor de la moral y la religión.

En cambio, hasta en sus impactantes relatos sobre terroristas, hacia los que el escritor siente especial simpatía, suele estar presente una idea teológica. Así, en *Las tinieblas*, *Sashka Zheguliov* y *Los siete ahorcados*, Andréiev nos describe a seres puros e inmaculados, a nihilistas rusos que aspiran a redimir la Humanidad, recurriendo a la violencia, que se mueven por ideales utópicos llenos de connotaciones cristianas. Serán objeto de nuestro análisis los principios de humildad, reconciliación y fraternidad cristiana (en *Las tinieblas* y *Los siete ahorcados*), así como el tratamiento de los ideales del Mesías judaico o divino Maestro, redentor incomprendido por sus "apóstoles" (en *Sashka Zheguliov*). Lejos de hacer apología del terrorismo, Andréiev recurre constantemente a las reflexiones teológicas para profundizar en sus estudios psicológicos de las patologías que también padecen sus nihilistas.

Autor de varias paráfrasis evangélicas (*Lázaro*, *Ben-Tovit* y *Judas Iscariote*), Andréiev elabora interpretaciones libres y tendenciosas de los argumentos evangélicos. De gran alcance filosófico es el análisis del enigma psicológico del discípulo traidor que actúa guiado por el amor. Inspirado en Ernest Renan (*La vida de Jesús*) más que en la Biblia o en cualquier apócrifo sobre Judas, Andréiev elabora un apócrifo *sui generis*, distanciado del optimismo cristiano, al ahondar en la tragedia psicológica de Judas, discípulo "predilecto" y "auténtico" de Jesús.

De forma atrayente trata Andréiev la psicología deformada de los popes, especialmente en *La vida de Vasili Fiveiski*. Intentaremos profundizar en la comprensión andreieviana del falso Job y en las fuentes cristianas que nos explican la patología del pope rural, supersticioso y hereje por creerse portador de la aureola de santidad como justificación a su sufrimiento.

Andréiev confronta los problemas teológicos que experimentan sus personajes con sus propias dudas e inquietudes.

The "New Man" and Male Homosocial Desire in Late Nineteenth-Century Novels

Renata Ingbrant
Stockholm University

The paper is part of an ongoing study of changing masculinities in late nineteenth-century Polish prose. It aims to contribute a new dimension to reading and interpreting Polish classic by considering the ways in which gender (masculinity) is constructed in two Polish classics, Bolesla Prus's novel *Lalka* (1890), Stefan Żeromski's *Ludzie bezdomni* (1899), and in the lesser known novel *Fachowiec* by Waclaw Berent (1895).

Literature has played an important role in reinforcing certain assumptions about

masculinity and, at times, in establishing the norms of masculinity (i.e. hegemonic masculinities, that is, the idea of a “real man” in a given time and place). In her book *Between men*, Eve Kosofsky Sedgwick highlights the issues of social relations as essential to understanding of male homosocial desire in literature, claiming that “the emerging pattern of male friendship, mentorship, entitlement, rivalry, and hetero- and homosexuality was in an intimate and shifting relation to class (p. 1). The study of the novels offers an exploration of cultural constructions of masculinities within upper class, the forming middle-class and the working class milieus in the end of nineteenth century. It explores different social contexts and the way in which men’s social roles and codes of behavior are shaped and interrogated. The traditional rules and codes of the class are challenged by the “New Men” – the male protagonists of the novels – in their attempts to disseminate into the world of the class which they do not belong to. An examination of their social role also precipitates a deeper understanding of hierarchical structures, about the use and abuse of power in public and private spheres, about the education, marriage and work, friendships/rivalry with other men and their attitudes towards women in general.

El significado de la literatura de los *damaskini* en la formación de la lengua búlgara literaria

Diliana Ivanova
University of Granada

Cuatro son históricamente las principales etapas en el desarrollo de la lengua búlgara que a su vez posee dos formas, la popular, hablada, y la literaria, acaparada por la Iglesia, que conviven aunque con notables diferencias en el plano estilístico y léxico. En la tercera de estas etapas, desde finales del siglo XVI hasta mediados del XIX, a partir de la divulgación de la obra “Tesoro” (1558), del monje de Tesalónica llamado Damasceno Estudita, comienza a proliferar una nueva literatura en Bulgaria de contenido didáctico fuera del seno de la Iglesia. En sus inicios traduce textos del griego de la compilación de Damasceno Estudita a la lengua búlgara hablada y por ello toman el nombre de *damaskini*. La importancia de estos textos radica en que por primera vez se comienza a emplear una lengua más cercana y comprensible para el pueblo en lugar de emplear la lengua búlgara de la tradición eslavo-eclesiástica, lo que propicia su aceptación y divulgación. Las traducciones de obras griegas pronto dan lugar a obras autóctonas de escritores como Iosif Bradati, Todor Vrachanski o Teofan Rilski, gracias a las que podemos estudiar un léxico lleno de palabras dialectales y turquismos, así como analizar los rasgos de la cultura tradicional y el sentimiento religioso del pueblo búlgaro.

La presente comunicación tratará sobre los *damaskini* más significativos y su importancia en la formación de la lengua búlgara actual, así como a la situación actual de la investigación que se desarrolla en las más importantes instituciones científicas tanto en Bulgaria como en Rusia.

La zona de la hesitación epistemológica: entre lo maravilloso y lo real de la novela "Balladyny i romanse" de Ignacy Karpowicz

Marcin Kołakowski
University of Granada

Palabras clave: lo fantástico, lo maravilloso, dominante ontológica, hesitación epistemológica, Ignacy Karpowicz.

El presente artículo es una aproximación a la poética fantástica de una de las novelas más célebres de Ignacy Karpowicz. Siendo uno de los novelistas más reconocidos y populares de Polonia, traductor de español y ganador del premio "Paszport Polityki", Karpowicz, en su novela *Balladyny i romanse*, yuxtapone el mundo real al mundo de las experiencias paranormales. La tripartita estructura de su novela (parte realista, parte fantástica y parte hibridada) revela el intento de interrogar la forma "real" y "monológica" de la representación realista del mundo tal y como lo concibe Rosemary Jackson en su libro *Fantasy: the literature of subversion*.

Dentro de las distinciones establecidas por Tzvetan Todorov en su *Introducción a la literatura fantástica*, el texto de Karpowicz ejemplifica la hesitación epistemológica entre las explicaciones naturales y sobrenaturales de un mundo invadido por otro, es decir, la incertidumbre epistemológica. En nuestro análisis intentaremos presentar las técnicas narrativas que sirven para confrontar los dos mundos y su resultado. Se tratará de un análisis narratológico de recursos como la banalización de lo fantástico (lo sobrenatural está aceptado como algo natural para convertir la confrontación de mundos en una experiencia más aguda e impactante), el dialogo entre lo real y lo fantástico (confrontación de normas entre ambos mundos) y la alegorización del texto narrativo (si el mundo hesita entre el representacional y el anti-representacional, el texto, por consiguiente, hesita entre lo literal y lo alegórico). El objetivo primordial será el de averiguar si la novela efectivamente desestabiliza la ontología del mundo representado y del texto mismo. De este modo, intentaremos ubicar la novela de Karpowicz dentro del horizonte de la poética posmodernista cuya dominante (Jakobson) es la ontológica (McHale).

Bibliografía

JACKSON, Rosemary (1981) *Fantasy: the literature of subversion*. London, Methuen & Co.
McHALE, Brian (2001) *Postmodernist fiction*. London, Routledge.

Образы искусства в лирической поэзии «золотого» и «серебряного» веков

Yulia Kovarskaya

Vostok Society

Без осмысления роли античных традиций и эстетических принципов античного искусства нельзя в полной мере оценить своеобразие русской поэзии Серебряного века. Уже с XVII – XVIII века поэты использовали мифологические и реально-исторические образы, вводили отдельные темы античной эпиграммы, эпики и лирики, воспринятые ими через переводы французских и немецких произведений классицизма, что постепенно привело к непосредственной ориентации на традиции античной поэзии и выделилось в самостоятельное литературное течение - поздний классицизм. Этот же эстетический принцип возрождается и на рубеже XIX-начала XX веков, в поэзии русского модернизма и постмодернизма. Вместе с ним возрождается и тенденция изображения в поэтическом тексте памятников архитектуры, картин и статуй, их совершенства и красоты, которая и является предметом данного исследования.

Особый интерес для работы представляет тот факт, что созерцание античного искусства помимо эстетического имеет и терапевтическое значение, исцеляет душу, возвращает её к идеалу, которым оно в данный момент является. Неважно, что этот художник или поэт принадлежит к давно ушедшей эпохе, что его верования устарели. Для русского общества в момент утраты им христианских начал жизни и переживания кризиса ценностей важна была сам религиозный порыв к красоте, как к общенародному идеалу. По мнению Ф.М. Достоевского, на эстетические идеи которого также опирается наше исследование, потребность красоты развивается наиболее тогда, *«когда человек в разладе с действительностью, в негармонии, в борьбе, то есть когда наиболее живет, потому что человек наиболее живет именно в то время, когда чего-нибудь ищет и добивается; тогда в нем и проявляется наиболее естественное желание всего гармонического, спокойствия, а в красоте есть и гармония и спокойствие»*.

Уже первые результаты проведенного нами сопоставления антологической поэзии начала 19 века и лирики поэтов – модернистов Анненского, Брюсова и Блока, а также ряда других авторов, обнаруживают присутствие сходных локусов (*сад, музей, парк*) и образов, связанных с миром искусства (статуи

или картины), а также выявили общие мотивы, раскрывающие эстетическую и нравственную силы воздействия абсолютной Красоты, отраженной в античном миропонимании.

Конечной целью предпринятого нами сравнительного и историко-генетического анализа является намерение показать преемственность эстетических принципов антологической поэзии позднего классицизма, лирики представителей «чистого искусства» и нового поколения поэтов модернистов, как единого художественного направления в русской поэзии «золотого» и «серебряного» века.

Литература

1. Достоевский, Ф.М. Г-н — бов и вопрос об искусстве. 1861.

Этнокультурный аспект изучения «Слова о полку Игореве»

Natalia Kubyshina

Autonomous University of Barcelona

The article deals with the ethnocultural aspect of literary study of "The Song of Igor's Campaign" in the context of the Russian and Cumans history. In this paper we analyze different kinds of ethnonyms in this masterpiece and interpret their meaning.

Keywords: history, ethnonyms and literary analysis.

В «Слове о полку Игореве», небольшом по объёму произведении, часто встречаются разнообразные этнонимы – древнейшие термины, называющие народы и племена. Этнические понятия «Слова о полку Игореве», помимо ценных сведений об истории и географии, содержат богатую информацию о языке той эпохи, многое могут сказать о самом авторе, о его взглядах на мир и о его отношении к тому, что он описывает.

Статья посвящена вопросам, связанным с изучением этнокультурной информации «Слова о полку Игореве», в частности, вопросу взаимоотношений в контексте произведения между «русичами» и другими народами, как синхроническими, жившими в одно время с главными действующими лицами произведения (половцы, литовцы и др.), так и историческими, существовавшими задолго до описываемых в тексте событий (касоги или авары). В данной работе устанавливается зависимость между частотностью употребления различных видов этнонимов, их лексической сочетаемостью и жанрово-стилистическими особенностями текста.

Большое внимание в статье уделено также тюркским этнонимам, чьё значение и происхождение до сих пор остаётся предметом непрекращающихся дискуссий среди лингвистов. Тюркские названия племён и народов составляют почти

половину всех этнонимов, встречающихся в «Слове о полку Игореве». Обилие тюркизмов свидетельствует о взаимовлиянии культур двух народов – русского и кипчакского, живших в постоянном контакте в течение долгого времени.

Мы разделяем позицию Московской этнолингвистической школы, которая под этнокультурной информацией в тексте художественного произведения понимает «информацию о мире, которая закреплена в символической форме, то есть имеет лингвокультурную маркированность. Содержание этой информации определяется не столько объективным “фотографированием” действительности, сколько субъективно-наивным мировосприятием носителя традиции, имеющим этническую, социальную, культурную подоплеку» [1, с.9]. Авторскому замыслу подчинен выбор тех или иных этнонимов, частотность их употребления и т.д., поэтому так важно знать, какие народы и племена упоминаются в «Слове о полку Игореве» и какова их роль в произведении.

Двойные мысли князя Мышкина

Marianna Leonova
University of Göttingen

Несмотря на то, что шизофрения в романе «Идиот» Достоевского не упоминается, читатель находит в романе многочисленные сигналы раздвоения личности протагониста такие, например, как «двойные мысли» главного героя или противоречие между его словами и жестами или между его действиями и словами. Эти сигналы дают основания Апарду Ковачу сделать заключение о раздвоении личности князя Мышкина и как следствие об амбивалентности, лежащей в основе концепта образа протагониста и структуры всего романа. Раздвоение личности представляется при этом с одной стороны как процесс, берущий свое начало в несоответствии слов делам Мышкина, находящий продолжение в его двойных мыслях и свое логичное завершение в идиотизме протагониста. При этом должен этот процесс, по мнению Ковача, Мышкиным восприниматься и наблюдаться и, следовательно, им контролироваться.

Возникает вопрос: Насколько окончательно расщепление личности протагониста? Если он действительно «расщеплен», как утверждается, как он может наблюдать свое расщепление и тем более его контролировать? Является идиотизм видом расщепления? Как совмещаются «необыкновенная психологическая компетентность» Мышкина с расщеплением личности? Возможно ли, вообще, в случае князя Мышкина говорить о «двойных мыслях», даже и в форме модели действительности? Все эти вопросы предопределяют прояснения понятия «расщепление личности», с одной

стороны, и внимательное анализ ситуаций, сопровождаемых «двойными мыслями» протагониста, с другой.

Соглашаясь понимать под шизоидным расщеплением личности состояние, в котором личность как таковая не выразима в рамках единства «я», а распадается на множество равноценных, друг от друга независимых «я», становится очевидным, что какой-либо контроль одного «я» над другим является невозможным. Наблюдение и констатация наличия «двойных мыслей» еще не являются доказательством расщепления личности протагониста, если, конечно, под расщеплением понимается психический процесс, с не простое несоответствие двух смежных мыслей. Поэтому нам кажется важным проанализировать характер «двойных мыслей» Мышкина. Мы хотим посмотреть, насколько их двойственность является сигналом расщепления личности протагониста. В нашем докладе мы хотим проанализировать несоответствия в поведении и словах Мышкина и соотнести их с ситуациями, в которых эти несоответствия наблюдаются с тем, чтобы найти им объяснение, исходя из структуры образа протагониста, с одной стороны, и его «необыкновенной психологической компетентности» с другой.

Образ священнослужителя в ранней прозе Николая Лескова (1862-1872)

Marta Łukaszewicz
University of Warsaw

На рубеже 1850-х и 1860-х годов в русской литературе возник интерес к церковной проблематике, в частности, к положению православного духовенства. Он был вызван готовящимися в это время церковными реформами и рядом публикаций, затрагивающих вопросы материального и общественного статуса священников. В итоге в период с 1857 по 1869 год вышло как минимум 10 беллетристических произведений, посвященных жизни духовного сословия и имеющих, в основном, обличительный характер. Первым из них был роман *Баритон* Н. Хвощинской, а самым известным стали *Очерки бурсы* Н. Помяловского.

Переломным моментом в трактовке образа священника принято считать публикацию хроники Николая Лескова *Соборяне* (1872), в которой писатель эксплицитно противопоставляет свое произведение обличительной традиции. Как критики XIX века, так и большинство современных литературоведов именно с *Соборянами* связывают „открытие” темы духовенства в русской

литературе, обходя вниманием упомянутую выше беллетристику и ранние произведения самого Лескова.

В то же время в ранней прозе писателя (с публикации дебютного рассказа *Погасшее дело* в 1862 г. до выхода в свет *Соборян* в 1872 г.) изображен целый ряд представителей православного клира, которые присутствуют в его текстах как главные (о. Илиодор в рассказе *Засуха*), второстепенные (о. Евангел в романе *На ножах*) и эпизодические персонажи (о. Маркел в повести *Смех и горе*, дьякон Александровский в романе *Некуда*, о. Алексей в *Старых годах в селе Плодомасове* и другие).

В докладе рассмотрены особенности изображения представителей духовенства в ранней прозе Лескова, с учетом таких составляющих, как внешний вид, образ жизни, речевые особенности, отношения друг с другом, контакты с церковной и светской властью, а также с мирянами и иноверцами.

В результате проведенного анализа мы отмечаем, что в изображении духовных лиц Лесков с самого начала творчески перерабатывает сложившиеся в современной ему публицистике и литературе стереотипы, в результате чего выведенные им персонажи наделяются индивидуальностью. Особое значение при характеристике представителей духовенства имеют для писателя отношения с другими действующими лицами, а характер этих отношений в значительной степени обуславливается сословной принадлежностью. Например, в контактах с крестьянами Лесков обычно изображает священников как пастырей и учителей, в то время как в общении с дворянством они оказываются в приниженном положении и склонны скорее повиноваться, чем наставлять других.

Unikátne slovenské preklady Havrana E. A. Poea a ich vplyv na pôvodnú tvorbu Karola Strmeňa

Matúš Marcinčin
Pavol Jozef Šafárik University

V predkladanom príspevku sa autor zastavuje pri fenomenálnom exilovom slovenskom básnikovi a prekladateľovi Karolovi Strmeňovi (1921 – 1994), ktorý ovládal trinásť svetových jazykov a majstrovsky prekladal z dohromady dvadsaťjeden jazykov. Z jeho rozsiahleho pôvodného a predovšetkým prekladateľského diela si vyberá pozadie unikátnych štyroch rozdielnych prekladov básne Edgara Allana Poa *Havran*. Prvý preklad, vydaný ešte na Slovensku, pochádza z roku 1944 a najviac zodpovedá vlastnej Poeovej interpretácii na základe jeho *Filozofie básnickej skladby*. Druhý preklad či interpretácia je z roku 1946 (publikovaný časopisecky

až v roku 1949 vo Francúzsku) a je baudelairovsky démonizujúci. Tretí preklad vznikol v období medzi rokmi 1949 a 1972, no autor ho nepublikoval a je dosiaľ nezvestný. V svojej veľkolepej *antológii svetovej lyriky Návštevy* (Rím, 1972) Strmeň uvereňuje svoj posledný preklad *Havrana* – tzv. americký. V kontexte tohto Strmeňovho prekladateľského nepokoja sa vyníma jeho báseň *Láska*, napísaná na sté výročie prvého vydania básne *The Raven* (1844). Tento text je v mnohom podobný Poeovej slávnej básni a je ňou zjavne inšpirovaný.

V štúdiu sa Strmeňova báseň konfrontuje s jeho prekladmi *Havrana*. Autor vychádza z uplatnenia zásad *Filozofie básnickej skladby* na Strmeňov text. Analyzuje významové a výrazové posuny medzi jednotlivými verziami prekladu, ako aj skúmanej básne, pričom podstatnou otázkou sa stáva miera regresívneho epigónstva alebo progresívnej tvorivej inšpirácie a transformácie východísk pri vlastnej básnickej tvorbe. Porovnanie a interpretácia jednotlivých zložiek tak vonkajšej architektiky, ako i vnútornej štruktúry (najmä motívov) skúmaného textu privádza k zisteniu, že rozdielne svetonázorové perspektívy Poa i Strmeňa stoja za tým, že napriek spoločným východiskám ich básne dospievajú k rozdielnym záverom. Práve implicitné umiestnenie básní v sekulárnom, resp. sakrálnom priestore sa stáva zásadnou diferencujúcou skutočnosťou, ktorá výrazne poznačuje atmosféru a vyznenie oboch básní. Autor príspevku dospieva k záveru, že Poe redukuje nemateriálnu skutočnosť len na jej duševnú zložku (symbol havrana ako neodbytnej traumatickej spomienky sa stáva problémom psychologickým), zatiaľ čo pre Strmeňa je nemateriálne transcendentným a akcentuje zložku duchovnú (symbol orla ako pokušenia sa stáva problémom morálnym).

Stosedemdesiat rokov od prvého vydania notoricky známej Poeovej básne *Havran* je vhodnou príležitosťou prečítať a precítiť ju znovu a nanovo aj cez Strmeňov unikátny viacnásobný preklad i v porovnaní s jeho vlastnou básňou *Láska*. Aj vo svetle sedemdesiateho výročia jej napísania a dvadsiateho výročia tragickej smrti Karola Strmeňa v USA.

Ethics and Politics in Václav Havel's Thinking

Kátia M.L. Mendonça
Federal University of Pará

Keywords: transcendence, corruption, anti-political politics, dissidence.

Václav Havel's political ideas were elaborated amid political struggle and exercising of power, nourishing themselves from both philosophical and aesthetic elements. The central topic, from which one all of the others proceed, is the question of transcendence. It underlies the rest of the topics that repeat themselves frequently

in his political thinking, such as themes like dissidence and anti-political politics. That starting point resides in the pre-political level, in others words, in the search of a meaning that sets itself against human existence absurdity, marked by individual and collective actions, both oriented by calculation and instrumentalism, present also both in totalitarian and democratic regimes. Havel thinks the politician from the ethical nexus between individuals and the social and state-owned power structures, therefore, against all the occidental tradition developed from Maquiavel's thinking which indicates the autonomy of the spheres of life. The article develops in three parts. In the first one, we'll approach the question of different conceptions of transcendence in Masaryk, Patocka and the measure of influence of those points of view in Havel's notion of transcendence and his political moral values. In the second part of the article, we'll broach political corruption and the approaches about it created by Havel. Finally, in the third part, the anti-political politics question, as developed by Havel, will be broached, from both his political praxis perspective and his ideas.

El paradigma interpretativo de los medios de comunicación como la base de crear una realidad social

Lilia Moiseenko
Moscow State Linguistic University

El nivel interpretativo del espacio comunicativo permite acercarse a la dicotomía “realidad – texto”. Los investigadores del discurso político tratan de determinar de qué manera la interpretación de un hecho político depende de las estrategias discursivas y recursos lingüísticos. La metodología interpretativa se aplica para el estudio del principal evento comunicativo del año 2014 – la adhesión de Crimea en La Federación Rusa desde el punto de vista del análisis de las estrategias discursivas utilizadas por los políticos con el fin de presentar su versión de la realidad como la única y verdadera. El análisis de los artículos publicados sobre el tema en el periódico “La Prensa” (Honduras) reflejan la posición de EE UU y la UE, condenando la adhesión de la península de Crimea. A nivel formal, esto se debe a la elección de determinadas estrategias, representadas por los lexemas correspondientes.

Como el objeto de la denominada “onda informativa” se examinó la expresión de sucesos de Ucrania en la prensa hispana y su efecto en el nivel de la comunicación interpersonal en el espacio virtual (la blogosfera). La “onda informativa” de segunda índole implica la discusión, la evaluación y la opinión en lo que denominamos efecto evocativo del texto. En el proceso de la evocación se realiza no sólo la construcción de la realidad en el texto, sino también el efecto modificador (performativo) del

texto en la realidad.

El hecho político puesto en un nuevo marco, una extensión de "la imagen", cambia el ángulo de visión de la situación. A los bloggers de América Latina no les interesa la posición de la UE en cuanto a Crimea, pero se indica un problema regional tras un paralelismo con la anexión de Puerto Rico por los EEUU. En general, la realidad generada a partir de los comentarios de los bloggers es diferente de la realidad presentada por los políticos de la UE y EE UU.

El nivel interpretativo permite presentar el texto político como sistema de valores que dependen de las estrategias discursivas con el fin de crear una realidad social a través de la realidad mediática.

The found tongue, the relocated soul *Contemporary Bulgarian literature on its way to the world literature*

Marchela Muradyan
University of Vienna

Since the beginning of the 21st century is the talk about world literature and few of the literary scholars would hardly dare to use the term 'national literature' which has disappeared into the postmodern, poststructural model of the contemporary literature. Split into small fragments, spread to different parts of the world, that have rearranged the map of the world literature.

Political and social changes go along with temporal and spatial new adjustments. Not seldom this happens with reference to global and transnational developments. The Bulgarian literature as well as the Slavic literatures of the present develop in the context of the breakdown of the socialist systems and the differently running social transformations. Many texts of the present do not refer to national, mono-cultural and monolingual literature traditions. Many authors renounce their own mother tongue and use another language as a linguistic code.

The new Bulgarian literature is the literature of the pilgrim, of the European wanderer, of the 'collector of worlds' (using the title of Burton's novel as a metaphor). This is the writing of one who wants to become one with the others. The choice of language is the accomplishment of authors identity but the rejection of the mother tongue does not automatically provide full metamorphosis. Another group of inland authors who mainly concentrate on living up or analysing the past is the so called 'turnaround generation' who are building up the literature canon in their postmodern attempt to get over the 'closed' nationalism in it.

Today's literature is not divided any more primarily into national subsystems, but first goes out from an international literary field within which different groupings

of texts and manners of writing result. Also the Bulgarian literature of the present which is multilingual and multicultural, shows that such subsystems go out not only national contexts, and relocate themselves from the start into several languages, cultures and regions of the world which is a condition for world literature.

Czech Contemporary Prose as the Space of Otherness

Natalia Palich
Jagiellonian University

The paper proposed here aims to offer a coherent and possibly complete description of the phenomena related to the presence of the Other and the processes of translating cultures occurring in Czech contemporary literature. It intends to give a novel interpretation of Czech prose published in the 21st century involved in the question of otherness within a methodological framework based upon following schools of interpretation: 1) anthropology of literature, 2) cultural studies, 3) postcolonial theory and 4) space studies. The methodological background chosen for the analysis implies a wider choice of analysed and interpreted texts that embrace both literary texts and critical responses to them.

As the key figure of the study is the Other, defined as a foreign incomer, or a representative of culture(s) located outside Europe, demands an interdisciplinary approach that may enable raising more universal questions in the field of humanities, the analysis and interpretation intend to emphasize the experiential dimension of literary texts, strong entanglement of this kind of writing in the cultural transformative processes that take place outside the fictional world and, finally, the engagement of literature in (inter)cultural dialogue. Therefore, the paper sets out to argue the thesis that the source of this new genre of literary expression can be identified in new paradigms of spatial and cultural relations.

The analysis is focused on literary texts written in Czech language published since the beginning of the 21st century that address the issue of cultural differences, other-ness and hospitality, namely “tourist novels” created by writers who belong to the youngest generation of Czech authors (B. Gregorová, P. Hůlová, T. Kolský, M. Pilátová, Z. Štípl etc.); narratives that concentrate modes of experiencing and representing the Other written by T. Zmeškal, M. Šmaus; and finally the literary mystification allegedly written by L. Pham Thi (actually by J. Cempírek).

The paper is a part of an ongoing research project designed to give a complete description of new phenomena that occur within Czech prose published after 1989 and are strictly entwined with the cultural transformative processes.

Współczesne literackie i pozaliterackie konteksty polskiego romantyzmu

Lidia Romaniszyn-Ziomek
University of Bielsko-Biala

Celem artykułu jest ukazanie wpływu, jaki romantyzm wywiera na myślenie o współczesności, a także wskazanie tropów romantycznych we współczesnej literaturze i kulturze polskiej.

Okres romantyzmu w dziejach literatury i kultury polskiej zajmuje szczególne miejsce. Stanowi bowiem dziedzictwo, które wciąż zasila (lub też obciąża) współczesne myślenie o twórcy, narodzie, jednostce i ich roli w kulturowo-społecznej rzeczywistości. Romantyczne konteksty uwidaczniają się nie tylko bezpośrednio, w literaturze, muzyce i malarstwie czy też szeroko rozumianej sztuce, ale także pośrednio – w różnego typu przekształceniach, parafrazach, ironicznym grach z tekstem, w sposobie myślenia o rzeczywistości, a także w uprzedzeniach i zapatrywaniach społecznych. Jednym z częściej podejmowanych tematów o romantycznej proveniencji jest mesjanizm. Często błędnie rozpoznawany i pojmowany staje się przyczyną wielu negatywnych dyskusji na temat polskości i roli polskiego narodu w historii. Mesjanizm w kulturze polskiej bywa bowiem wiązany z brakiem jakiegokolwiek działania i sprowadza się do biernego oczekiwania na wielką przemianę, która nastąpi dzięki wypełnieniu jakiejś misji, indywidualnej bądź zbiorowej. Daje się zatem łatwo sprowadzić do narodowej słabości, podsycanej często pustymi debatami. Przyczyną takiego postrzegania

jest zazwyczaj niewłaściwa recepcja dzieł romantyków, zwłaszcza Mickiewicza, w których dostrzega się jedynie nawoływanie do uświęconego cierpienia. Mówi się zatem, że we wszelkiego rodzaju katastrofach, dotyczących polską zbiorowość, Polacy dostrzegają nieuchronne wypełnianie się pewnej konieczności dziejowej, stawiają się w roli ofiary i doszukują się w swoim położeniu wyjątkowości.

Obecnie postrzeganie romantyzmu świadczy także o kondycji społeczeństwa. Interpretacja różnych zdarzeń społecznych czy zjawisk kulturowych odbywa się bowiem zwykle w odniesieniu do historii, często poprzez nakładanie klisz – uciemnionego, wybranego lub w sposób nadzwyczajny postrzeganego narodu. Wciąż jednak wyzywający i chyba najbardziej interesujący dla współczesności pozostaje kontekst literacki. Nowoczesne powieści (takie jak chociażby *Balladyny i romanse* Ignacego Karpowicza), chcąc się ostatecznie rozliczyć z romantyzmem, niejednokrotnie stanowią przedłużenie tej tradycji i ożywiają tylko dyskusję o jej literackich i pozaliterackich wartościach.

Literature and culture of the Mediterranean in Serbian literature 20th and 21th century

Svetlana Šeatović Dimitrijević
Institute for Literature and Arts, Belgrade

In the Serbian literature of the early 20th century we find the strongest influence of Mediterranean culture and literature. This influence was carried out primarily by French, Italian and Spanish literature. Besides the influence of Mediterranean literatures, the Serbian literature was heavily influenced by cultural processes, travels of Serbian writers and their encounters with the greatest Mediterranean works of art, cities and mentality. Mediterranean aspect in the Serbian literature is revealed through the process of national movements and geopolitical changes in the cultural area that goes from the Adriatic coast to the northern borders of the Danube. In the analysis of these impacts multidisciplinary sources, historical, geographical, cultural and literary will be used. We can find the basic idea of the influence of Mediterranean cultures in Fernand Braudel's work, and in Paul Valérie's *Mediterranean inspirations*. Serbian culture and literature have always been part of Mediterranean culture, mostly in the medieval period, when the Byzantine Empire had a major impact in all areas. In the 18th century Serbian literature, during the Enlightenment, established again the connections with Mediterranean centers, primarily Trieste and Venice. However, the most significant overall impact can be seen in the Serbian poetry and prose in the early 20th century. The greatest Serbian writers, Jovan Dučić, Miloš Crnjanski and the Nobel Prize Ivo Andrić were diplomats in Rome and Madrid. Their diplomatic service abroad has made impact on their works since their travels made them discover cultures of the Mediterranean. In this paper the influence of Italian and Spanish culture and literature in the works of J. Dučić, M. Crnjanski and I. Andrić will be analyzed. After the Second World War there were more and more Serbian writers who restored the Byzantine tradition and Mediterranean culture by using themes, motifs and cultural symbols of modern Italy, Spain and France. Toponyms such as Venice, Trieste, Florence, Madrid, and Andalusia have been part of the ideal poetic and cultural influences. Contemporary writers (V. Pištalo, G. Ćirjanić, R. Petković) have been writing about these cities, literatures, arts and philosophy which appear to be sources of Serbian culture that relies on Western, Mediterranean influences.

Russian Canned Jokes (*Anekdoty*): Evolution of the Speech Genre

Elena Shmeleva
Russian Academy of Sciences

Alexei Shmelev
Moscow Pedagogical State University
St. Tikhon's Orthodox University of Humanities
The Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences

We will discuss the evolution of the Russian "anekdoty" as a specific speech genre from its origin to its transformation in this century. The research has been based on the database of the Russian canned jokes collected by the authors. We will give an account of the rules of telling jokes in Russian: formal means of introduction of a joke text into discourse, the setting of context, the "linguistic masks" of joke characters (linguistic clichés, accent, typical grammar mistakes, etc.), which correlate with their "behavior masks". The paper will discuss the conceptualization of the world in Russian jokelore, what is taken for granted in Russian jokes and what one needs to know to understand them and also the transformation of "anekdot" in the last two decades. Canned jokes have remained very popular in Russia; joke-telling is practiced in every part of society, at all ages. In particular, several new characters of Russian jokelore have emerged since 1990. However, reference to jokes has become more popular than joke-telling nowadays. We will look at ways of using jokes in the present-day discourse (in particular, indirect allusions to jokes). Finally, the paper will discuss some issues in the translation of jokes from and into Russian. In order to achieve a desired effect in the target language, it is sometimes necessary to change the characters of the original joke or to add an introduction.

Федор Августович Степун. Исследователь русской литературы

Marcin Ziomek
University of Bielsko-Biala

Статья посвящена анализу литературных взглядов одного из крупнейших представителей русской пореволюционной эмиграции.

Федор Степун (1884-1965) был одним из выдающихся эмигрантских общественно-политических деятелей. Изучал философию в Гейдельбергском университете. Был близок Баденской школе неокантианства и входил в редакционный совет философского журнала «Логос». После Октябрьской

революции сотрудничал в созданной Николаем Бердяевым Вольной академии духовной культуры. В 1922 году был выслан из Советского Союза. В эмиграции жил и работал в Германии. В 1931-39 вместе с Георгием Федотовым издавал журнал «Новый Град» – один из интереснейших журналов русской эмиграции. После Второй мировой войны получил кафедру русской истории и русской культуры в Мюнхенском университете. Автор монументальных мемуаров *Бывшее и несбывшееся*.

Степун становится одним из самых заметных выразителей так называемого «пореволюционного сознания» и блестящим представителем философской мысли русского зарубежья. Владимир Кантор пишет: «Степун был абсолютно адекватен своей эпохе, ее духу, ее пристрастиям, ее слабостям, ее поискам, ее заблуждениям и откровениям. Он был не больше, но и нисколько не меньше эпохи, а потому говорил с ней (и о ней) на равных».

Важной частью духовного наследия Степуна являются его работы по вопросам русской литературы. Автор *Жизни и творчества* всю жизнь выступал в роли литературного критика, следуя принципам эстетики символизма. В моем докладе я хочу показать Степуна как литературного критика и исследователя русской литературы, а также внимательного читателя советских и эмигрантских авторов. Его портреты-очерки выдающихся русских писателей являются живыми и глубокими портретами этих людей и их творчества – разобранными биографически, эстетически, философски и наконец – с религиозных (христианских) позиций. Степун рассчитывал на то, что эмигрантская литература окажется сильным орудием пореволюционного сознания в борьбе с духом большевизма.

Предметом анализа в докладе станут литературные взгляды автора *Жизни и творчества*. Материалы для анализа: очерки Степуна, собраны в сборниках: *Встречи и Портреты*, а также статьи напечатаны в эмигрантских журналах.

Литература

Ф. Степун, *Встречи*, Москва 1998.

Ф. Степун, *Портреты*, Санкт-Петербург 1999.

Ф. Степун, *Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы*, «Новый Град» 1935, № 10, с. 12-28.

Intercultural Space of Granada in the 19th Century: Teaching Travel Literature through Digital Humanities Technologies

Slava I. Yastremski
Bucknell University

The very nature of the travel literature, which deals with the movement through space and time and discusses intercultural interpretations of the visited places, makes

it an ideal foundation for introducing students to the technologies of the “digital humanities” and enriching their investigation of literary and other cultural texts. As the announcement for the recently published volume *The Spatial Humanities* says, “*The Spatial Humanities* aims to re-orient—and perhaps revolutionize—humanities scholarship by critically engaging the technology and specifically directing it to the subject matter of the humanities. To this end, the contributors explore the potential of spatial methods such as text-based geographical analysis, multimedia GIS, animated maps, deep contingency, deep mapping, and the geo-spatial semantic web.”

In my paper I will focus on the perception of Granada in Washington Irving’s *Tales of the Alhambra* (1832), Théophile Gautier’s *A Romantic in Spain* (1845), and Russian man of letters Vasily Botkin’s *Letters about Spain* (1845/1857). The discussions of writings of these writers will lead to the exploration of travel literature as a cross-cultural translation of the travelled space into terms of the traveler’s home space. It will address the key philosophical concepts of travel literature: crossing of boundaries, the relationship between the travelled and home spaces, invention of place, language barriers, food as definition of culture, etc. and show how the views on Moorish Spain differed, depending on the cultural space from which each author approached the topic and also what new space they constructed in the process of their cultural translation.

I will conduct my investigation through the use of the GmapGIS (the Google version of ArcGIS). The created Google maps of the space travelled by these three will be analyzed in the SpiderScribe map (SpiderScribe is a “mind-mapping” program which allows to incorporate texts, maps, and visuals), which will allow for a deeper “understanding of historical forms of social space” (Cultural Encounters, 25).

The paper will conclude with a discussion of how the of digital humanities technologies can enhance courses on literature and culture and be attractive for non-humanities students.

Selected Bibliography

Spatial Humanities. GIS and the Future of Humanities Scholarship, ed. by David J. Bodenhamer, John Corrigan, and Trevor M. Harris (Indiana University Press, 2011).

Cultural Encounters. European Travel Writing in the 1930s, ed. by Charles Burdett and Derek Duncan (Berghahn Books, 2002).

Непрерывный повтор и неявная структура тютчевских стихотворений

Владимир В. Аристов
Russian Academy of Sciences

Рассматривается система стихотворений Тютчева с выявлением изобразительных инвариантов, позволяющих понять способы его экспрессии.

Исследуются условия, способствующие «непрерывной повторимости» стихотворений, другими словами: что позволяет и «заставляет» отдельное произведение (и свод стихотворений) самовоспроизводиться, постоянно звучать в нас? Как вспомогательный используется термин «перечтение» М.Л.Гаспарова, указывавшего в [1]: «подход к тексту с точки зрения первоочтения и с точки зрения перечтения противоречат друг другу как установка на становление и установка на бытие». В нашей понимании данное утверждение модифицируется: в повторе воспроизведения стихотворение способно меняться, сохраняя целостность в такой модели существования.

Изучаются особенности внутренней формы при анализе многочисленных тютчевских стихотворений, -- используется введенное нами ранее понятие «внутренний пластический театр». Применяется подход *Idem-forma* [2, 3], в котором сопоставление произведений происходит в основном на «подсознательном уровне» (в [3] показано скрытое взаимовлияние Тютчева и Пушкина). Метод дает возможность сопоставлять стихотворения не только различных авторов, но и одного поэта. Сравнение проводилось между произведениями «Через ливонские я проезжал поля...» и «В небе тают облака...», которые образуют скрытый дублет (о тютчевских дублетах впервые говорится в [4]), при том, что внешний дублет второе стихотворение составляет со стихотворением «Лениво дышит полдень мглистый...». Особое внимание обращено на систему движений, основанную на выявлении согласования паронимов, пластически-подобных звуковых комплексов (для нас были важны известная работа [5] и недавно вышедшая работа [6], где упор делается на систему ассонансов). Были выявлены новые структуры, приведем первую строфу упомянутого произведения: «Через/ливонские я/проез/жал поля, Вокруг/Меня/все было/так уныло... Бес/цветный грунт/небес,/песчаная земля – Все на душу/раздумье наводило» (одинаковыми цветами отмечены перекликающиеся элементы). Развертывание в вертикальную структуру квазибрахиколона с «рифмовкой» **абаб вбгг аваб вг** позволяет увидеть некий незримый остов строфы. Каждый исходный стих переходит в «строфическую единицу» из укороченных «стихов» (отделенных друг от друга значком “/”) -- внутри традиционной формы скрыта «брахиколонная колонна».

«Тотальная сочетаемость» присутствует в стихотворении «В небе тают облака...». В первой строфе можно выделить элементы соответствий (см. справа):

В небе тают облака,	не е	таю	о ла ка
И, лучистая на зное,	и лу	тая	на ное
В искрах катится река,	кра	кат	ка
Словно зеркало стальное...	лов но	ка ло	та ное

Здесь присутствуют различные горизонтальные, вертикальные, диагональные

связи: и «геометрические», и звуковые, и семантические. В стихотворениях «Через ливонские я проезжал поля...» и «Цицерон» (написанных примерно в одно время), есть неожиданные созвучия: «**Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный**» и «**Так! Но прощаясь с римской славой / С капитолийской высоты**» (выделены перекликающиеся элементы).

Структуры в тютчевских текстах и в комплексе его произведений становятся особенно явственными и действенными в таком вторении, глубинном эхе, обратно: именно тесные сочетания, часто имплицитные определяют изобразительное единство.

Литература

1. М.Л.Гаспаров. Первочтение и перечтение: к тыняновскому понятию сукцессивности стихотворной речи. В кн.: Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения, 1988. Рига, с. 15–23.
2. В.В.Аристов. Тожество в несходном. Поэтические миры Блока и Мандельштама в сопоставлении двух стихотворений // Вопросы литературы. 2010. №6, с. 101-132.
3. В.В.Аристов. Пушкинский текст и тютчевский контекст (Idem-forma и скрытое взаимодействие стихотворений). В кн.: Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного. М., 2011, с. 354-359.
4. Л.В.Пумпянский. Поэзия Тютчева. В сб. Урания: Тютчевский альманах 1803-1928, ред. Е.П.Казанович, Л. 1928, с. 9-60.
5. В.П.Григорьев. Поэтика слова. М., 1979.
6. Е.А.Ginzburg. Tjutchev. Euphony and Beyond. Bloomington. Indiana. 2012.

Алано – скандинавский генезис и семантика русских былин в свете индоевропеистики

Наталья Н. Арсентьева
University of Granada

Новейшие историко-археологические данные и филологические разыскания дают возможность сопоставления германо – скандинавской мифологии и нартского героического эпоса с иранским через гото - аланские связи первых веков нашей эры. Не менее оправданными с историко-культурной точки зрения представляются нам и неоднократно предпринимаемые попытки сближения древнерусского героического эпоса, датируемого дотатарской эпохой (А. Веселовский) и более поздними его вариантами, со скандинавским, совпадающим с ним хронологически (X-XIII вв). Вопрос о том, создавались ли былины под влиянием скандинавского эпоса или в его рамках как самостоятельные произведения устной поэзии русскоязычной княжеской элиты варяжской династии Рюриковичей на территории Киевской Руси, пока остается открытым. В данном сообщении в дополнение к обнаруженным учеными – филологами (О. Мюллер) фактам связи двух эпических традиций наше внимание будет сосредоточено на выявлении их религиозно – магической основы. В докладе будет проанализирован образ водяного царя

из новгородского цикла, генетическими прототипами которого мы считаем бога вод Ньердра и аланского Донбеттыра, восходящего к древнегреческой культуре Приазовья, области славянских и гото - аланских взаимодействий. Но главное внимание будет сосредоточено на образе богатырей как чудо - воинов, носителей песенно-музыкальной традиции и врачевателей, не только наделенных атрибутами *берсеркиров*, но и находящихся под покровительством «нездешней силы» в лице «калик переходящих», в облике которых явственно проступают черты заклинателей, служителей культа Одина - Ормузда, верховного божества новой монотеистической религии индоевропейцев, идущей на смену политеизму как религии плодородия. Поэтому помимо общих евразийских мотивов борьбы с чудовищами и завоевателями, в эпических сюжетах былин богатыри, как и в скандинавском эпосе, выступают борцами против женской магии как пережитка солярной религии, бытовавшей, в «былинном» регионе (Полесье) и имеющей много общего со скандинавской магией «*seiðr*» практикуемой, согласно Ж. Думезилю, преимущественно служительницами культа солярного божества. Проведенное исследование русского эпоса выявило общую с германо – скандинавским тенденцию, отражающую в целом характерный для индоевропейского региона, начиная с середины I тысячелетия до н.э. переход от тематики аграрной хтонической религии с ее центральным мотивом сакрального брака к религии «магов» жреческой, военно - торговой элиты и земельной аристократии, осложненное влиянием христианства. Кроме того, на примере восточнославянской эпической поэзии можно сделать предположение о том, что соприкосновение с античным миром на территории Киевской Руси происходило не прямо, а через посредство германо-скандинавской поэтической традиции, генетически напрямую связанной с индоиранской и греко-римской мифологией.

Сад расходящихся хокку» и христианская метафизика Слова

Сергей А. Демченков
Omsk F.M. Dostoevsky State University

«Сад расходящихся хокку» [1] – один из самых ярких и популярных проектов русского литературного техноавангарда. Он представляет собой огромную базу данных японских трехстиший (хокку), созданных посетителями сайта; при этом каждое новое трехстишие должно продолжать любое из уже имеющихся, совпадая с ним либо первой, либо заключительной строкой. Это условие превращает «Сад...» из обычного поэтического сборника в прямой аналог борхесовского «Сада расходящихся тропок» – целостную нелинейную структуру, скреплённую невероятным количеством накладывающихся друг на

друга внутренних референций. За 16 лет своего существования проект вобрал в себя свыше 72000 трехстиший; среднегодовой прирост составил около 4500 хокку (т.е. примерно 500-страничный том убористой печати). Сегодня уровень сложности «Сада...» таков, что для его осмысления как целого уже недостаточно возможностей человеческого разума. Первые теоретики сетевой литературы не исключали такого сценария развития событий [2], рассматривая его, впрочем, как побочное (и скорее отрицательное) следствие избыточности компьютерных ресурсов и почти неограниченного роста пользовательской аудитории, вовлекаемой в творческий процесс.

В своем докладе я стремлюсь показать, что такая сверхусложненность структуры придает тексту совершенно новое качество, выводя его за пределы ментальных парадигм Нового Времени. Возвращенный на почве современных технологических достижений, «Сад...» возвращает нас к средневековому восприятию Слова как глубоко сакрального феномена, доступного нам лишь в своих внешних, неустранимо упрощенных и фрагментарных проявлениях. Слово, в средневековом представлении, бесконечно, ибо любое единичное слово есть в то же время и все иные возможные слова, и в конечной своей глубине – Слово как Логос, третья, обращенная к миру ипостась Божества. Человек скользит по поверхности слов, улавливая отдельные связи между ними, но никогда не будет способен узреть и постигнуть Слово как целое, как исток и сокровенную сущность всех отдельно взятых слов и смыслов.

Благодаря немислимо плотной концентрации внутритекстовых связей (в подавляющем большинстве хокку две строчки из трех являются цитатами-референциями) «Сад...» можно рассматривать как одно-единственное гипер-трехстишие, запечатлевшееся в десятках тысяч многоликих проекций. И это делает его уникальной, даже в масштабах мировой литературы, моделью, наглядно и полно реализующей христианское метафизическое понимание Слова.

Литература

[1] Сад расходящихся хокку. URL: <http://hokku.netslova.ru/>

[2] Андреев А. СЕТЕРАтура как ее NET: от эстетики Хэйана до клеточного автомата – и обратно // Сетевая словесность. URL: <http://www.netslova.ru/andreev/setnet/>.

Бытовая культура 1980-1990 гг. в повестях Павла Санаева

Ольга С. Крюкова

Lomonosov Moscow State University

Диалогия Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом» и «Хроники Раздолбая. Похороните меня за плинтусом-2» буквально перенасыщена

зримыми приметами времени, самой осязаемой из которых является ВЕЩЬ. Мальчик Саша Савельев, герой первой книги, живет в Москве начала 1980-х гг. (на время действия указывает упоминание о смерти В.Высоцкого, карикатуры на Пентагон и НАТО, наличие дефицита и т.п.). Статусная роль Москвы определена в оценке Сашиним дедушкой мотивов поведения «карлика-кровопийцы» (заинтересованность, по мнению дедушки, в пресловутой московской прописке).

Оппозиция «Россия-заграница», значимая для романов и повестей XIX в., в первой книге частично сохранена. Но если отъезд героя за границу ассоциируется в русской классической литературе XIX века с духовной свободой, то в первой повести Санаева с заграницей связываются преимущественно материальные ценности. Здесь заграница, вопреки «железному занавесу», не выглядит как нечто недостижимое. Дедушка постоянно ездит на гастроли и привозит оттуда материальные воплощения своего пребывания за рубежом («шуба новая» из Югославии, топазы из Индии, фонарик из Финляндии, свинцовый сундук с посудой и мебель из Германии, магнитофон «Филипс» из Ирака). Заграница, таким образом, предстает в образе огромного магазина. Однако не всякая заграничная вещь получает положительную оценку у бабушки, и, более того, отъезд знакомых на постоянное жительство за границу воспринимается бабушкой как неравноценный обмен услугами.

Повзрослевший герой второй повести П.Санаева уже хорошо осведомлен в статусной роли дефицитных вещей и даже пытается заработать на копировании музыкальных записей. Вечная проблема «художник и деньги» в трактовке П.Санаева оборачивается странным пари между героем и преуспевающим «новым русским» Мартином, и в этой сделке прослеживается явная аллюзия на договор с нечистой силой. Вещи и страны становятся доступнее, но пропасть между ними и творческой личностью стремительно увеличивается. Балансируя в мире совершенно привычных и абсолютно новых вещей и явлений, Раздолбай тем временем пытается решить проблемы взросления: осознание и утверждение своей сексуальности, отделение от родителей, право на выбор, духовно-религиозное самоопределение. Момент жесткой инициации для героя совпадает с появлением танков на московских улицах. В итоге ВЕЩЬ становится средоточием личной драмы, которая постепенно растворяется в социальных катаклизмах. Занимательность сюжета, присущая повестям П.Санаева, заставляет читателя ожидать третьей книги, название которой уже содержит интригующую читателя литературную реминисценцию, – «Хроники Раздолбая-2. Спор на балу Воланда».

Драма А. Блока "Балаганчик" и европейская культурная традиция: размышление над истоками

Эмилио Мари

"L'Orientale" University of Naples

Исследование сосредоточено на сравнительном анализе влияния поэтических и театральных европейских традиций на лирическую драму Александра А. Блока "Балаганчик". Анализируя составляющие элементы лирического и драматического творчества поэта, особенно его раннего периода, через призму эпохи расцвета русского символизма, ярким примером которого и является "Балаганчик", можно наблюдать поразительное скрещение культур, синтез различных традиций и литературного опыта. В темах, в основных чертах этой поэтической эпохи, и особенно в таком великом *monope* и общественном модернистском явлении, как маска и влияние итальянской Комедии дель арте, в образе поэта-паяца, в применении гротеска, в тенденции к отстранению и демистификации, в духе карнавала, в напряженном исследовании природы произведения искусства и действительности, а также отношений между ними, в характерных авторских приемах можно заметить слияние разного рода театральных и поэтических традиций и уловить плодотворный диалог между европейской и русской культурами.

Если современная критика с успехом исследовала проявления влияния Комедии дель арте в авангардном советском театре, досконально и аналитически точно рассмотрев эту тему и предоставив относительно исчерпывающую картину основных проблематик, то настоящее исследование предполагает переместить внимание на такую немаловажную проблему, как источники драмы "Балаганчик", произведения, обозначившего в истории русского театра XX века переломный момент, разделительную черту между контрастирующими друг с другом эстетиками и эпохами, почти на десятилетие предвосхитив наиболее успешные из экспериментов режиссеров русского авангарда в области театра масок.

В исследовании придается особое значение двум вопросам: наследию немецкого романтизма в драме Блока и теме пантомимы "Пьеро неверующий" Ж.-К. Гюисманса и Л. Энника, в которой присутствует фигура *картонной подруги*, центрального образа драмы "Балаганчик".

Придерживаясь междисциплинарного подхода, работа естественным образом охватывает по меньшей мере три обширные и богатые области исследования: взаимодействие литературы и театрального искусства, славяно-романские культурные отношения и взаимопроникновение высокой и народной культур.

New York, New York: эмигрантский хронотоп Сергея Довлатова

Иван Посохин
Comenius University

В данной работе предпринята попытка проанализировать особенности пространственно-временной организации произведений писателя-эмигранта Сергея Довлатова (1941-1990) с позиций присутствия в ней элементов «эмигрантского самосознания».

Рассказы, повести и сборники С. Довлатова, написанные в 1980-х («Иностранка», «Филиал», «Марш одиноких», «Невидимая газета», «Соло на IBM», «Третий поворот налево», «Встретились, поговорили» и др.), представляют собой ценные наблюдения советского эмигранта третьей волны с его особым аксиологическим комплексом не только над жизнью в покинутой им стране, но и над жизнью по другую сторону океана, в совершенно новых социокультурных, политических и экономических условиях. В этом отношении интерес вызывает изображение Довлатовым его третьего «главного» города (после Ленинграда и Таллина) – Нью-Йорка.

Образ довлатовского Нью-Йорка, хоть и не разработанный настолько подробно, как образ Ленинграда, дает почву для рассуждений о существовании специфического эмигрантского хронотопа. На наш взгляд, изменения пространственно-временных характеристик литературного текста являются одним из основных признаков воздействия эмиграции (как социокультурного явления) на писателя и его творческую манеру. Естественно, мы не утверждаем, что локализация произведения в «иностраннных» пространственно-временных координатах указывает на «эмигрантскость» произведения. Важным, однако, представляется тот факт, что страна эмиграции как пространственно-временная составляющая художественной структуры произведения воспринимается в оппозиции к прошлой жизни в целом и к покинутой стране в частности. В случае Довлатова изображение Нью-Йорка 80-х гг. оказывается под влиянием целого ряда свойственных эмигрантскому восприятию мира факторов: ностальгия, обращенность в прошлое, стремление к сравнению и сопоставлению, потребность в постоянном обосновании правильности эмиграции и др. Здесь стоит также отметить, что чаще всего довлатовский Нью-Йорк представлен не как американский город, а как оазис русско-еврейской эмигрантской жизни. В изображении города Довлатов часто прибегает также к использованию оппозиции «здесь и там», сравнивая и противопоставляя тем самым особенности жизни в Америке и в СССР. Нью-Йорк 80-х у Довлатова – это оригинальная смесь «остраненного» взгляда эмигранта на совершенно

новую реальность, юмористического изображения особенностей быта его жителей и точных зарисовок к психологии этого мегаполиса.

Обыденный мир в художественном тексте

Татьяна В. Тарасенко
Siberian State Aerospace University

В настоящей работе предпринята попытка описать ситуацию обыденной действительности, а именно ситуацию винопития (далее – СВ) как денотативную, через предикаты и актанты, как фрагмент русской языковой картины мира, представленной в художественном тексте. Материалом послужил роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

В результате реконструируется некий свод правил, которые подчиняют себе ситуацию винопития в романе: 1) Водка – лучшее лекарство от похмелья; 2) Водку нельзя смешивать с другими напитками: «Однако! Я чувствую, после водки вы пили портвейн! Помилуйте, да разве это можно делать!»; 3) Водку следует закусывать, например, маринованными грибами, икрой, огурцами, сосисками в томате и т.д.: «Единственное, что вернет вас к жизни, это две стопки водки с острой и горячей закуской»; 4) Водку нужно пить умеренно, небольшими порциями: рюмками, стопками (или лафитными стаканами); 5) Следует помнить о последствиях пьянства для здоровья (нарушение сознания и памяти), для репутации (нарушение общественных приличий) и т.п. «Вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используют свое положение, ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не смыслят в том, что им поручено».

На наш взгляд, можно говорить о «культуре винопития», представленной в романе М. Булгакова. Так, Воланд и Маргарита демонстрируют культуру винопития ушедшей эпохи, на это указывают выбор напитков и закусок, посуда, к примеру, водку Воланд пьет только из хрустальной посуды, тщательно выбирает закуски для своей свиты. Ей противопоставляется «новая» культура винопития советской Москвы, которую демонстрируют Лиходеев, Никанор Иванович Босой, посетители ресторана Массолита и др.

Итак, денотативная ситуация винопития с использованием крепких напитков, закуски и питейной посуды с целью «достижения состояния

алкогольного опьянения», представлена в русском языке глаголом *пить*. Кроме этого СВ включает в себя не только пропозицию действия, но и пропозицию эмоционально-психологического состояния и речевого действия, может быть представлена и через предикат восприятия. СВ может представлять собой и комплексную семантическую модель: 1) Субъект – предикат физического действия и одновременно состояния, где СВ является показателем постоянной характеристики субъекта; 2) Субъект – предикат физического действия винопития – предикаты последующих действий субъекта, каузированных алкогольным опьянением.

Актанты СВ: субъект, объект, комитатив, инструмент и каузатив, сирконстанты – темпоратив и локатив.. В художественном тексте выбор предикатов и участников винопития задается авторским замыслом.

Живопись как интертекст в поэзии Иосифа Бродского

Ольга Георгиевна Труханова
Sapienza University of Rome

Ut pictura poesis
Поэзия – как живопись

Интертекст в современной литературоведении является одним из наиболее исследуемых явлений. Цитаты и аллюзии из других текстов образуют сложную структуру, поддающуюся расшифровке при внимательном изучении и восстановлении межлитературных связей. С появлением работ Ю. Кристевой и Р. Барта анализ текста приобрел динамичное развитие в данном направлении. Понятие интертекстуальности постепенно переносится и на другие виды искусства, например кинематограф [см. М. Ямпольский Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф: 1993]

Наша задача заключается в том, чтобы определить иные, нетекстовые источники, в данном случае «чужого знака», а не «чужого слова». При этом необходимо отметить, что экфразис, который использовался еще со времен Гомера и Филострата, не входит в исследуемое поле, а лишь частично его дополняет. Единственным чистым, классическим экфразисом у Бродского является стихотворение «Иллюстрация (Венера с яблоками)», которое имеет ярковыраженный автобиографический фон и непосредственно связано с другим произведением, «Прощальной одой».

Еще греческий поэт Симонид Кеосский, живший на рубеже VI и V веков до н.

э., считал, что: "Живопись – немая поэзия, а поэзия – говорящая живопись". Одним из первых, кто продолжил эту мысль и развил ее на более глубоком уровне, был основоположник немецкой классической литературы Готхольд Лессинг.

У Бродского мы находим многочисленные источники вдохновения среди картин известных мастеров античности и современности. Особое место занимают северные художники, такие как Лукас Кранах Старший и Рембрандт, который прочитывается в «Сретении», в основном благодаря схожему использованию света, создающему эффект таинственной торжественности и умиротворенности, и становится основой для размышлений о времени и его воздействии на человека, одной из ключевых тем русского поэта, в стихотворении «Рембрандт. Офорты».

Другое произведение, «Натюрморт» совмещает в себе два жанра: изображение «мертвой» природы и религиозный мотив с распятием, в котором тема смерти и богочеловека проходит красной нитью, по внутренней силе диалога между Марией и Иисусом на кресте, относящей читателя к образам Джованни Беллини («Оплакивание», 1460, 86x107, Пинакотекка «Брера», Милан).

Своеобразный культ вещей, который прослеживается у Бродского перекликается с современным искусством, в частности метафизической живописью Де Кирико и «методом Ницше», как он сам его определял: «Видеть каждый предмет, в том числе и человека, в его вещной сути».

Библиография

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.
2. Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского. В VII т. СПб.: Пушкинский фонд, 1997-2001.
3. Ямпольский М. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф. М: РИК «Культура», 1993.

SESSION 3
*Media, Political Discourse and
International Relations*

Political front-stage and backstage in the Czech Parliament. Solidarity, rudeness or political scandal?

Martina Berrocal

Friedrich Schiller University of Jena

The many manifestations of political discourse are closely observed and evaluated by the general public. Special attention is dedicated to the events which in some way do not conform to the accepted or imagined rules and norms or violate the common practice.

For this purpose, the terms political 'front-stage' and 'backstage' are especially relevant. At the 'front-stage', the politicians perform their professional tasks and roles which are generally audience-oriented; at the political 'backstage', on the contrary, the communication is not given the professional spin and public design, hence the occasional leaks of such communication usually cause a public distaste.

This analysis focuses upon an interactional event which took place on 6th December 2013. While sitting in the Parliamentary Chamber, the incumbent Prime Minister, Jiří Rusnok and two other Ministers of his technocratic government were caught on-record when commenting on the obligation of some state representative to attend at the funeral of Nelson Mandela. The "unspun" language and the general tone of the interaction do not correspond to the desired public image and institutional practice of the government members. All the more, their physical presence in the Lower chamber enhances the dissonance between the desired political practice and the immediate reality.

The analysis applies Mullany's framework (2011) which draws on Goffman's concepts (Goffman 1956) of front-stage and backstage, Bell's audience design (Bell 1984) and Spencer-Oatey's rapport management (Spencer-Oatey 2005, 2007, 2009). It brings to light the (im)politeness and interactional norms and practices and their diverging perceptions in the front-stage and backstage settings.

Additionally, the analysis regards the structural properties of the "scandal" frame (Holly 2003); and follows the Prime Minister's excuse and the media processing of the event.

Bibliography

Bell, Allan. 1984. "Language style as audience design." *Language in Society* no. 13 (2):145-204.

Goffman, Erving. 1956. *The presentation of self in everyday life*. Edinburgh: Univ. of Edingburgh.

Holly, W. 2003. "Die Ordnung der Skandals. Zur diskursanalytischen Beschreibung eines 'Frames' am Beispiel der 'CDU-Spendenaffäre'." In *Politik, Sprache und Glaubwürdigkeit*, edited by A. Burkhard and K. Pape, 47-68. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag

Mullany, Louise. 2011. "Frontstage and backstage: Gordon Brown, the "bigoted woman" and im/politeness in the 2010 UK General Election." In *Discursive Approaches to Politeness*, edited by Linguistic Politeness Research Group, 133-165. Berlin/Boston: Walter de Gruyter.

Spencer-Oatey, Helen. 2005. (Im)Politeness, face and perceptions of rapport: Unpackaging their Bases and Interrelationships. In *Journal of Politeness Research*.

———. 2007. "Theories of identity and the analysis of face." *Journal of Pragmatics* no. 39 (4):639-656.

———. 2009. "Face, identity and interactional goals." In *Face, Communication and Social Interaction*, edited by Francesca Bargiela-Chiappini and Michael Haugh.

Poetry and Drama: on Discursive Interaction **Поэзия и драма: о междискурсивном взаимодействии**

Svetlana Bochaver

Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences

Междискурсивное взаимодействие понимается в данной работе как протяженное во времени взаимное влияние различных дискурсов, проявляющееся в появлении текстов, обладающих характерными признаками каждого из этих дискурсов. Этот феномен был изучен Н.М. Азаровой применительно к поэтическому и философскому дискурсу [Азарова 2010]. Теоретические положения, сформулированные в этой работе для этих типов текста и дискурсов, могут быть плодотворно использованы для дальнейшего изучения междискурсивного взаимодействия.

Поскольку с момента своего зарождения драматургия теснейшим образом связана с поэзией (о чем свидетельствуют дошедшие до нас образцы греческой драматургии), полное описание взаимовлияния поэзии и драматургии могло бы составить предмет обширного исследования, в данном случае нам хотелось бы представить основные направления для дальнейшей разработки этой проблемы.

Представляется, что магистральные линии этого исследования могут быть соотнесены с вопросами о внедрении элементов драматургии в поэзию и, соответственно, о внесении поэтических элементов в драматургию. На их пересечении находится проблема определения лингвистического статуса гибридных текстов, однозначное отнесение которых к драматургическому или поэтическому дискурсу невозможно.

Рассмотрим в качестве примера обращение к стиху в русской драматургии начала XX в. В этот период на сцене преобладает прозаическая драма. Однако именно в это время переключение с прозы на стих начинает осознаваться как особый прием и широко применяется драматургами первой половины века. Смена языковых механизмов организации текста позволяет выделить фрагмент из всего текста пьеса, показать его особую значимость, привлечь к нему внимание зрителя.

Например, в пьесе В.В. Маяковского «Клоп» чередование стихотворных и прозаических строк изображает непонимание между персонажами; способы оформления текста, которые используют персонажи, оказываются как бы не

СОВМЕСТИМЫМИ:

Присыпкин

Я, Зоя Ванна, я люблю другую.

*Она изячней и стройней,
и стягивает грудь тугую
жакет изысканный у ней.*

Зоя

Ваня! А я? Что ж это значит: поматросил и бросил? [Маяковский «Клоп»].
Графическое оформление стихотворных строк здесь соответствует их семантике, поскольку сообщению о разрыве отношений соответствует неполная, оборванная строка:

Присыпкин

(вытягивая отстраняющую руку)

*Мы разошлись, как в море
корабли...* [Маяковский «Клоп»]¹.

Так, в XX в. стих на театральной сцене перестает быть признаком жанра, в прозаическом окружении он наделяется новыми функциями: деавтоматизирует восприятие, привлекает внимание и выделяет фрагмент из всего текста.

Литература

Азарова Н.М. Конвергенция философского и поэтического текстов XX – XXI вв. Диссертация ... доктора филологических наук. М.: Институт языкознания РАН, 2010.

A critical discourse analysis of the Polish media covering the socio-political conflict in Ukraine

Maciej Buczowski

Adam Mickiewicz University

The media have the power to shape and reshape opinions of the masses (Montgomery 2007). They often focus their attention on socio-political issues of a national or global scope (Gurevitch and Blumler 1990). Conflicts, as one of the most dynamic contexts for discourse analysis, have been one of the main areas of interest for researchers (Miheli, Bajt and Pankov 2009).

The application of a critical discourse analysis approach allows to view the problem

¹ Неслучайность такого оформления подтверждается сопоставлением с текстом романа «Корабли» Б.А. Прозоровского, к которому отсылают слова Присыпкина, в тексте-источнике это полная строка:

*Мы никогда друг друга не любили,
В своих сердцах привета не носили,
Случайных встреч и взоров не ценили,
И разошлись, как ночью корабли...*

from a position of power divisions and social inequality (Wodak and Meyer 2009). The addition of a cognitive frame study (Lakoff 2004) enables the researcher to implement a second, broadening point of data analysis which strengthens the final results.

The present study aims at describing patterns on the basis of which the media present the identities of the actors involved in a socio-political conflict. The aforementioned actors include ethnic groups, nationalities and social groups involved in the Ukrainian conflict. A selected group of television stations and newspapers provided material for conducting a critical discourse analysis. Some of the media chosen are considered to be conservative while other liberal, in order to generate a general Polish media view of the conflict.

The study is currently ongoing since the conflict is ongoing as well. The preliminary results of the study suggest that the media discourse in Poland includes frames both global as well as unique cognitive frames understood only by a Polish audience. The latter tend to refer to Polish social and cultural issues as well as historic events. Moreover, some metaphors possess religious associations.

This means that the media introduce a religious theme absent in the conflict itself. The goal of the presentation is to discover discursive strategies used in Polish media and explain what the role of using those particular strategies to describe the events in Ukraine was.

References

- Gurevitch, M. and J. G. Blumler. 1990. "Political communication systems and democratic values", in: J. Lichtenberg (ed.), *Democracy and the mass media*. Cambridge, Cambridge University Press, 269-289.
- Lakoff, George. 2004. *Don't think of an elephant: Know your values and frame the debate*. Canada: Chelsea Green Publishing.
- Montgomery, Martin. 2007. *The discourse of broadcast news: A linguistic approach*. London: Routledge.
- Miheli, Sabina Veronika Bajt and Milos Pankov. 2009. Television news, narrative conventions and national imagination. *Discourse & Communication* February 2009(3): 57-78
- Wodak, Ruth and Michael Meyer. 2009. "Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory and Methodology." in: Ruth Wodak and Michael Meyer, (eds.), *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage. 1- 33.

Большевистский и современный коммунистический оппозиционный дискурсы сквозь призму советского новояза (на материале партийной печати)

Katharina Kunz
University of Heidelberg

Предлагаемое на обсуждение в рамках конференции GranaSlavic2014 выступление посвящено особенностям функционирования российского политического дискурса на страницах печати в диахроническом аспекте.

Описание этих особенностей проводится на примере отдельных субдискурсов: большевистского предреволюционного, советского коммунистического и современного коммунистического. Материалом для анализа послужил собранный в ходе работы над диссертационным проектом по теме «Языковые изменения в российском общественном дискурсе за последние сто лет» корпус текстов социально-политической тематики для трех временных периодов: дореволюционного (1917 г.), советского периода сталинской эпохи (1936-1939 гг.) и современного докризисного (2006-2007 гг.).

Отправной точкой настоящего доклада является официальный политический язык советской эпохи - т. н. «новояз» [Rathmayr 1991; Zemskaja 2000]. На территории Западной Европы этот особый тип общественно-политического словоупотребления был, к примеру, основательно проанализирован швейцарским лингвистом Даниелем Вайссом [Weiss 1986; Weiss 20001; Weiss 20002]. В рамках доклада планируется дать краткое описание основных особенностей советского «новояза», обратив внимание на языковое выражение выделенных Вайссом семантических категорий *стабильности* и *тотальности*, а также принципа организации текстов общественно-политической тематики на основе аксиологического деления на «своих» и «чужих» [Weiss 2000: 237]. При этом необходимым образом должна учитываться и внеязыковая действительность, в частности, коммунистическая идеология, что позволяет нарисовать достаточно полную картину функционирования политического дискурса советского периода.

Т. к. поляризация и распределение «своих» и «чужих» на шкале «хорошо» - «плохо» в принципе лежит в основе любого политического дискурса [Sinelnikova 2010: 34], именно этот признак признается базисным при описании организации текстов общественно-политической направленности. Представляется интересным проследить особенности функционирования «классических» признаков «новояза» как в текстах большевистского субдискурса на пороге революции 1917 г., так и коммунистического субдискурса XXI века. Большевистский дискурс, так же как и коммунистический дискурс постперестроечной эпохи, является примером оппозиционного политического дискурса. С идеологической же точки зрения между всеми тремя субдискурсами наблюдается преемственность. На этом фоне в докладе предпринимается попытка дать языковую характеристику всех трех субдискурсов, проследив динамику развития и функционирования основных черт «новояза» как связующего звена между двумя другими дискурсами. Особое внимание планируется уделить также сравнению двух оппозиционных дискурсов, т. к. именно оппозиционность выдвигает на передний план основную функцию политического дискурса - борьбу за власть [Šejgal 2004, 41], а, следовательно, и языковое выражение этой борьбы находит в текстах более четкое выражение.

Литература

1. RATHMAYR, RENATE (1991): *Von Коммерсантъ bis джаст-ин-тайм: Wiederbelebungen, Umwertungen und Neubildungen im Wortschatz der Perestrojka*. In: JACHNOW, HELMUT (ed.) (1991): *Slavistische Linguistik 1990*. München, 189-232.
2. SINEL'NIKOVA, L. N. (2010): *Kommunikativnye modeli oppozicionnogo političeskogo diskursa*. In: *Političeskaja lingvistika*, 1 (31) (2010), 34-38.
3. ŠEJGAL, E. I. (2004): *Semiotika političeskogo diskursa*. Moskva: Gnozis.
4. WEISS, DANIEL (1986): *Was ist neu am „newspeak“? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion*. In: RATHMAYR, RENATE (ed.) (1986): *Slavistische Linguistik 1985*. München, 247-325.
5. WEISS, DANIEL (20001): *Alle vs. einer: Zur Scheidung von good guys and bad guys in der sowjetischen Propagandasprache*. In: BREU, WALTER (ed.) (2000): *Slavistische Linguistik 1999*. München, 237-274.
6. WEISS, DANIEL (20002): *„Novojaz“ kak istoričeskoe javlenie*. In: GJUNTER, CHANS (ed.) (2000): *Socrealističeskij kanon*. S.-P., 539-555.
7. ZEMSKAJA, E. A. (ed.) (2000): *Russkij jazyk konca XX stoletija (1985 - 1995)*. Moskva.

Rozprávky do (d)uší (Pôvodná mediálna dramatická tvorba pre deti a mládež za rok 2012)

Adela Mitrová
University of Prešov

V príspevku sa zaoberáme aktuálnou situáciou pôvodnej mediálnej drámy v slovenských masmédiách. Už niekoľko rokov po sebe Bibiana vytvára priestor na zverejňovanie výsledkov mapovania pôvodnej dramatickej tvorby pre deti a mládež vo verejnoprávnej inštitúcii Rozhlas a televízia Slovenska (RTVS). Televízna tvorba pre deti stagnuje už dlhé roky. Podľa slov Magdalény Glasnerovej, dlhoročnej dramaturgičky Slovenskej televízie a autorky mnohých scenárov televíznych a filmových rozprávok, bol rok 2012 na pôvodnú dramatickú tvorbu tristný a biedny. RTVS síce participovala v česko-nemecko-slovenskej koprodukcii na filme *Modrý tiger*, ten sa ale odvysielal až v marci 2013. Taktiež sa v roku 2012 rozbehla výroba animovaného seriálu večerníčkov *Mimi a Líza* animátorky Kataríny Kerekesovej (v roku 2012 boli dokončené 3 časti), ale prvú 7-dielnu sériu odvysielala STV až v decembri 2013. V roku 2012 teda bolo zastúpenie novej pôvodnej dramatickej tvorby na obrazovkách STV nulové. Je otázne, nakoľko má RTVS záujem o detského diváka, keďže tvorbe a vysielaniu pôvodných programov, nehovoriac o tých dramatických, neprikladá podľa programovej štruktúry taký význam a nevytvára taký priestor, ako by mala, keďže ide o verejnoprávnu inštitúciu.

Situáciu RTVS v oblasti tvorby pre deti a mládež zachraňuje už tradične Slovenský rozhlas. Je potešujúce, že oproti predchádzajúcemu roku možno zaznamenať mierny nárast pôvodných rozhlasových hier pre deti a mládež. Kým v roku 2011 sa vytvorilo len 7 pôvodných diel (6 rozhlasových hier a jeden seriál), v roku 2012 až 11: z toho 7 rozprávkových hier a 4 hry pre mládež.

Oproti minulým rokom, keď kvalitou, invenciou i novými tvorivými výbojmi vynikala skôr rozhlasová hra pre mládež, v roku 2012 sa situácia vymenila. Rozhlasové hry pre mládež sa vyznačovali skôr tradičným poňatím, ale aj priemernou úrovňou, pri rozprávkových hrách sa našli aj také hodnotné diela, ktoré prinášajú do pôvodnej dramatickej tvorby pre deti nové impulzy.

Языковые средства выражения категории достоверности в персуазивном контексте

Svitlana Gravani
Heidelberg University

Предметом исследования, представляемого для участия в конференции, является роль категории достоверности в персуазивном контексте. Материалом исследования служат тексты интернет-сайтов российских благотворительных фондов с разными сферами деятельности.

Особенности коммуникационных процессов в Интернет-пространстве находят отражение в текстах, в которых реализуется целевая установка на воздействие. Цель интернет-сайтов, как и других форм коммуникации благотворительных фондов, заключается в привлечении внимания общественности к деятельности фондов и поиске потенциальных волонтеров, меценатов и спонсоров. Их прагматическая направленность заключается в изменении установок, ценностного отношения людей к определенным явлениям общественной и личной жизни и побуждении к определенным действиям, а именно, материальным пожертвованиям или волонтерской помощи. Это позволяет рассматривать интернет-сайты благотворительных фондов в аспекте их персуазивного воздействия.

Персуазивная коммуникация может быть определена как особая форма ментально-речевого взаимодействия коммуникантов, реализующая попытку преимущественно вербального воздействия одного из коммуникантов (адресанта) на установку своего коммуникативного партнера/партнеров с целью ненасильственным путем (посредством коммуникативных стратегий убеждения и «обольщения») добиться от него принятия решения о необходимости, желательности либо возможности совершения/отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта (Голоднов 2004).

Одним из факторов, влияющих на достижение прагматической цели персуазивного высказывания является достоверность. В рамках представляемого для участия в конференции исследования выявляются

и описываются основные параметры и категории, конституирующие коммуникативную категорию «достоверность» с учётом прагматической структуры интернет-сайтов благотворительных фондов (благотворительного дискурса), и систематизируются разноуровневые языковые средства - показатели достоверности, используемые для реализации персуазивной интенции. Кроме того, учитываются формы достижения эффекта достоверности, обусловленные использованием новых мультимедийных технологий и гипертекстовой структуры интернет-сайтов.

Таким образом, актуальность темы доклада в рамках конференции определяется существующим в современной лингвистике интересом к процессу речевого воздействия в целом (Голоднов 2004, Чернявская/Логинова 2005). Интернет как средство коммуникации в сфере благотворительности и как форма социальной практики представляет собой также актуальный, но малоизученный объект исследования. Анализ лингвистических способов выражения достоверности в текстах интернет-сайтов благотворительных фондов вносит вклад в исследование специфических для определенного типа дискурса средств персуазии, а также механизме их выявления.

Литература

Голоднов, А. В. (2004): Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы). Автореферат. ...канд. филол. наук. СПб.

Чернявская, В.Е./Логинова И.Ю. (2005): Персуазивный текст в политической коммуникации.// Известия РГПУ им. Герцина, Вып. 11.

Gravani, S. (2013): Zu sprachlichen Ausdrucksmitteln der Persuasion in Websites-Texten russischer Kinderhilfefonds. Am Beispiel der Strategie „Emotionalisierung“. In: Ulrich, S./Kislova, E./Kubicka, E. (Hrsg.): Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 16. München/Berlin/Washington, D.C., 88-94.

Modernity vs tradition dilemma as a cross point of Russian political and religious discourse

Kristina Kovalskaya

EPHE, GSRL, CETOBAC, HASTEC

Over the last twenty years, the Russian Federation has re-asserted itself as a secular society. The enactments of the soviet constitutions dealing with the freedom of religion and secularism were transformed into analogous enactments of the Russian Constitution.

However, this switching was not a simple transition from the scientific atheism to the secularism and the latest works on the subject shows that there are some similarities between the soviet atheist ideology and the post-soviet cooperation between the Russian State and the Russian Orthodox Church.

On the assumption of the Russian Constitution from 1993 and Russian laws from

1990 and 1997 which cover questions of secularism and religious freedom, state and religion are separated in Russia and the freedom of religion is guaranteed. This idea is also diffused by the public official discourse. This explicit approval of secularism is a part of a general aspiration for modernity and international integration. The various churches of Russia participate, on their part, in this search of modernity by propagating their own conceptions of the Human Rights.

At the same time, we can observe a certain process within political and religious fields, which could be possibly summarized as a neo-traditionalism. State and dominant churches are seeking for traditions in several fields to legitimate conservative tendencies in current politics. This process concerns predominantly a pursuit for a "traditional religions" and "traditional Islam", but also "traditional values" which go close to "spiritual values". The assertion of traditional values is linked by turn to the persecution of the "non-traditional sexual relations".

As a result, despite an important religious renewal in the 1990s and the growing presence of the Russian Orthodox Church in the public and political fields, the post-soviet Russia is a secular state. Though, religious and political discourses converge in several themes, notably concerning the instrumentalizing of the idea of 'tradition'.

Видовые предпочтения носителей языка – к вопросу о вторичной имперфективации русского глагола

Izabela Kozera
Jagiellonian University

Явление вторичной имперфективации глагола, вновь ставшее в последнее время предметом интереса лингвистов, остается спорным вопросом славянской аспектологии. Однако образование видовых троек, т.е. глагола несовершенного вида, глагола совершенного вида и образованного от него *вторичного имперфектива* (напр. *есть – съестъ – съедать, пить – выпить – выпивать, читать – прочесть – прочитывать*) является продуктивным процессом современного русского языка. В ходе формальной операции, путём прибавления суффикса *-ива-/-ыва-/-ва-/-а-* к основе глагола совершенного вида, возникает сложный глагол несовершенного вида – вторичный имперфектив. Традиционная аспектология, которая сводит категорию вида к бинарной оппозиции совершенного вида несовершенному, приписывает вторичному имперфективу грамматический несовершенный вид, что слишком упрощает его семантическую характеристику. Вторичный имперфектив выражает действие, которое является одновременно дуративным и законченным. Показателями дуративности являются суффиксы *-ива-/-ыва-/-ва-/-а-*. Однако с

точки зрения морфологического уровня вторичный имперфектив мотивирован приставочным глаголом совершенного вида, который выражает законченное действие. Таким образом возникает повторяющееся действие, которое каждый раз достигает определенного предела, напр. работать – переработать – *перерабатывать*, т.е. «переработать что-то многократно». Соединение длительности с моментальностью можно проиллюстрировать с помощью отрывка времени, который состоит из мельчайших фрагментов законченных действий. Благодаря таким семантическим свойствам употребление вторичного имперфектива частично совпадает как с использованием простого глагола несовершенного вида, так и с дистрибуцией глагола совершенного вида.

В настоящем докладе анализ вторичной имперфективации глагола комментируется на основании результатов анкетирования, проведенного на группе респондентов (студентов Филологического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета). Применение метода опроса позволило определить предпочтения носителей языка по выбору видовой формы глагола, а также выявить влияние семантических свойств вторичного имперфектива на его употребление. Результаты опроса доказали, что нельзя признавать глаголы типа *пить-выпивать* тождественными по отношению к категории вида, как это делает традиционная аспектология. Оба глагола различаются понятийным содержанием и поэтому не находятся на одном уровне несовершенности. Традиционная трактовка категории вида и теория видовой парности требуют пересмотра. Анализ вторичной имперфективации с точки зрения понятийного уровня открывает дальнейшие перспективы исследования.

The use of negative irony in Russian political TV debates

Jekaterina Mazara
University of Zurich

This research is funded by the Swiss National Science Foundation (grant no. 140687) as part of the project “Implicit Communication in Today’s Russian, Polish and Czech Political Discourse“ headed by Prof. Dr. Daniel Weiss (University of Zurich).

The use of irony during the Czech Presidential election campaign of 2012/13 Ironic utterances can be used for various reasons. They can simply have entertainment value (and potentially enhance the speaker’s positive face if irony and wit are valued), they can signalize camaraderie between participants in a conversation, and, among others, they can also be used as a means of attack. In this paper, I will examine the

use of ironic utterances in the televised debates preceding the Czech presidential election in January 2013. I focus specifically on three types of debates: the so called "superdebate" in which all nine candidates of the first round participated at once, the debates of the first round between three to four participants, and, finally, two debates between the two candidates who proceeded into the second round of the election.

The data is examined within neo-Gricean and Relevance theoretical frameworks. The analysis of the data will focus on various aspects of ironic utterances:

- i) does the format of a debate influence discourse patterns, i.e. does one format foster the use of irony more than the others?
- ii) are confrontational or non-confrontational ironic utterances preferred (and if so, are they preferred in a certain setting)?
- iii) what triggers ironic utterances, do certain topics lend themselves more easily to the use of irony?
- iv) at whom is the utterance aimed?
- v) does the ironic utterance have a specific function: is it used to appeal to voters, challenge the opponent, to comment on/distance oneself from something that was said, to deflect an argument, etc.
- vi) if there is an indication of a reaction: how is the ironic utterance received by the addressee(s)/the audience?

Since the notion of face is very important in political discourse, ironic utterances will be also be assessed from an impoliteness theoretical point of view, examining their role in facework and impoliteness management (cf. for example Bousfield 2008; Culpeper 2011).

References

Bousfield, Derek. 2008. *Impoliteness in Interaction*. Amsterdam.

Culpeper, Jonathan. 2011. *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge.

Kotthoff, Helga. 2002. Irony, quotation, and other forms of staged intertextuality: Double or contrastive perspectivation in conversation. In Karl Graumann/Werner Kallmeyer (eds.). *Perspective and Perspectivation in Discourse*. Amsterdam: Benjamins.

Polishness – Slavicness – Europeanism - Globality. Cultures, Nations and Ethnoses Under Pressure of Digital World.

Tadeusz Miczka

University of Silesia in Katowice

Georg Simmel is perceived as a precursor of the sociology of everyday life. Almost 100 years before Internet was born he formed the main rule on which interpersonal communication in industrial societies is based. He said: „Relations of a contemporary man to their surroundings usually develop in a certain way, they

move away from their closest groups to approach those groups which are further". The rule of interdependence became popular in the epoch of globalisation. This epoch is propelled by digital communication which offers an extremely wide range of interactivity and virtuality to every user of mobile and multifunctional media. Digital communication, the fact that national and ethnic resources are networked, the fact that a big part of social life is moved to various kinds of virtual realities, all those elements result in the necessity of redefining of national and ethnic identity. I follow this research path. I assume that in the conditions of so called techno-everyday-life, which not only makes it possible for nations and ethnoses to open to European and world universals but also forces them to do that, integrity of Polish and Slav identity can not only be preserved but also articulated more strongly than before. Their vitality depends mainly on the fact how modern, national and ethnic industries of culture deal with the production and distribution of their own values, styles, messages, artefacts, also in the area of continental multicultures and in the frames of not identity global culture. I analyze the processes of Polish culture getting networked and their influence on understanding and articulating of Polishness. I consider the issue of technological exclusion, cultural homelessness, and the decline of ethnos as possible consequences of those changes. I form the following conclusions: multimedia are able to pass and store the values which are important for national cultures and ethnoses, Polish and Slav lifestyles will be shaped under influence of cultural communication and four megatrends. If communication becomes more and more digital in its form it can always be and it always should be national and ethnic in its content. The experience with "participatory culture" should be the subject of interest for participants of education and new models of media education.

Political event as present in electronic media

Juraj Rusnak
University of Prešov

This paper analyzed the possibilities for creation, distribution and consumption of politic event templates (presets), distributed in the environment of electronic media, where the image of public events transform the socio-cultural, economic or ideological manuals on the standardized image. Particular attention is paid to the specificities affecting dissemination of such presets in a Slovak electronic media. Presets used in the media environment consists of this kind of interpersonal communication strong and effective weapon in empowering the facts in other than in totalitarian systems of power management: intensive for them has long interested

not only institutionalized propaganda, but also the programming department of commercial media, which quickly noticed effectiveness of the media in raising presets audience and responded to playlists or media events.

Updating, extensive and disproportional parameters of the current media production presets yet fully meet the increasingly strong demand for greater interactivity in media operation that changes the standard production-porter model of mass communication with the broadcaster, the channel and the receiver of the area, which is dominated not by "producer" or by "receiver", but by "user".

Russian language in the political communication: a discourse analysis of contemporary texts

Enrique Santos Marinas
Complutense University of Madrid

In this paper, we are intended to do a descriptive analysis of the language that is employed by different Russian politicians in their political communication. As it was shown by Marina FERNÁNDEZ LAGUNILLA (1999), it can be considered as a particular variety of language or *typolect*, with its own characteristics. Following her example, we will take a pragmatic-enunciative approach, studying the texts in their communicative situation. Due to the complexity of the task, as well as to the lack of time, it is not our aim to consider every single aspect of the political communication in contemporary Russian. On the contrary, we will make a survey of the marks that the communicative act leaves on the linguistic discourse. And concretely, we will analyse some of those marks belonging to morphology, syntax, rhetoric, or vocabulary, trying to define the language register that is employed in every case. With this aim, we will consult several speeches by Russian political leaders that can be found in Russian newspapers, news agencies or official web pages, such as <http://www.kremlin.ru/>. As a summary, we can say that the aim of this paper is to offer a set of signs or features that could enable us to characterize and identify as far as possible the specific nature of the Russian language as it is employed in the political communication, over the diversity and plurality of its concrete forms. However, we will avoid the stereotyped, and consequently simplified, interpretation according to which the political language is just a special language or jargon used as "a mechanism of information manipulation made by the power". Knowing the way of speaking of politicians will allow us to better understand the meaning of their discourse and, more generally, from a linguistic point of view, the study of a particular discursive manifestation will help us to explain the human ability of producing discourses.

Bibliography

FERNÁNDEZ LAGUNILLA, M. (1999): *La lengua en la comunicación política I: El discurso del poder*, Madrid, Arco Libros.

FERNÁNDEZ LAGUNILLA, M. (1999): *La lengua en la comunicación política II: La palabra del poder*, Madrid, Arco Libros.

Innovation and Creativity in Time Revolution. The Language of the Euro-Maidan

Yuri Shevchuk
Columbia University

The revolution in Ukraine known as the *Maidan* got its immediate expression in and was massively influenced by Ukrainian and Russian, the two languages most directly involved. This paper discusses the linguistic strategies used to promote the ideological messages originating from the two opposing sides of the conflict: the rebellious people of the Maidan and the Yanukovych regime, as well as their supporters and detractors in Russia. The paper will examine two focal points: 1) how the languages involved, Russian and Ukrainian, presented the conflict in Ukraine; 2) how these languages were used to shape the events and influence their reception by the domestic and foreign public opinion.

Two starkly opposed narratives of the revolution (one generated by the *Maidan*, another by the Yanukovych-Kremlin camp) unfolded within their respective lexico-semantic fields, marked by clusters of positive and negative themes. For a positive self-representation the Maidan utilized such themes as *революція* revolution, *Європа* Europe, *євроінтеграція* Euro-integration, *майдан* square (likened to the Ancient Greek *agora* as symbol of democratic self-rule), *справедливість* justice, *гідність* dignity, *майбутнє* future, etc. For a negative presentation of the opponent the Maidan systematically deployed such topoi as *янучари* (blend of *Юнукович* Yanukovych and *яничар* janissary, as symbol of national betrayal), *пакращення* (corrupted form of Ukrainian *покращення* ‘improvement’ ridiculing the programmatic promise of the Yanukovych presidency to improve living standards), *таежний союз* ‘Taiga Union’ (pun on Russian *таможный союз* ‘Customs Union’ and *таежный* taiga, Vladimir Putin’s alternative to Ukraine’s European aspirations). In its turn, the Yanukovych/Kremlin nexus deployed its own, if less original, arsenal of linguistic means also used for similarly positive self-representation and negative presentation of the adversary.

The desire to maximize one’s ideological message, while at the same time undermining and discrediting that of the opponent, nourished an unparalleled linguistic creativity and innovations in Ukrainian and Russian at the graphic, morpho-phonetic, lexical, and other levels of language. They include neologisms,

redefinition of existing words, blending words, puns, allusions, coining of new lexico-semantic variants – all to be examined in the proposed paper.

Another way of being impolite: the polemic use of quotes in the Russian State Duma

Daniel Weiss
University of Zurich

My paper is related to a larger research project devoted to the analysis of implicit communication in the political discourse of Russia, Poland and Czechia, cf. <http://www.research-projects.uzh.ch/p17097.htm>. It is based on a sample of 300 quotations used by deputies of the Russian State Duma, which are analysed within a neo-Griecian framework (Levinson 2000) and Relevance Theory (Sperber & Wilson 1995).

Due to the antagonistic and multi-addressed character of political discourse, quotations often manage to achieve more than one goal at the same time: they may support one's own arguments and/or undermine the adversary's position (Constantinescu 2010), notably his/her skills and credibility (Čmejková & Hoffmannová 2012), simply entertain the audience, enhance the prestige of the current speaker, etc. y presentation focuses on the polemical function of quotes and their impact on impoliteness management (Bousfield 2008, Culpeper 2011). It takes into account different types of targets (single vs. multiple, personal vs. institutional), the triggering event (repressive new laws, punitive measures against individual deputies, provocative statements by President Putin, etc.) as well as the different political

affiliation of the speakers (3 oppositional parties vs. 'United Russia') and aims at correlating these parameters with different types of sources either related to current political issues or provided by politically neutral preceding texts including the Bible, folk wisdom (proverbs, popular jokes), history, literature, film, pop music, advertising, etc. (Weiss 2012). Additional data is provided by verbal agitation on oppositional posters and Internet sources, such as hashtags (Lunde 2013) and blogs. Special attention will be given to combinations of quotes with other implicit techniques, notably irony and non-conventional metaphor. This also calls for an account of other "two-voiced" phenomena, such as pseudo-quotation, parody and irony (Kotthoff 2002); "conflicting polyphony" (Vlad 2012) puts the topic in an evenbroader context. Moreover, special cases will be examined, including "double-layer quotes", blending of different quotes or the deformation of the original, e.g., by means of an anti-proverb. Finally, the reactions of those attacked by the quotation

will be taken into account as far as possible.

References

- Bousfield, D., (2008), *Impoliteness in interaction*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.
- Čmejrková & Hoffmannová 2012, Intertextuality as a means of positioning in a talk-show. In: Lorda C.-U., Zabalbeascoa P. (eds.), *Spaces of polyphony*, 161-172. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.
- Constantinescu, M. N. (2012), The Use of Quotations in the Romanian Parliamentary Discourse, in L. Ionescu-Ruxăndoiu, M. Roibu, and M. V. Constantinescu (eds.), *Parliamentary Discourses across Cultures: Interdisciplinary Approaches*, 263-82. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Culpeper, J. (2011), *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge: University Press.
- Ilie, C. (2010), Managing dissent and interpersonal relations in the Romanian parliamentary discourse, in C. Ilie (ed.) *European Parliaments under Scrutiny: Discourse strategies and interaction practices*, 193-221. Amsterdam: Benjamins.
- Kotthoff, H. (2002), Irony, quotation, and other forms of staged intertextuality. Double or contrastive perspectivation in conversation, in: Graumann, K., and W. Kallmeyer (eds.), *Perspective and Perspectivation in Discourse*, 201–229. Amsterdam: Benjamins.
- Levinson, S. C. 2000. *Presumptive meanings: The Theory of Generalised Conversational Implicature*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Lunde, I. (2013), #Hashtag Poetics: Political Humour on Russian Twitter. Paper held at the Conference 'Ain't misbehavin? Implicit and Explicit Strategies in Eastern European Political Discourse', Zurich, October 19-20.
- Sperber, D. and D. Wilson. *Relevance. Communication and Cognition*. Oxford 1986.
- Vlad, D. (2102), Polyphonic strategies used in polemical dialogue. In: Lorda C.-U., Zabalbeascoa P. (eds.), *Spaces of polyphony*, 117-128. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.
- Weiss, D. (2012), Deputaty ljubjat citaty [Deputies like quotes], in N. N. Rozanova (ed.), *Rusistika segodnja 5: Problemy rečevogo obščeniya* [Russian linguistics today: Problems of verbal communication], 63-74. Moskva: Izdatel'stvo «Flinta», Izdatel'stvo «Nauka».

Реализация цветового гендерного кода в рекламном дискурсе

Olesya Yashan

South-Ural State University

В настоящее время интенсивно развиваются гендерные исследования, особое место они занимают в лингвистике, так как гендерные отношения отражаются в культуре и языке.

Гендерный подход также стал неотъемлемой частью современной рекламы и имеет большое значение в рекламной индустрии. Важную роль при создании любого рекламного объявления играет гендерный аспект, ведь от этого напрямую зависит эффективность рекламы, ее влияние на аудиторию. Восприятие рекламы зависит от того, насколько в ней учтены гендерные особенности потенциального потребителя.

Гендерные стереотипы находят свое отражение в рекламном дискурсе, они являются основой для создания рекламных образов, так как реклама выполняет не только свою основную функцию передачи информации о товарах, изделиях, продуктах, услугах, но и несет в себе информацию о политических, общественных и других видах отношений, в том числе и гендерных. При этом

реклама может не только передавать существующие в обществе гендерные стереотипы, но и создавать и закреплять новые, тем самым оказывая влияние на сознание людей.

Реклама представляет собой информацию, передаваемую в вербальной и невербальной формах. Для этого используются различные коды: языка, цвета, изображения и другие.

Мы рассмотрели цветовой гендерный код, выраженный в рекламном дискурсе не только лексически, но и визуально, графически. Для анализа цветового гендерного кода была отобрана реклама из наиболее популярных русскоязычных женских журналов («Лиза», «Cosmopolitan», «Joy», «Glamour»), вышедших за последние несколько лет.

В ходе работы мы проанализировали проявления цветового гендерного кода в женской рекламе, рассмотрев 470 рекламных статей. В результате получилось, что фон рекламных статей в женских журналах чаще всего является белым (встречается в 30% случаев), голубым (13%), зеленым (10%), черным (9%), розовым (7%). Текст в данных рекламных статьях обычно белый (встречается в 45% случаев), черный (25%), синий (7%), зеленый (6%).

Таким образом, в результате анализа было выявлено, что белый цвет доминирует в цветовом гендерном коде, рассмотренном нами на материале рекламных статей из современных женских журналов.

Nowe nowe media – przestrzeń dialogu międzykulturowego

Bogdan Zeler

University of Silesia in Katowice

W artykule podjęty został problem nowych nowych mediów (termin zaproponowany przez Paula Lévinsona) jako specyficznej przestrzeni, w której prowadzony jest dialog międzykulturowy. Te nowe komunikacyjne zjawiska przez innych badaczy nazywane są mediami społecznościowymi, Web. 2.0, bywają też określane jako sztuka ekranowania. Przykłady takich postaw charakterystycznych dla społeczności internetowych, odnajdujemy w działaniach blogerów, edytorów *Wikipedii*, użytkowników *Facebooka* czy *Twittera*, grających w *Second Life* etc.

Do niedawna – pytani o naszą tożsamość - potrafiliśmy udzielić w miarę zdecydowanej odpowiedzi. Łatwo określaliśmy naszą płęć, wiek, przynależność narodową, wykształcenie. Również pytani o przekonania, nie mieliśmy problemu ze wskazaniem systemu wartości, który jest nam bliski, określonych opcji ideologicznych, Dziś miejsce owej „twardej”, „stałej” tożsamości zajęło postrzeganie świata w kategoriach „płynności” i zmienności. Rewolucja komunikacyjna sprawia, że w kręgu współczesnego człowieka pojawiły się

dziesiątki kultur, równo znaczących jak jego własna macierzysta kultura narodowa. Dotychczasowe rozumienie kategorii konstytuujących dyskurs międzykulturowy musi ulec zasadniczym przekształceniom i przewartościowaniom. Społeczeństwo Sieci, powstające w dobie Internetu staje się z jednej strony wspólnotą, łączącą wszystkich użytkowników sieci, z drugiej jednak strony zarysowuje się zjawisko wyobcowania z tego społeczeństwa. Jak zauważył Manuel Castells wraz ze zmianami uczestnictwa w świecie komunikacji, zmianie ulega przestrzeń antropologiczna, a komunikacja zastępuje koordynację czasoprzestrzenną. . Przestrzeń przepływów zastępuje przestrzeń miejsca.

Świadectwem tych przemian są zachowania charakterystyczne dla użytkowników mediów społecznościowych. Przenosimy w przestrzeń nowych mediów dialog polityczny, edukacyjny, w szczególny sposób zmieniają one nasze podejście do sztuki i literatury. W nich kształtujemy swoją tożsamość (a ściślej – tożsamości), w nich poznajemy drugiego człowieka i jego kulturę. Media te stają się miejscem, w którym w niezwykle wyraźny sposób rysuje się świat „Swoich” i „Innych”, Wszystko to sprawia, że musimy na nowo określić zadania stojące przed uczestnikami międzykulturowego dialogu, a także zakreślić nowe pola edukacji medialnej, która musi być rozumiana jako edukacja „ku mediom” . z jednej - i ku Drugiemu człowiekowi - z drugiej strony

W referacie dokonano analizy tych przemian, ich interpretacji i wpisania w kontekst aksjologiczny (filozofia dialogu) , a następnie wskazano możliwości kształtowania optymalnych zachowań komunikacyjnych, związanych z użytkowaniem „nowych mediów” w dialogu z „Innymi”.

Новое естественное сияние – концептуализация красоты в женском рекламном дискурсе (COSMOPOLITAN на русском языке)

Алла Диомидова
Vilnius University

Рекламный дискурс в данной работе понимается как часть медийного дискурса, для изучения которого сформировалась новая самостоятельная отрасль гуманитарной науки – media studies. Выделение изучения медиа дискурса в самостоятельную дисциплину связано с постоянным ростом его влияния, вытеснением других дискурсов (художественного, философского) с позиций влияния. Media studies (в русской научной традиции – медиалингвистика (Добросклонская 2008) отличается интеграция методов различных наук в изучении своего объекта. Одним из самых влиятельных типов

медиатекста должна быть признана реклама. Некоторые исследователи даже называют рекламу мифами современного общества (Р. Барт в «Мифологиях» (Барт 2010) анализирует и рекламные тексты). Традиционно рекламный дискурс подразделяется на первичный (информация о товаре) и вторичный (информация о потребителе). Объектом данного исследования является именно вторичный рекламный дискурс.

В данной работе мы не ставим перед собой цели исследовать механизмы воздействия рекламы, так как они достаточно исследованы. Нашей целью является попытка ответить на вопрос не о том, как реклама внушает, а что при помощи рекламы внушается потребителю, то есть какие установки и ценности навязывает современная реклама товаров своим потребителям.

Материалом исследования послужили рекламные объявления из журналов *Cosmopolitan* (русская версия) нескольких последних лет (2011-2013 гг.). Очевидно, что по набору рекламируемых в *Cosmopolitan* товаров этот журнал отличается и от похожих гляцевых женских журналов, и от стандартного набора телевизионной рекламы. В нем практически отсутствуют рекламы еды (например, бульонных кубиков), стиральных порошков и другой бытовой химии, бытовой техники, различных лекарств. Таким образом, основными рекламируемыми товарами являются те, что относятся к так называемой «индустрии красоты» - парфюмерия, косметика, различные средства ухода за волосами, телом. Формализация объекта стремления, того, к чему побуждает, что понимает под достижением цели реклама данной группы, позволит понять, что такое красота по-*Cosmopolitan*.

Исследование проводилось при помощи стандартной методики контент-анализа. Результаты представлены в виде когнитивных моделей, когда одна область действительности (красота) осмысливается в терминах других областей. В доклады рассматриваются концептуальные метафоры **красота – это молодость, красота – борьба, красота – это движение**. Кроме того, анализируются структурирующие рекламный дискурс оппозиции **новое – старое, свет – тьма, естественное – искусственное**.

Литература

Барт Р. *Мифологии*. М.: Академический проект. 2010.

Добросклонская Т.Г. *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь)*. М.: Флинта: Наука, 2008.

Флешмоб как тип дискурса: славянская специфика

Надежда С. Паршанина
Omsk F. M. Dostoevsky State University

Флешмоб является сегодня одной из самых космополитичных форм социальной коммуникации: сценарии флешмоб-акций, как правило, интуитивно просты и не имеют ярко выраженной культурной и национальной специфики. Язык флешмоба, по своей лаконичности и выразительности приближающийся к языку мимики и жестов, не нуждается в переводе. Его семантика и синтактика универсальны и общепонятны.

Однако, если рассматривать флешмобы в аспекте их прагматики, они отчетливо демонстрируют особенности национального мировосприятия. Абсолютно идентичные по своему коммуникативному послыу высказывания, сгенерированные по идентичным правилам, по-разному интерпретируются жителями США и Западной Европы, с одной стороны, и жителями стран постсоветского пространства, с другой. Отметим, что во втором случае речь идет прежде всего о России, Украине, Беларуси, а также других государствах, где титульными являются славянские нации.

В ходе исследования мы сопоставили пять флешмобов, проводившихся в разное время в разных странах (Россия, Беларусь, Чехия, Англия, США) независимыми группами организаторов, но по одному и тому же сценарию.

Флешмоб по своей природе – это заведомо бессмысленное высказывание, протестное по отношению к своему контексту. Действия участников акций, призванные привлечь внимание случайных свидетелей, нарочито противоречат социально-коммуникативным паттернам, которые актуализируются в публичных ситуациях. На Западе такой механизм, провоцирующий внезапный и неустрашимый коммуникативный сбой, нарушение «автоматизированного» течения жизни, оказывается эффективным: сторонние наблюдатели активно реагируют на происходящее и, выражая свое удивление/беспокойство, вовлекаются в своеобразный диалог. Иначе говоря, дестабилизирующий коммуникативный послы достигает в этом случае своей цели.

В славянских же странах коммуникативный импульс флешмоба в большинстве случаев оказывается проигнорирован аудиторией, что полностью разрушает процесс взаимодействия участников со зрителями. Не вызывая отклик окружающих, флешмоб на постсоветских пространствах превращается, скорее, в некую разновидность социальной демонстрации, чем в акт, воздействующий на шаблоны повседневности.

Особый интерес представляет изучение восприятия флешмобов, проводимых в странах, вышедших из состава СССР и ориентирующихся

на западно-европейские культурные нормы. Здесь, в сравнении с территориями, где отчётливо превалируют специфически славянские поведенческие характеристики, уровень организации акций значительно выше (универсальная по содержанию флешмоб-коммуникация облачается в форму западного образца), однако прохожие, ради «ответной реплики» которых совершается данный акт общения, сохраняют по отношению к нему непроницаемую, свойственную именно славянской, а не западной ментальности индифферентность, что свидетельствует о прочности исконных национальных мировоззренческих установок, исподволь проявляющихся в повседневном поведении, несмотря на отчетливо выраженную тенденцию к встраиванию в европейский культурный контекст.

Небесное и земное в концепте «русская красавица»

Валентина А. Степаненко
Irkutsk State Linguistic University

Исследование выполнено в рамках теолингвистики [Постовалова, 2012], а именно в ее разделе – теолингвоконцептологии [Степаненко, 2012]. Объектом является концепт «Русская красавица», предметом – образ русской красавицы в современных немецкоязычных и русскоязычных СМИ, примеры из которых послужили материалом для нашего исследования. В качестве приёма для анализа языкового материала используется бинарная оппозиция «Идея vs. симулякр».

Согласно Платону, идея это идеальная, умопостигаемая вечная сущность вещи в противоположность чувственному и изменчивому в вещи. В нашем случае под идеей понимается Божественная небесная красота, как высшая категория красоты, недостижимый идеал, коим в западноевропейской и русской культурах является Пресвятая Богородица.

Симулякр является «копией копии», копией по отношению к идее предмета. Природа симулякра неоднозначна, поскольку, по нашим наблюдениям, он может нести в себе как положительный, так и отрицательный заряд, и это подтверждается таким феноменом, как *русская красавица*. Так, в современном мире бытует мнение, что русские женщины являются самыми красивыми, женственными и сексуальными. Однако всё чаще и чаще отмечается их меркантильность, которая выражается в их стремлении к красивой жизни (муж олигарх, недвижимое дома и за границей, прислуга, шопинг на круглую сумму, авто бизнес-класса и т.д. и т.п.).

Нами были выделены три типа симулякров в концепте «Русская красавица»,

а именно положительный, отрицательный и амбивалентный. В свою очередь, каждый тип симулякра имеет как внешние, так и внутренние признаки. Так, для первого характерно гармоничное сочетание красоты внешней и внутренней (пример оперной певицы Анны Нетребко). Второму типу присуща так называемая «отталкивающая красота», или красивость, т.е. форма без содержания (кричащий внешний вид, отсутствие манер, скудный внутренний мир). Третий тип отличается внешней и внутренней красотой, но амбивалентным, т.е. неоднозначным, двойственным отношением к описываемому феномену как в русской, так и в немецкоязычной культуре. Амбивалентность наблюдается не только со стороны этих культур, но и в рамках одной из них: пример с Натальей Переверзевой, русской моделью, боровшейся за титул «Мисс Вселенная» в 2012 году и выступившей с критикой против российского правительства в эссе о своей стране.

Таким образом, феномен *русская красавица* представляет собой «соблазнительное смешение Мадонны и Венеры под покровом красоты» (ссылка протоиерея С. Булгакова на мнение Ф.М. Достоевского о жене А.С. Пушкина).

SESSION 4
History, Culture and World View

Balkan retold. Myths, Heroes and History in Bulgarian consciousness

Alberto Alonso-Ponga García
University of Salamanca

Keywords: Bulgaria, Cyrillic, history management, migration, myths.

The Balkans are situated in a cross roads between many different civilizations. The different countries there have evolved in a process of constant definition of their history. Bulgaria itself is one of the most ancient European countries, in fact, the Cyrillic alphabet was first used there as the official writing language. Initially composed of Thracian and Slavic in the Ancient Age, they evolved under the Rule of the Ottoman Empire and the subsequently through contact with Russia and the Soviet Union. All of this has shaped an interesting set of historical facts that must be emphasized in order to tell the national history.

The aim of this paper is to analyze the way in which the different national myths and heroes are being understood and used in the modern context of Bulgaria, as well as to show the relevance of the management of this historical consciousness in the migration process among the Bulgarian Community settled in Spain. The migrants' associations provide us with a wide range of examples about the use of history to shape their groups, meanwhile they contribute to the emergence of a kind of "imagined community" (in Andersen's words), which links migrants around the world to their country of origin.

This paper will explore the most relevant facts and figures. Among those facts, we can consider the invention of the Cyrillic alphabet, the independence from the Ottoman Empire, the relationship with the Soviet Union and Russia, and the integration in the European Union, as well as remarkable people like Vasil Levski or Hristo Botev. All of these Historical facts and people become myths and heroes due to the methods in which the Bulgarian utilize them. This process becomes especially relevant in a migration context to reinforce the national consciousness among migrants.

Learning about the historical processes in Bulgaria leads us to better understand the Balkan context as well as the so called East-bloc countries. History management can be understood as defense of the cultural particularities from the perceived risk of homogenization associated with entering the European Union.

The Sad Awakening of a Creator of Dreams or the Story of How ‘kak by’ Became a Filler Word in Russian

Benamí Barros García

University of Granada

European Humanities Research Centre. University of Oxford

Descrito como partícula, palabra introductoria, marcador, entre otras categorías, no cabe duda de que как бы es un elemento de la lengua rusa que pone de manifiesto la belleza e impacto del estudio de la variación lingüística y las tendencias léxicas, así como permite profundizar en los factores que las condicionan y en las consecuencias que estas tienen sobre el comportamiento discursivo de los hablantes.

Palabras clave: tendencias léxicas; culturomics; как бы; lingüística cultural; cognición.

En la presente comunicación se propone un recorrido, ilustrado con técnicas de visualización de información y culturomics (Michel et al., 2011; Juola, 2013), a través de la evolución de este singular elemento de la lengua rusa que pasó de tener un papel protagonista en el siglo XIX a convertirse en una muletilla en la actualidad. Se abordan las posibles razones de su prevalencia frente a otros elementos semánticamente cercanos, su conexión con la expresión de trasposición de pensamiento, la cronología del decaimiento en su uso y las causas del mismo.

Especialmente ligado a las especificidades de la visión del mundo de la lengua rusa y, en concreto, a su tendencia hacia la indeterminación, la historia de как бы es, en parte, la historia de Rusia, de una lengua y un mundo que se reinventan bajo unas circunstancias internas y externas especialmente convulsas. En pleno resurgimiento del debate sobre si es la lengua la que revela el modo en que pensamos, o viceversa, optamos por un enfoque que asume la existencia de ambas posibilidades y que contextualiza lo acontecido con este elemento en el marco integrador de la interacción del discurso, la cultura y la cognición.

Bibliografía

Michel, J.-B., Shen, Y. K., Aiden, A. P. et al. (2011). Quantitative analysis of culture using millions of digitized books. *Science*, 331(6014), 176–82.

Juola, P. (2013). Using the Google N-Gram corpus to measure cultural complexity. *Literary & Linguistic Computing*, 28(4), 668-675.

De la Táuride y otros bárbaros hiperbóreos. Alteridad bizantino-rusa en las fuentes medievales

Matilde Casas Olea
University of Granada

La reconstrucción de la historia y las primeras noticias sobre la configuración de los primeros estados eslavos orientales, junto con los balcánicos, se fundamenta en gran manera en documentos bizantinos; junto con algunas fuentes latinas y árabes, las obras historiográficas, epistolares, hagiografías, documentos de la cancillería o epigráficos bizantinos constituyen la base documental imprescindible para el conocimiento de los primeros pasos de los eslavos en el devenir histórico en tiempos previos a las primeras manifestaciones escritas en cirílico o glagolítico a mediados del siglo IX. Posteriormente, documentarán las relaciones culturales, políticas, económicas y eclesiásticas entre Bizancio y los primeros principados eslavos de Bulgaria, Rus' o Serbia.

El impulso por compendiar tales fuentes en corpóra más o menos específicos es muy actual en los países eslavos, donde hasta fechas muy recientes se elaboran ediciones y traducciones a lenguas modernas de documentos que testimonian los albores de su historia (Barišić 1955; Plezia 1952; Brzóstkowska- Swoboda 1989; Litavrin- Ivanov- Gindin 1994-95; Bibikov 2004). Asimismo, la revisión de los datos comportados en estos documentos a la luz de la información proporcionada por la ciencia arqueológica ha aportado trabajos muy relevantes en las últimas décadas (Stephenson 2000; Curta 2006; 2007; 2008; Sophoulis 2011). Desde 2007 se lleva a cabo un proyecto de investigación nacional coordinado por la Universidad de Granada para compilar y analizar las fuentes bizantinas sobre los eslavos. En el transcurso de la investigación se han localizado referencias a los eslavos en textos que no se suscriben al inventario tradicional de obras documentales y, sin embargo, contienen valiosa información sobre *realia* de los eslavos y sobre la construcción de la alteridad Bizancio- eslavos.

En esta presentación se expondrán algunas reflexiones sobre la perspectiva del autor bizantino a la hora de exponer información referente a los eslavos orientales -constantes y variantes en sus descripciones, estereotipos conformados en determinados contextos y su fijación, o evolución de ciertos modelos-; los procesos de recepción y adaptación de la historia común entre Bizancio y Rus' dentro del ámbito literario eslavo oriental en los momentos iniciales de su existencia enriquece las perspectivas analizadas.

Juan el Terrible y Pedro el Cruel: paralelos históricos y mitológicos en concepción de justicia en el derecho

Elena Kalinina
Herzen State Pedagogic University

Se presenta un ensayo de investigación integral del concepto de la justicia como principio básico de cultura y derecho para construir visión del mundo. Es núcleo del concepto más antiguo de la sociedad y estado, cuyo objetivo es realizar idea de justicia.

El sistema del estado, poder judicial y intercorrelaciones personales se construyeron en un modelo de realización de justicia. Este concepto era diferente en las épocas y los estados. Idea de la justicia en Rusia se puede describir como desconformidad con las instituciones públicas y legales. En el juzgado ruso medieval, por ejemplo, existía un tipo de los testigos que podían no saber nada del caso, y el objetivo era el de asegurar al juez que los partes son una *buena gente*.

Justicia como fenómeno complejo tiene muchas partes, y en la situación concreta sólo podemos observar un aspecto. También tiene sus “aspectos negativos”, que pueden ser reemplazables en la conciencia popular. Esta realidad multifacética permitía apreciar un fenómeno de los criterios diferentes y crear las imágenes falsas (leyendas negras) que cumplían la función de denigrar una época, un hombre o incluso un estado. Esta leyenda apoyaban así como hechos reales tal falsos.

Como ejemplo aduce un paralelo histórico. En Rusia y España (Castilla) medievales gobernaron dos soberanos que tenían el destino histórico común (con muchos acontecimientos de la vida parecidos) y apodos casi iguales (Iván el Terrible y Pedro el Cruel). Pero en las fuentes folclóricas les llaman también los Justos.

Folclore no se acepta en el mundo científico como la fuente fidedigna. El hecho histórico sirve del fondo, donde actúan los personajes más míticos que históricos, aunque tengan aspectos de la gente real. Folclore es un modo medieval de transmisión de información, obra de arte e instrumento político para formar visión del mundo.

En los casos citados la versión histórica oficial se formaba casi igual a la leyenda negra, pero en el folclore se formó la imagen del soberano justo que se veía obligado actuar cruelmente, según los acontecimientos históricos.

Esto permite concluir paradójicamente que justicia y crueldad se mezclan en la conciencia popular, se hacen casi iguales.

Los libros de viaje: un género que se reinventa

Elena Koreneva

Lomonosov Moscow State University

Hoy en día es notable la popularidad que han adquirido en Rusia los libros y ensayos de viajes realizados por turistas rusos a diferentes partes del mundo. Este género, que describe las experiencias y observaciones del viajero, tiene una tradición bien desarrollada en la literatura rusa. Entre las obras que se pueden recordar, cabe mencionar las de Karamzin, Pushkin o Goncharov. ¿A qué se debe esta reinención del género? Por un lado, corresponde a las «necesidades culturales» de un nuevo «lector intelectual» ruso. Por otro lado, muchos de los numerosos libros de viaje que se editan en la actualidad están escritos de una manera muy divertida, fácil de leer, con ironía y humor, ya que al turista medio ruso no le basta sólo con la información fáctica que se presenta en las guías turísticas. Los medios expresivos del lenguaje cumplen los objetivos del autor, sirven para llamar la atención del lector con su individualidad: crear un retrato, pero no sólo el retrato de los lugares visitados, sino, en la mayoría de los casos, también un autorretrato. Es típica la característica más importante del género de viajes - la capacidad de sintetizar los rasgos de otros géneros, por lo que se hace más dinámico, abierto y polifacético. Es una compleja interacción de géneros, formas y contenidos documentales, arte y folklore, unidos por un protagonista – el narrador, concentrados en la oposición de “lo nuestro” – “lo foráneo”, señala el enfoque narrativo, la dirección hacia la casa que se ve como un centro a distancia. Los autores poseen talento poético, una mentalidad muy original, humor y todos los secretos de la lengua materna y combinan todos estos elementos para mostrar al público sus observaciones personales como objeto de una reflexión más profunda sobre los cambios y transformaciones que estamos viviendo todos en la actualidad.

Nombres propios en la fraseología croata: patrimonio de connotaciones histórico-culturales

Ivana Lončar

University of Zadar

Los nombres propios, objeto principal de estudios onomásticos, desde el *Cratilo* de Platón no dejan de causar interés de los estudiosos ni de intrigar por las peculiaridades categoriales que presentan desde varios enfoques. Los aspectos teóricos más elaborados a lo largo de la historia de la lingüística (y filosofía) han sido

su significado, sentido, contenido y valor referencial, así como su oposición frente a los nombres comunes (Kripke 1972, Kleiber 1982, Gary-Prier 1994, Fernández Leborans [en Bosque y Demonte 1999], Peti 1999, entre otros.)

Desde el punto de vista onomástico se puede deducir, a grandes rasgos, que algunos nombres propios como constituyentes desemantizados de las unidades fraseológicas han perdido su función principal. A nivel fraseológico-cultural, el nombre propio dentro de una unidad fraseológica pierde su intrínseco carácter identificador, pero a la vez su valor referencial llega a connotar numerosas características histórico-sociales, tópicos, prejuicios y valores de una comunidad cultural entera, hecho que lo convierte en un referente cultural *par excellence*. Descritos como «palabras que caracterizan el cuadro del mundo en general y el cuadro lingüístico en particular», muchas veces se enfatiza que cada nombre propio tiene su valor en el sistema léxico de una lengua (Rylov (2009)).

Debido a su origen y específicas circunstancias históricas, la lengua croata, en lo que respecta a su diasistema *estocaviano* comparte el repertorio fraseológico sudeslavo, pero por otro lado presenta una variación diatópica (basada precisamente en los tres diasistemas, *estokaviano*, *kaikaviano* y *chakaviano*) obviada también en el plano fraseológico.

La presente comunicación tiene por finalidad presentar los preliminares de un análisis de corpus de unidades fraseológicas croatas que como constituyente tienen un nombre propio, tanto aquellas que pertenecen a los *internacionalismos fraseológicos* o *européismos culturales*, independientemente de su modo de creación, como las que forman parte del repertorio nacional y regional, así como ofrecer una propuesta de clasificación, interpretación cultural y sus posibles equivalentes fraseológicos en español.

ALGUNAS REFERENCIAS BIBLIOGRÁFICAS

GARY-PRIEUR, Marie-Noëlle (1994), *Grammaire des noms propres*. París: PUF.

KLEIBER, Georges (1981), *Problèmes de référence: descriptions définies et noms propres*. París: Klincksieck.

KRIPKE, Saul (1972), *Naming and necessity*, en Davidson, D. y Harman, G., *Semantics of Natural Language*. Dordrecht: Reidel, 252-355.

PETI, Mirko 1999. «O tzv. sadržaju imena». *Folia Onomastica Croatica*, 8, 97-121.

RYLOV, Yuri A. (2009), «Los antropónimos como clases de palabras y parte del cuadro lingüístico del mundo.» *Hemeroteca Semiosis*, SINTITUL-3, 27/07/1999, 12:06; <disponible en: http://www.hemerotecasemiosis.mx/file/9.%20Los%20antrop_nimos%20como%20clase%20de%20palabras%20y%20padre%20del%20cuadr.pdf>

El Espejo de príncipes en la Rus' medieval (ss. XI-XII)

Marta Peña Escudero
University of Granada

La transmisión del Espejo de príncipes en la literatura rusa medieval se produce a partir de los modelos bizantinos, de los que Rus' hereda y adapta la mayor parte

de manifestaciones culturales. La producción literaria rusa en sus inicios depende de estos modelos tanto en forma como en contenidos. La primera literatura rusa es de traducción de originales bizantinos y el surgimiento de una literatura autóctona sigue estando determinado por dichos patrones.

La función catalizadora de la cultura de la Iglesia es de importancia decisiva en estos primeros años, ya que se vierten desde la literatura bizantina a la incipiente literatura rusa saberes transmitidos de la Antigüedad griega y oriental, junto con una marcada ideología religiosa.

El Espejo de príncipes aparece en el siglo XI como literatura de traducción, aunque también encontramos los primeros signos de una evolución autóctona literaria por parte de escritores nativos rusos, siempre dentro de un entorno religioso. La tendencia autóctona se irá consolidando cada vez más en el siglo XII y se empiezan a distinguir rasgos propios de la cultura rusa. La superposición de elementos bizantinos en el estrato ruso genera un conjunto nuevo de elementos fusionados que evolucionan hacia un modelo propio y autóctono ruso.

Interesa incidir en el aspecto formal de la transferencia literaria a Rus', puesto que éste manifiesta la dirección en que se lleva a cabo el proceso de adaptación. La evaluación de los recursos formales calcados, adaptados, seleccionados o eliminados en la literatura rusa indica en qué modo se llevó a cabo la recepción del Espejo de príncipes y cuáles son las motivaciones que impulsan la creación de obras literarias de este tipo.

El trabajo se centra en el periodo inicial de la literatura rusa, entre los siglos XI y XII, en el que es posible seguir el proceso de transferencia de los modelos bizantinos a pesar de ser pocas las obras literarias localizadas en el tipo literario en cuestión. Así pues, se analiza el Espejo de príncipes como producto literario motivado y recibido en un contexto definido.

Srpski jezik u procesu demokratizacije države – uticaji medija, unutrašnje politike i odnosa sa inostranstvom –

Marija Rosić
University of Michigan

Ni u procesu demokratizacije države ne sme se zaboraviti da je jezik ("kuća bitka"), uz simbole poput himne i zastave, najvažnija komponenta koja vodi ka socijalnoj konstrukciji nacije, do njene kulturne i istorijske tradicije.

Srbija je posle izlaska iz jugosloveneske federacije zadržala svoj autohtoni jezik, izjednačen s imenom svoje zemlje, i svoje autentično *ćirilično* pismo u ravnopravnoj zvaničnoj upotrebi sa *latinicom*. No, prelazak Srbije iz socijalističkog u demokratsko

(kapitalističko) društveno uređenje uneo je stanovite (negativne) promene u domenu jezika. Osim radikalnih novina na planu politike i ekonomije, demokratija je donela zagarantovano pravo na ljudske slobode, nadasve na slobodu govora i štampe, što je njeno osnovno obeležje. Srpski mediji (televizija i štampa), prešli su (uglavnom) u ruke privatnih subjekata, otrgli su se od uticaja i kontrole države, ali su ostali i bez njene materijalne potpore. Slična je situacija i u oblasti kulture, prosvete, školstva, pa i sporta, gde je, kao i kod medija, težište sa etičko-estetičke i obrazovne uloge u društvu prebačeno u domen robno-novčane delatnosti. Koristeći se pravom na demokratske slobode, bez cenzorskih institucija države, a pod imperativom finansijskog uspeha, ne birajući profil donatora i zakupaca oglasnog/reklamnog prostora, mediji ne prezaju od senzacionalističkog, vulgarnog, blasfemičnog, neproverljivog modela izveštavanja* u kojem im je istinitost najmanje važna, a sasvim nevažan srozani nivo upotrebnog jezika koji se, upravo preko medija, najzad ugrađuje u svakodnevni govor stanovništva i u književnost*. S druge strane, demokratska politička scena u Srbiji sa desetak parlamentarnih partija neprofilisanih programa i s apsurdnim kombinacijama vladajućih koalicija, dakle u neprestanoj kampanjskoj borbi svim (*jezičkim*) sredstvima za puki primat u vlasti, unela je u sâm jezik nezamislivu količinu nemorala, lingvističkih nečistoća i značenjskih zakrivljenosti. [*Na primer: "Svi su se redom bacili u etničko samozadovoljavanje, masturbaciju Velike Srbije i vlažne snove o drang nach Bosnien, Vučić je promptno otrčao na izvor novog medijskog spina... itd."* – Stefan Aleksić, "Peščanik", 13.2.2014]. A osnovna i jedina programska *različ*itost partija na sceni – *za* i *protiv* pristupanja Evropskoj Zajednici – praktično izvire iz bazičnog opredeljenja za primat jezičkog pisma, odnosno opredeljenja između Rusije (*ćirilica*) i Zapada (*latinica*). Najzad, otvorenost granica i *slobodan protok robe, novca i znanja* – što proističe iz političke, a najviše nužne ekonomske povezanosti (male, siromašne) Srbije sa Zapadom – doveli su do toga da veliki broj mladih, obrazovanih ljudi napusti zemlju i nađe se u središtu tuđih tradicija, u kovitlacu stranih kultura i jezika.

(Neka ovaj rad bude mali doprinos u odbrani *standardnog* srpskog jezika od loših uticaja i devijacija*, bar za one moje studente koji su daleko od Matice zemlje i kojih je iz godine u godinu u sve većem broju na ovdašnjoj Katedri za slavistiku.)

* Konkretni primeri se navode u integralnom sadržaju članka

Granada and Cordoba as Centres of Art in a Newly-Discovered Bulgarian Handwritten Textbook in Aesthetics from the Middle of the XIX Century

Adelina Strandzeva
Plovdiv University "Paisii Hilendarski"

Key words: History of art, handwritten textbook, Bulgarian revival, Spain.

In the XIX century, up to 1878 the state Bulgaria did not exist on the map of the world. For 5 centuries it was part of the Ottoman Empire, and during this period Bulgarians did not have their own state and religious institutions. Despite this, they strove not to lag behind the cultural achievements of the European peoples, and in the XIX century they developed their education and culture up to a modern for its time level.

The article examines a newly discovered handwritten textbook, by which, in 1861, history of art was taught in a secondary school of the town of Plovdiv. The discovery of the manuscript, as well as of evidence that it was actually a practical guidebook for students, is a contribution towards solving the problem of the history of culture, the history of ideas, the history of the concepts and the history of education in Bulgaria in the epoch of the Bulgarian Revival.

For the Bulgarians during this period Spain was a quite unknown country. There were only brief publications in individual newspapers and magazines in connection with the Spanish civil struggles, similar to the ones beginning to burgeon at the same time in the Balkans in pursuit of rejection of the yoke.

It is interesting, that Spain with its cultural history features in the discovered handwritten textbook for secondary school students. The architectural landmarks in Granada, the beauty of Alhambra and the arches of the mosque in Cordoba are described as models for "the most sophisticated taste". These aesthetic achievements are regarded as a stage in the development of the European civilisation - the textbook seeks for the elements of continuity from Antiquity, the influence of the Arab tradition and Byzantine culture, and their continuation in the architecture and arts of the Renaissance.

So, "unfamiliar" Spain proved to be the object of the cultural knowledge of Bulgarian schools as early as the middle of the XIX century.

Algunas consideraciones históricas sobre el relato del viaje del metropolitano Isidoro al Concilio de Florencia

Simón José Suarez Cuadros
University of Granada

El viaje del Metropolitano Isidoro al Concilio de Florencia es uno de los textos literarios de viajes más conocidos dentro de la literatura rusa medieval. Es conocido por varios títulos: Путешествие митрополита Исидора, Путешествие Симеона Суздальского, Дневник путешествия митрополита Исидора, Путевые записки неизвестного суздальца, Хождение на Флорентийский собор, Хождение во Флоренцию. Pero el más conocido y el que nosotros utilizaremos es el último de los que hemos citado.

No es un texto que destaque por su riqueza estilística, pero sin embargo, tiene mucha importancia dentro de la literatura rusa medieval. En primer lugar por motivos históricos, ya que en el Concilio de Florencia-Ferrara se tomaron decisiones importantes que afectaría al desarrollo histórico de Rusia, la delegación rusa, encabezada por el Metropolitano Isidoro, tuvo un papel relevante en dicho Concilio y en lo que allí se decidió. En segundo lugar, por motivos literarios, ya que es la primera vez que en la literatura rusa se habla de países como Livonia, Alemania, Italia, Serbia, Hungría, Polonia, Lituania y se ofrecen algunas impresiones, no demasiado detalladas sobre estos lugares.

En esta conferencia nos disponemos a explicar el contenido de este relato que nos cuenta el largo recorrido que se vio obligado a realizar este importante personaje en el Concilio de Florencia, que tuvo tanta importancia no solamente para la Iglesia Católica, sino también para la propia Iglesia Ortodoxa.

Esta presentación se podría realizar de diferentes formas, pero nosotros hemos considerado realizarla dividiéndola en tres diferentes apartados o puntos: el contexto histórico en el que se desarrolla este viaje, presentar a los protagonistas principales y secundarios y su relación con este viaje y el tercer punto, donde nos centraríamos más en el texto en sí y explicaríamos el viaje que realizaron según el relato que nos ha tocado comentar, así como, relataremos brevemente algunas de las consecuencias que derivaron de este largo viaje.

Socialización ideológica en la infancia. El caso de Cheburashka

Juan Miguel Valdera Gil
University of Granada

Cheburashka es sin duda, uno de los personajes de animación más famosos del periodo soviético. Nuestro objetivo es el análisis socio-discursivo del héroe y los

valores que implícita o explícitamente traslada al público. Es decir, profundizaremos en la función pedagógica y de socialización ideológica presente en la animación, lo que además nos permitirá enmarcar la obra en su contexto social de producción.

El trabajo consta de una introducción teórica, donde explicaremos con brevedad algunos de los conceptos y herramientas utilizadas en el análisis. Después realizaremos una caracterización de los personajes en relación a sus atributos y papeles sociales. Para finalizar, expondremos las ideas, que en términos discursivos tienen más fuerza o poder de socialización sobre el niño.

Глушь, глубинка и ссылка: к пониманию пространства в русской культуре

(‘Glush’, ‘Glubinka’ y ‘Ssylka’: notas sobre el sentimiento del espacio en la cultura rusa)

Стефано Алоэ
University of Verona

Доклад посвящается некоторым особенностям восприятия пространства и его соотношений с человеком в русской культуре. Известные антитезы Город-Деревня, Столица/ы-Провинция, Центр-Периферия, столь важные для русской культуры, недостаточны для полного раскрытия отношений русского человека послепетровской эпохи с окружающим его миром. Есть слова и выражения, которые существенно дополняют эту картину. Внимание здесь будет обращено преимущественно на слова *глушь*, *глубинка* и *ссылка*, так как они являются чреватými смысла в том, что касается аксиологического определения пространства. По примерам, взятым из художественных произведений Ф.М. Достоевского и других русских писателей, можно создать себе мнение, отчасти противоречащее антитезе Центр-Периферия; точнее, пространственная картина намного усложняется тем, что, рядом со знакомыми географическими координатами (от центра до периферии, от столиц до границ страны и т.п.), допускаются и координаты Поверхность-Глубина, подразумевающие совершенно иные ценности. Слова *глушь* (от корня *глух-*) и *глубинка* (от слова *глубина*, корень *глуб-*) отражают понимание «периферии», «провинции», «деревни», как нечто,двигающееся (или стоящее неподвижно) в глубине страны, в самом затаенном и исконном пространстве России. Это значит, что выход из цивилизованной столицы в сторону «глубинки» или «глуши» - это движение вглубь, от внешнего к внутреннему пространству русского мира. Если понятия «периферия» и «провинция» говорят о пределах, т.е. о

движении из центра к внешней части ценностного пространства, здесь картина получается совершенно иной, а внешним/поверхностным можно называть городское, европеизированное пространство столиц (в литературе XIX века преимущественно Санкт-Петербурга). В качестве характерного последствия такого представления о мире можно указать специфику понятия о *ссылке* в русской культуре: в отличие от общеевропейского понимания *exilium* как принудительный уход *за* границы родины, извне, в русской истории ссылка чаще всего интерпретировалась как переселение из столиц вглубь страны, в самое ее чрево, где пространство теряет всякие границы и становится неопределенным и вневременным.

Мифологема сакрального брака в украинском обрядовом фольклоре

Полина Валерьевна Лупуляк
University of Granada

Доклад раскрывает генетическую связь между современным обрядовым фольклором Украины и мистической доктриной сакрального брака аграрных религий. На стадии перехода от неолита к бронзе происходит переход к новому религиозному сознанию, семантике плодородия, которое рассматривается как трансцендентный акт, таинство соединения мужского и женского начал для производства новой жизни. В этот период все стадии жизни человека: рождение, рост и становление максимально сакрализованы. Мифологема сакрального брака является одной из наиболее универсальных в различных мировых культурах: она дошла до наших дней от индоевропейской архаики. Эта мифологема находит широкое отражение и в традиционном обрядовом фольклоре Украины в продолжение культовых практик древнерусской народности с ее патриархально - родовым укладом жизни. Центральным событием народной жизни, ее идеальной целью в украинском фольклоре и поныне продолжает оставаться свадьба, а полноценным (и социально, и ритуально) человеком признается именно хозяин дома как глава семьи, продолжатель рода.

На различных примерах устно-поэтического творчества и ритуально-обрядовых действий мы покажем многогранные проявления мифологемы сакрального брака в современном украинском фольклоре.

В докладе будет затронут также вопрос о кризисе традиционных ценностей. На протяжении многих веков фольклорная традиция фиксирует, хранит и передает из поколения в поколение традиционные нормы в разных сферах жизни, которые со временем деградируют под влиянием инородных

духовных ориентиров. Анализ народных праздников особенно в Западной Украине дает основание утверждать, что в целом традиционная мифология здесь воспринимается не как реликтовая форма культуры, а сохраняется и воспроизводится по сей день, заключая в себе большой заряд жизненности и отчасти составляя основу духовной культуры народа. При этом, в городах влияние мифологической традиции ослабевает, в то время, как в деревнях миф подчас остаются главным источником традиционной культуры, отраженной в эстетике народного праздника. Он служит не только основным способом организации культурного и мыслительного материала, но и своеобразным механизмом социальной и культурной памяти. На Украине следует отметить позитивную, созидательную направленность этих обрядовых проявлений, наиболее ярким компонентом которого являются праздничные шествия. Они не становятся, в большинстве своем, пустой помпезностью, но созрывают сакрально- мистический и магический характер. Мифологема священного брака – «живая» и интересная для исследования тема.

Дискомфортная эмоция сомнения в русской языковой картине мира

Ирина Геннадьевна Никольская
Saint Petersburg State University

Язык является ключом к изучению эмоций. Изучение эмоций в лингвистике помогает выявить особенности внутреннего мира представителей разных этнических групп.

В психологии эмоция сомнения относится к группе специфических интеллектуальных эмоций. В эту группу также входит интерес (любопытство), догадка, удивление (недоумение, изумление), уверенность.

Интеллектуальная эмоция сомнения связана с потребностью человека в «когнитивной гармонии». Суть этой гармонии состоит в том, чтобы в новом, неизвестном отыскать знакомое, привычное, понятное, сопоставить все «за» и «против», преодолеть противоречия в собственных рассуждениях и чувствах, проникнуть в сущность явления, привести все в систему. При разрешении внутреннего конфликта (т. е. неуверенности, сомнения) у человека возникает эффект облегчения имевшегося напряжения, переживаемый как удовольствие. Языковой материал показывает, что дискомфортность состояния сомнения (неуверенности) закреплена в русской наивной психологии, и эта тенденция, как нам кажется, просматривается независимо от художественно-эстетической ценности произведений, привлекаемых к анализу. В

произведениях авторов «первого ряда», в отличие от произведений массовой литературы, мы можем наблюдать художественную речь, воплощающую моменты духовного напряжения, переживаемого личностью, стремящейся познать законы мироздания, решить философские проблемы. Однако необходимо отметить, что и в этом случае сомнение переживается субъектом как дискомфортное состояние. Дискомфортность состояния сомнения для субъекта, переживающего это состояние, вовсе не противоречит тому факту, что сомнение – это действительно необходимое состояние для умного, думающего человека. Человек не может прожить свою жизнь без сомнений, и в этом смысле эмоция сомнения, безусловно, играет положительную роль, более того, «сомнение, нерешительность – это и есть признак человечности» (В. Шаламов. Дневники).

Сомнение воспринимается носителем русского языка как дискомфортное состояние: неприятное, нежелательное, тревожное, порой даже мучительное. Можно сказать, что в научной картине мира сомнение характеризуется скорее позитивно, а в русской языковой картине мира – скорее негативно. Интересно, что такая же тенденция наблюдается и в английской языковой картине мира.

Английский след в русской и аргентинской литературах

Ольга Скачкова
Baltic International Academy

Набокову и Борхесу в равной степени тема соотношения мира людей и зверей воспринималась на фоне английской традиции. В их родных культурах эта тема не была актуальна и, если возникала, то как периферийная, в контексте «человеческой», как правило, морализаторской проблематики (как, например, в «Холстомере» Толстого). В книгах Набокова человек одаренный каждую минуту жизни осознает свое соседство с миром братьев меньших, и, напротив, человек ущербный не замечает их или боится, брезгливо отстраняется. Бедность духовной природы не позволяет ему стать полноценной частью бытия. У Борхеса обиженные и одинокие герои придумывают себе идеальных спутников-зверей, которые обладают таинственными талантами и нечеловеческой способностью любить. Таким образом, границы как русской, так и аргентинской литературной традиции были раздвинуты воспитанными в «англизированной» семьях, интеллигентами с космополитическим духовным опытом.

SESSION 5
Linguistic Studies

Transformation of contents belonging to universal value of "safety" in the cadets' world view

Kseniia Akhramenko
South Ural State University

World view is a system of mental representations of reality. Values comprise the most significant part of such a complex unity as the world view. "Value-based world view" [Karasik, 2000:106] is a generally accepted term with regard to its value aspect (dimension); another term used in some linguistic studies is "ethic world view" [Palkin, 2010]. V.I. Karasik states that value-based world view can be reconstructed on the basis of analysis of 'precedent texts', meanings of words and idioms, which are typical for a particular culture, as well as on the basis of associative experiment database and data acquired in the course of multiple interviews [Karasik, 2000: 106].

The research is aimed at studying world view of cadets as representatives of military community. The author of this paper considers that cadets' world view is changed under the influence of profession, which may lead to restructuring of value system of the individual along with 'rethinking' the content of universal values. For the purposes of testing our hypothesis, free associative experiment in several universities was conducted. Cadets of the Military Academy for navigators (a) and students from several universities of Chelyabinsk (b) were interviewed in the course of the research. Selection of students as the second category of informants is based on the assumption that they represent civil (non-military) community, and therefore may be viewed as bearers of 'ordinary' everyday picture of the world. Folklore collected by the author in the Military Academy may be regarded as precedent utterances which reflect peculiarities of occupation chosen by cadets.

The analysis of contents belonging the universal value of «safety» is presented in this research. This value was chosen because it is considered to be the basic value in Russian culture [Tarasov, 2012: 15]. The method of «semantic gestalt» (Yu.N. Karaulov) was applied to analyze associative fields. Associations were distributed into semantic areas, then subject matters of each zone were analyzed in the associative fields of each category. The analysis of common and professionally determined fragments of students' and cadets' values comprising their picture of the world will follow in the report. Comparison of nuclear parts of associative fields revealed the dynamics of cadets of different stages of professional training' value system. Besides, it was discovered that safety as an important value category is reflected in the folklore texts used by cadets.

Reference

Karasik, V.I. Value-based world view: the intercultural aspect// Linguistic consciousness: the

contents and functioning. Proceedings of the XIII International Symposium on psycholinguistics and communication theory. Moscow, June 1-3, 2000. Editor E.F. Tarasov. - M, 2000. - P. 106-107. Palkin, A.D. Russia and Japan: the dynamics of morals/ A.D. Palkin; edited by E.F. Tarasov. - M: Natalis, 2010. - 432 P.

Tarasov, E.F. The problem of analysing the content of universal values// Journal of psycholinguistics. M., №15, 2012. - p. 8-17

Morphology in the academic grammar of Czech and beyond

Božena Bednaříková
Palacký University

The paper discusses one of the crucial questions of today's functionally oriented descriptions of a modern language grammar, i. e. the competence and scope of morphology. The specific sub-question is the effort to search for the boundaries between inflection and derivation (wordformation). This issue has always been alive in Czech linguistics as seen in Daneš – Komárek's concept of the so-called morphosyntax (Daneš – Komárek, 1974) put in contrary to Dokulil's concept of wordformation (Dokulil, 1962, 1967), and it is highly topical in several current projects endeavoring to create a new academic grammar of the Czech language. The concept of morphology has very often resulted in the „fight for word“, i. e. for handling the basic unit of a morphological description. The paper aims to show that the recent developments, especially (but not only) in cognitive linguistics and psycholinguistics may find its inspiration in the concept of functional morphology. Its two basic pillars are the theory of word classes and word structure analysis. I tis argued that as such it may compatible with understanding morphology as a branch of linguistics referring to the mental system involved in words and their internal structure (see Aronoff - Fudeman, 2011).

Literature

- ARONOFF, M. – FUEDEMAN, K. *What is Morphology?* WILEY-BLACKWELL, 2011. ISBN 978-1-4051-9467-9.
- BAUER, L. Word. In: *Morphologie / Morphology. Ein Internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung. An International Handbook on Inflection and Word-Formation*. Volume 1. (eds. Booij, G. - Lehmann, Ch. - Mugdan, J. - Skopeteas, S.). Berlin - New York: Walter de Gruyter, 2000, s. 247–257. ISBN 978-3110172782.
- DANEŠ, V. – KOMÁREK, M. (eds.). *Vědecká synchronní mluvnice spisovné češtiny (Základní koncepce a problémy)*. Praha: Komise pro studium gramatické stavby slovanských jazyků ČKS, rotaprint, 1974.
- DOKULIL, M. *Tvoření slov v češtině 1. Teorie odvozování slov*. Praha: Academia, 1962.
- DOKULIL, M. *Tvoření slov v češtině 2. Odvozování podstatných jmen*. Praha: Academia, 1967.
- Kapitoly z české gramatiky* (ed. František Štícha). Praha: Academia, 2011. ISBN 978-80-200-1845-8.
- KOMÁREK, M. *Príspevky k české morfologii*. Praha: SPN, Periplum, 1978, 2006. ISBN 80-86624-27-7.

Językowo-stylistyczne sposoby opisu ptaków w lirykach Leopolda Staffa

Mirosława Białoskórska
University of Szczecin

W wybranych do analizy wierszach poeta nakreślił dziesięć poetyckich obrazów ptaków, różnorodnych pod względem wyglądu, cech osobniczych i miejsca w świecie przyrody ożywionej. W opisach wykorzystał chwyt stylistyczny na wielu poziomach organizacji tekstu. Do najważniejszych technik językowego obrazowania należą:

- na płaszczyźnie leksykalnej:

1. stosowanie słownictwa powszechnie znanego w polszczyźnie końca XIX i połowy XX wieku;
2. wykorzystanie słownictwa z obrzeży języka: innowacji leksykalnych: *latawce*, *skrzydlacze* 'jastrzębie' – derywaty semantyczne; wyrazów wychodzących z użycia: *upieszczenie* 'pieszczoty', *śmierzyć* 'łagodzić', *tęsknica* 'tęsknota'; archaizmów leksykalnych: *rubież* 'granica, skraj, brzeg', *poswarka* 'sprzeczką';
3. używanie nacechowanych ekspresywnością implicytną lub eksplicytną rzeczowników: wróbel – *włóczęga*, *ulicznik*; kogut – *budzieli*; jaskółka – *wietrznica* oraz przymiotników: *wszędobylski*, *bezczelny* na określenie wróbla;
4. posługiwanie się zestawieniami bliźniaczymi, np. *kogut-sultan* w celu kondensacji znaczeń członów zestawienia;

- na płaszczyźnie składniowej:

5. dominacja parataksy i hipotaksy nad składnią zdania pojedynczego;
6. posługiwanie się paralelizmami syntaktycznymi, np. w nagłosach każdej z pięciu zwrotek zaczynających się od rzeczownika *wróble* (*Wróble jesienne*) znajduje się zestawienie szeregowo czasowników: *wiedzą, wiedzą, wiedzą / prawią, prawią, prawią / krzyczą, krzyczą, krzyczą / wrzeszczą, wrzeszczą, wrzeszczą / drą się, drą się, drą się;*
7. stosowanie anafory np. *nie przeto* w pierwszych wersach kolejnych zwrotek wiersza *Do wróbla*; lub czasownika *wypuścić* w wierszu *Ptaki miłości i wojny*;
8. wykorzystywanie apostrofów w zwrocie do wróbla: *Kochany wróble mój*; *Bywalcze wszystkich dróg* (*Wróbel*); do jaskółek: *jaskółki górne / o, wysokie wietrznice* (*Jaskółki*);

- na płaszczyźnie semantycznej

9. częste stosowanie znaczeń przeniesionych w metaforach przymiotnikowych, np. *białe gołębie* 'niosące pokój', *ptaki śnieżne* 'gołębie', *ptaki wojny* 'jastrzębie' (*Ptaki miłości i wojny*); *ogień piór* 'barwy czerwonej', *purpurowy hełm* 'czerwony grzebień' (*Kogut*), itp.;

10. używanie dwuwyrazowych metafor, w których człon określający jest wyrażony przydawką dopełniaczową, np.: *zegar wsi, zwiastun trudu, prorok niepogód, (Kogut)*, itp.;

11. przewaga porównań poetyckich nad potocznymi, w których rzeczowniki w komparansach są pojęciami abstrakcyjnymi: (żurawie) *płyną jak długie westchnienie bez końca, / Jak jęk ogromny ziemi w lkań zadławie, / Jak krzyk rozpacznej tęsknoty do słońca, (Ciąg żurawi)*, itp.;

- organizacja foniczna tekstu

12. zastosowanie onomatopei w celu naśladowania głosu ptaków, np. w wierszu *Wróbel*: „*Cierp, cierp, cierp*” – *ćwierkasz i cierpliwie cierpię* – wyekspozowanie spółgłoski zwarto-szczelinowej miękkiej *ć*, półotwartej *r* i zwarto-wybuchowej *p*; w wierszu *Jaskółki* wyrazy *zagwiżdżę, poświszczę* ze względu na skumulowanie spółgłosek szumiących *ż, dż, sz, cz, ś* emitują głos jaskółki.

Z analizy warstwy tekstowej wierszy wynika duża sprawność językowa poety, wrażliwość na piękno i potrzebę urozmaicenia zasobu słownictwa polskiego, umiejętność dostosowania wypowiedzi do potrzeb odbiorcy, dobre wyczucie doboru różnorodnych elementów systemu języka ze względu na podjęty temat oraz ogromna wrażliwość na piękno przyrody ożywionej i nieożywionej. Cechy te świadczą o wysokim kunszcie warsztatu artystycznego Leopolda Staffa, co starano się pokazać w analizowanych przykładach wierszy.

Slavic Words in English, German and Norwegian

Nenad Tomović, Jelena Kostić-Tomović, Sofija Bilandžija
University of Belgrade

Keywords: Slavic words, English, German, Norwegian, cultural markedness, lexical borrowing.

This paper is based on a comprehensive research on English, German and Norwegian lexemes which originate from Slavic languages. The corpus for the research was made after an analysis of several major English, German and Norwegian dictionaries, particularly *Oxford English Dictionary*, Second Edition, several Merriam-Webster's dictionaries, Duden's *Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*, Kunnskapsforlaget's *Norsk språk*, *Bokmålsordboka online* and some other dictionaries which provide relevant etymological and historical data. We will show which one of these three languages was the most conducive to Slavic words and try to explain the factors which contributed to that. The analysis will be based on the dominant varieties, i.e. British and American English, varieties of German spoken in Germany and Austria (Hochdeutsch) and Norwegian Bokmål. Almost all major

Slavic languages will be mentioned in the analysis, while Russian proved to be the most frequent donor due to its number of speakers and the fact that Russia and the USSR played an important political role in the world. The most conspicuous feature of these Slavic lexemes is their cultural markedness. Cultural markedness means that the lexeme refers to a notion or object which is inseparable from a specific culture. We have identified three degrees of cultural markedness, which can be strong (e.g. *vodka/Wodka/vodka*), intermediate (e.g. *vampire/Vampir/vampyr*) and weak or zero (e.g. *mammoth/Mammut/mammut*), although most of these words can be classified as strongly marked. The degree of cultural markedness of each lexeme was determined after comparing the etymological origin of the lexeme in question and its cultural affiliation, i.e. separability from the culture of the language it comes from. The primary aim of this paper is also to provide a general insight into cultural markedness as a phenomenon, to analyze culturally marked lexemes and possibly to set standards and criteria for further research in this field. Furthermore, another goal would be to show how lexical borrowing mirrors cultural, political, economic and historical relations in these languages.

Dictionaries

Bokmålsordboka online [<http://www.nob-ordbok.uio.no/perl/ordbok.cgi?OPP=&bokmaal=+&ordbok=bokmaal>]

Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. 4. Auflage. 2012. CD ROM

Kluge, F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 25. Auflage. Berlin/New York: Walter de Gruyter. 2012.

Kunnskapsforlaget Norsk språk. 1999. CD ROM

Merriam-Webster's 11th Collegiate Dictionary. 2003. CD ROM V3.0.

Merriam-Webster's Unabridged Dictionary. 2003. CD ROM V3.0.

Oxford English Dictionary. 1989. Second Edition with the Addition Series 1993-7. CD-ROM version 3.00, 2002.

Partridge, E. 2006. *Origins – An Etymological Dictionary of Modern English*. London/New York: Routledge.

Sujetos responsables e irresponsables en las lenguas checa y española

José Alejandro Calero Díaz
University of Granada

Con la presente ponencia propongo un posible análisis comparativo entre la lengua checa y la lengua española a través de la lingüística de corpus. En dicho análisis se muestra la representación y, por lo tanto, la visión que los hablantes de ambas lenguas tienen del sujeto de la oración en determinados contextos.

Casi todas las lenguas europeas poseen oraciones con sujetos activos o con sujetos pasivos, siendo en algunas lenguas más frecuente el uso de uno u otro sujeto según el contexto.

Sin embargo, existe un contexto especialmente sensible a la hora de determinar si el sujeto es activo o no, se trata del contexto en el que la acción y el resultado de la misma pueden ser interpretados como desagradables, desacertados, inmorales, injustos, etcétera.

Mediante el análisis de este tipo de acciones se puede observar si en ambas lenguas el sujeto se representa como responsable o no responsable de una acción cuyo resultado es desacertado.

Por otro lado, la representación de la responsabilidad de una acción no depende únicamente de si el sujeto de la oración es activo o pasivo. En la presente ponencia se mostrarán algunos elementos que en ambas lenguas son frecuentes en la representación y ocultación de la responsabilidad del sujeto.

The Nominal Left Periphery in Slavic: Evidence from Croatian

Durdica Zeljka Caruso
University of Stuttgart

According to the cartographic approach to syntactic structures (cf. Rizzi 1997, Cinque 1999, Belletti 2004) CPs and DPs are decomposable into the thematic and inflectional domain, and the clausal/nominal left periphery. The nominal left periphery includes the functional categories DP, TopP, FocP and DefP (cf. Ihsane & Puskás 2001, Aboh 2004, Laenzlinger 2010, Giusti 2005) and is associated with the features related to the D head: (in)definiteness, specificity and referentiality (Aboh 2004). These features are encoded by (in)definite articles in languages that have them (Abney 1987). Since Croatian does not have (in)definite articles, it poses a challenge as to how the notions of (in)definiteness and specificity are expressed in this language and what motivates the postulation of the nominal left periphery. Examples like

(1) are very interesting in this respect:

(1) a. JEDAN čovjek	b. jedan čovjek
one man	one-INDEF. man

While in (1a) *jedan* 'one' is emphasized and refers to the number (*one man* as opposed to *two men*), in (1b) *jedan* 'one' is used to indicate the hearer's (un)familiarity with the denoted referent. Hence, in (1b) *jedan* 'one' is used to indicate the indefiniteness of the noun *čovjek* 'man'. Under the assumption that the semantic interpretation results from the underlying

syntactic structure, these two expressions must have different syntactic structures. I propose that *jedan* 'one' as a numeral appears in a position specified for [+focus] feature (FocP), while *jedan* 'one' as an indefiniteness marker occupies a position

where its [-def] feature is checked (DefP). Both FocP and DefP are constituent parts of the nominal left periphery. In general, the structural subdivision of a DP into three domains allows for the explanation of various syntactic phenomena (e.g. a relatively free DP-internal word order within the Croatian noun phrase, among others).

(Selective) References

Aboh, E. 2004. Topic and Focus within D. **Belletti, A. (Ed.) 2004.** Structures and Beyond. The Cartography of Syntactic Structures. Oxford: OUP.

Giusti, G. 2005. At the Left Periphery of the Romanian Noun Phrase. In: M.Coene & L. Tasmowski (eds), On Space and Time in Language.

Ihsane, T./Puskás, G. 2001. Specific is not Definite.

Laenzlinger, C. 2010. The CP/DP Parallelism Revisited. Generative Grammar in Geneva GG@G, Vol. 6, 49-107.

Rizzi, L. 1997. The Fine Structure of the Left Periphery. In: L.Haegeman (ed.), Elements of Grammar, 281-337. Dordrecht: Kluwer.

The Accusative Is For the Genitive its Death. On the Disappearance of the Genitive Case in Contemporary Polish

Beata Chachulska
University of Oldenburg

It seems that the genitive case is “retreating” in the Polish language. The same phenomenon is also easy to find in German. While respective enemies of the genitive case and “scenes of the crimes” are different in both languages – the dative case threatens the genitive case in prepositional phrases in German (in rare cases reversely) and the accusative threatens the genitive case in verbal phrases in Polish. But the fact is that there is an indisputable decline of the use of the genitive case in both languages.

The disappearance of the genitive case in contemporary Polish is not a new phenomenon, but it has been constantly increasing. Above all, it’s very present in colloquial language, the spoken language of the media, advertisements and television programs. It can be easily found in the sub-corpus of spoken language (*Pelcra*) which is a part of the national corpus of current Polish, as well as in newspaper texts in the sub-corpus of written texts within the same corpus. Unsurprisingly, it is much less commonplace in literary texts.

Some verbs which governed the genitive case earlier are now commonly used with the accusative case. However, there are many verbs which always require the genitive case and they seem to be very resistant to the influence of the accusative.

It is also worth mentioning that *the genitivus partitivus* – earlier quite typical for Polish - seems to be fading away from the collective consciousness. It is not unlikely that a “normal” (non-linguistic oriented) speaker does not even know its primary function. Unsurprisingly, it is also commonly replaced by the accusative.

The numerous TV cooking shows which are at present very popular in Poland only confirm this assumption.

Based on the observations of contemporary colloquial language and quantitative analysis of the national corpus of Polish language, I am going to consider which verbs governing the genitive case change their case government towards the accusative case more frequently. Is there any correlation between this change in Polish syntax and the meaning of the verbs which allow it? Is it possible to speak of semantic classes of verbs which take on the new syntax pattern more easily than others? In which grammatical contexts, with which word classes, in which position – pre- or post-verbal – and finally in which literary genres are these phenomena most common?

Наречия *почти* и *quasi*: сопоставительное исследование

Marina di Filippo
“L’Orientale” University of Naples

В предлагаемом сообщении рассматриваются в сопоставительном аспекте семантические и синтаксические свойства речевых маркеров русского и итальянского языков – *почти* и *quasi*, – которые, на наш взгляд, еще недостаточно изучены. Некоторые аспекты их функционирования рассматривались до настоящего времени, в основном, в рамках исследований, посвященных проблемам неопределенности значения (*vagueness*) и аппроксимации.

Анализ данных итальянских и русских толковых словарей позволяют сразу заметить, что *quasi* имеет более широкий круг значений и употреблений, чем *почти*. Однако, на наш взгляд, словарные статьи русских лексикографических источников не исчерпывают весь объем значений русского наречия. Предлагаемый анализ, основанный на корпусе примеров, заимствованных из *Национального корпуса русского языка* (НКРЯ) и из *Corpus e lessico di frequenza dell’italiano scritto* (CoLFIS), покажет, что семантика *почти* и *quasi* имеет общую основу. Оба наречия являются универсальными логическими операторами аппроксимации, а их функционирования опирается на логическую операцию градуирования и сравнения.

Мы начнем с этимологии *почти/quasi*, проследив, как из исходной формы и семантики развиваются современное значение и употребление двух единиц. *Quasi* восходит к латинскому подчинительному союзу *quam si*, выражающему гипотетическое сравнение; русское наречие происходит от повелительной формы *почти/почитай*, которая употребляется для выражения эпистемической модальности, сигнализируя слушающему, что говорящий считает выбранную словесную форму не совсем точно отражающей действительность (*можно*

считать; так сказать). Интересно заметить, до какой степени такие далекие по времени, по «географии» и по семантике исходные формы могут развить одинаковую семантику аппроксимации и сравнения.

Далее мы рассмотрим синтаксические и семантические свойства двух аппроксиматоров, уделив особое внимание их общему значению операторов количественной и качественной аппроксимации, смягчения (*attenuation*), временной близости, гипотетического сравнения.

Литература

CoLFIS, *Corpus e lessico di frequenza dell'italiano scritto*, <http://linguistica.sns.it/CoLFIS/Home.htm>

НКРЯ, *Национальный корпус русского языка*, <http://www.ruscorpora.ru/>

The Norm of Serbian Language and Contemporary Grammaticalization Processes

Kristina Dragović
University of Novi Sad

Keywords: contemporary Serbian language, language norm, norm-reconstruction, grammaticalization processes, validity

The Serbian language, just as all other living languages, is constantly subject to many influences and with that to many changes as well. Even when analyzing a language at the recent diachronic level, one can determine modifications that have been imposed on the language, the reasons for which can vary in nature. The longer the temporal distance, the more evident the modifications which have occurred in a certain language will be. This article examines the current situation considering the modern-day standard Serbian language. When analyzing the contemporary Serbian language, the characteristics that differ from the official language norm are often easily noticed. What processes of grammaticalization are currently taking place in Serbian? Is it possible to say that some grammaticalization processes have already been completed? And finally, perhaps the most critical question to be asked: To what extent can the current official norm really be considered valid and is it necessary to start the process of norm-reconstruction, or can this step be delayed for a while?

Autotraducción y recreación: *Kamera obskura* y *Laughter in the Dark*, de Vladimir Nabokov

Tomás Espino Barrera
University of Granada

La obra de Vladimir V. Nabokov (1899-1977) se desarrolla principalmente en dos lenguas. Tras varias novelas en ruso, el inglés se impone como lengua de escritura sobre todo a partir de 1938, cuando tras leer la a su juicio deficiente traducción inglesa de *Kamera obskura* (1932), realizada por Winifred Roy en 1936, decide publicar su propia traducción bajo el título *Laughter in the Dark*.

Además de aparecer con un título totalmente diferente, la traducción inglesa de Nabokov difiere sensiblemente del original: los personajes han cambiado sus nombres, se han recortado o añadido multitud de pasajes y se han alterado en múltiples ocasiones los detalles de la narración. El lector tiene en todo momento la impresión de encontrarse no ante una traducción en el sentido canónico del término (es decir, ante un traslado fiel del sentido y el estilo de un texto de un idioma a otro), sino ante una profunda revisión que poco tiene que ver con el texto original.

El componente autoritativo de la autotraducción le brinda a Nabokov la posibilidad de introducir cambios sustanciales con respecto a la obra original, algo que no estaría en ningún modo permitido, dentro del paradigma traductológico actual, a cualquier otro traductor. La autotraducción permite trascender conceptos centrales en la traducción moderna como fidelidad o texto original y proponer un concepto de traducción entendida como recreación autónoma, en línea con las teorías hermenéuticas que definen todo tipo de traducción como cocreación.

Este trabajo propone no una mera yuxtaposición de dos textos a la búsqueda de pérdidas y ganancias –ya que un estudio de tal tipo presupondría la existencia de un original superior e inalcanzable para la traducción– sino llevar a cabo, a la luz de las aportaciones teóricas sobre la autotraducción, un estudio pormenorizado sobre cómo Nabokov utiliza en este caso concreto diferentes estrategias de traducción más o menos arriesgadas y cómo la obra se articula de este modo en un espacio en el que ambas versiones (rusa e inglesa) se complementan al punto de que resulta imposible hablar de un texto original y de una traducción subordinada.

Comparaciones estereotipadas según la valoración psicológica en esloveno y español

Ana Fras
University of Granada

Palabras clave: esloveno, español, frasema, comparación estereotipada.

El objetivo del presente artículo es el estudio de las comparaciones estereotipadas (CE) según la valoración psicológica en español y esloveno a través del análisis contrastivo. En la primera parte del artículo se mostrarán las formas de las CE y se sistematizarán las diferencias y semejanzas de las CE en español y esloveno. La mayoría de las CE según la valoración psicológica están compuestas de tres componentes: A (en la mayoría de los casos un adjetivo o un verbo que se refiere a lo que compara), B (el nexos) y C (con qué se compara). En el análisis contrastivo, el estudio se centrará en las CE que llevan la información que sirvió de comparación. Del análisis contrastivo se realizará una constatación sobre lo universal y lo diferente de las CE en las dos lenguas, qué elementos les hacen diferentes (es decir, qué elementos son propios de una lengua y proceden de su cultura) y qué elementos tienen en común. En las dos lenguas se muestra claramente la influencia del cristianismo y la simbología de los colores, animales y los árboles. Por otra parte, se muestran claramente las influencias del entorno: los elementos del folclore, las leyendas, las costumbres etc. Al final del artículo aparecerá un mini diccionario de las CE en esloveno –español, ordenado por orden alfabético.

Shall I call the *Info centrum* or Rather the *Infocentrum*? On the Status of an Abbreviation in a Multi-word Naming Unit.

Miroslava Gavurová
University of Prešov

The analysis is a part of a lexicographic project that will result in publishing of a multilingual *Dictionary of Multi-Word Naming Units (Slovak – English – French – German – Spanish – Russian)* where abbreviations play an important role either as an equivalent of a multi-word naming unit (*information technology* → *IT*) or its part (*IT specialist*). The paper stresses out that special attention should be paid to all the syntactic functions and different morphological status an abbreviation can have in a system of language as well as the everyday communication, which should also be reflected in their dictionary entries. The author focuses on the abbreviations that

are called clippings in English linguistics (*aku, bio, eko, bižu, pneu, retro, repro, trafo*) and are very productive in Slovak. They function in a triplet paradigm, either as a noun, as an adjective or a component of a compound. The author addresses the fact that while Spanish linguistics would consider constructions as *pájaro mosca (kolibrík), falda pantalón (nohavicová sukňa), camino de hierro (železnica)* to be compounds, because of the close relation between its components and the unique meaning it has as a whole, Slovak lexicology distinguishes between a multi-word naming unit and a compound strictly on the formal criteria. Analytical *info centrum* is considered to be a multi-word naming unit, while *infocentrum* with its synthetic form a compound, even though they denote the same object of extralinguistic reality. There is a high variability of such expressions in communication and very often it is just a matter of orthography (*demo nahrávka* vs. *demonahrávka, hifi súprava* vs. *hifisúprava, info centrum* vs. *infocentrum*). The terminology and the research method used in the paper are based on the concept of lexical motivation that assumes existence and cooperation of several types of motivation. In the case of the analysed units there is mainly relation between the abbreviation motivation and syntactic motivation, but also other types of motivation, e.g. morphological and interlingual motivation, as many such abbreviations are imported to Slovak from English.

Где «я»? : acephalous body and the role of space indexicals in Being's definition in *Kotik Letaev* by A. Belyj

Eleonora Gironi Carnevale
“L'Orientale” University of Naples

In the years of the linguistic turn in Russia, the draft of *Kotik Letaev* by Andrej Belyj marks the philosophical awakening of its author. The reflection on *slovo* begins now to rotate around the problem of knowing (познание), understood as self-knowing (самопознание). Influenced by Rudolf Steiner's theories, Belyj illustrates a real physiology of the Word (Слово) and physiology of Being thereto parallel. In this sense, the imagine of the acephalous body, also linked to Steiner's reflection about the interaction between heart and brain, becomes fundamental to explain the new spatial position of physical subject. Considered man as transient and transeunt moment within Being's dynamism, the place in which the subject is situated is not that in which is his brain, physical location of thought. The bewilderment experienced by the author-protagonist is not a classic “get lost” geographically interpreted, but a “get lost” inside himself: only a non-pronounced word, but conceived by the heart, can indicate to man the street to find again himself. The embodiment of the Word, understood as

physiological rootedness of the Divine in the Human, implies a descensional movement towards heart, that requires the head's detachment, place of the word-term (слово-термин). Therefore the place of Being is no more the place of its "think himself" (brain), neither is determined by spatio-temporal coordinates linked to its being present physically: it's "scattered" Being. For this reason the space-indexicals analysis seems to be fundamental to define the new and original spatio-temporal positioning of the subject, apparently lost in the world. Adverbs as here, there etc., become meaningful if considered from the perspective of a new idea of "where" which Belyj's reflection implies. In this sense the point of view, related to location, have contents which are no more linked to the thoughts and therefore to that which is present to the eyes of mind, but to the acephalous corporeality of Being, that is its substantiality.

Humor ako transkulturný fenomén

Lenka Gogová
University of Prešov

Globalizácia a s ňou súvisiaca koexistencia rôznych kultúr v rámci istého pluralitného priestoru patria medzi charakteristické znaky súčasnej doby. Prostredníctvom globalizácie sa uskutočňuje interferencia a výmena kultúrnych obsahov medzi jednotlivými spoločnosťami, čo má za následok okrem vzájomného obohacovania kultúr, aj ovplyvňovanie samotného procesu enkulturácie človeka. Pri sociálnej interakcii dochádza nielen k podpore medzikultúrnej tolerancie, solidarity a porozumenia, ale taktiež k uvedomovaniu si vzájomných kultúrnych či etnických rozdielov a k následnej sebaidentifikácii jednotlivca v rámci špecifického kultúrneho spoločenstva. Vhodným príkladom spomínanej sociálnej interakcie je prenikanie humoru z jednej kultúry do druhej. Okrem skutočnosti, že humor reflektuje aktuálne spoločenské dianie a ako výrazový prostriedok komunikuje emócie, nálady či názory, je často retrospektívny, budovaný na historických základoch (zážitkoch, príbehoch či skúsenostiach z minulosti), ktoré sú známe len členom určitej socio-kultúrnej skupiny. Z toho dôvodu sa považuje za kultúrne špecifický fenomén. Funkcie humoru sú rôzne: od vytvárania skupinových vzťahov, posilňovania skupinovej identity, formovania sociálneho statusu či uvoľňovania napätia v skupine, až po rôzne hostilné a útočné prejavy voči členom ostatných spoločností. Práve vyššie uvedený aspekt poukazuje na bipolárny charakter humoru v spoločnosti. Na jednej strane slúži ako sociálny separátor, na strane druhej ako unifikátor. Je zrejmé, že dekodovanie sémantickej informácie percipientom (aj tej humornej) sa realizuje na báze historických ako ja osvojených spoločenských noriem, subjektívnych

morálnych princípov a stupňa emocionálnej angažovanosti.

Zameraním sa na kľúčové funkcie, formy a prejavy humoru, jedným z hlavných cieľov predkladanej štúdie je poukázať na jeho dôležité postavenie v spoločnosti ako aj prirodzený spoločenský charakter. V rámci prenikania humorných textov do iných kultúr dochádza k ich cielenej modifikácii s úmyslom adaptácie na socio-kultúrne normy a udržania si komickosti, čoho cieľom je uľahčiť percipientovi správne dekódovať prenášané informácie. Ďalším dôležitým bodom výskumu je zameranie sa na spomínané modifikácie ako aj na formy a spôsoby využívané pri čítaní a interpretovaní špecifického humorného diskurzu. Teoretické východiská sa snažíme aplikovať na televízny žáner situačné komédie, ktoré sú príkladom úspešnej transkultúrnej interferencie v celosvetovom meradle.

A Brand-New Imported Economy-Class Nomination Method: Russian Nominal Compounds with Premodifying Attributive Elements

Andrey Gorbov

Saint Petersburg State University

The paper gives a classification of Russian nominal compounds with a prepositive attributive element (such as *бизнес-центр*) and points out the type that serves as the basis for the formation and expansion of the new grammatical pattern in Russian. The analysis shows that these compounds copy the structure of English noun phrases with prepositive adjunct attributes.

Compounds under survey can contain the following types of premodifying element:

- (1) a noun borrowed from English (*интернет-технология*);
- (2) an acronym, also spelled in Latin script (*VIP-зал*);
- (3) prepositional phrases (originally used in an adverbial function) borrowed from English (*онлайн-коммерция*);
- (4) attributive elements such as *интим-, элит-, эконом-*, derived from adjectives with roots borrowed relatively long ago from various European languages (*эконом-класс*);
- (5) personal or corporate names or Russian uninflected words (*Вивальди-оркестр, КАК-типология*).

The general model is based on the streamline type (1), which is strongly influenced by the structure of English NPs with premodifying nouns in the attributive function. The self-sustained mechanism of formation of “purely Russian” compounds such as *арт-тусовка, веб-служба, веб-преступность, секс-товары, шоу-площадка*, seems to be as follows:

- a word is borrowed from English both as an autonomous word and as part of one or more ready-made compounds, e.g. *шоу (n)* ← *show* and *шоу-бизнес* ← *show business*;

- Russian speakers perceive the compound as a decomposable combination, built according to a certain model which can be utilized to create more compounds using Russian material;

- borrowed elements such as *шоу* are entrenched in Russian not only as autonomous nouns, but also as premodifiers in compounds with any head noun lexically compatible with such a modifier.

Besides the reasons for the expansion of the pattern such as high prestige of English as well as the tendency toward economy of linguistic expression, the paper also discusses the issue of the grammatical system level status of Russian non-agreed attributive premodifiers.

Еще раз о видообразовании русского глагола: к словоизменительной трактовке вида

Russian aspect formation revisited: towards the flectional interpretation of Russian verb aspect

Elena Gorbova

Saint Petersburg State University

В докладе с привлечением материала лингвистического эксперимента, материала из Национального корпуса русского языка и двух поисковых систем Интернета (Яндекс и Google) рассматривается вторичная имперфективация русского глагола в ее “неконвенциональных” проявлениях. В связи с этим явлением обсуждаются проблемы (биимперфективных) видовых троек и более общий вопрос о характере русской видовой категории: ее словоизменительной vs. словоклассифицирующей трактовке. Приводится аргументация в пользу словоизменительного характера категории, базирующаяся на учете “неконвенциональных” вторичных имперфективов типа *разбуживать* и на вводимом понятии форманта-перфективатора для видовых пар, которые на данный момент остаются префиксальными (типа *лгать* ~ *солгать*).

This paper investigates the secondary imperfectivization of the Russian verb in some of its unconventional (= non-standard) uses, employing three data source types: linguistic experimenting, Russian National Corpus and two Internet search systems, Google and Yandex. In this connection some problems of (biimperfectival)

aspectual triplex, as well as a more general issue of the appropriateness of flectional or derivational interpretation of the nature of Russian verb aspect is discussed. My arguments in favor of the flectional nature of the Russian verb aspect are these: the occurrence of unconventional secondary imperfectives of the *razbuzhivat'* type in speech and a concept of a formant-perfectivator for aspectual pairs still retaining prefixes, such as *lgat' ~ solgat'* 'to lie').

Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация в языке

Elena Graf

Ludwig Maximilian University of Munich

The article discusses the phenomena of language change, such as grammaticalization, lexicalization and pragmaticalization. Whereas grammaticalization constitutes the process of the evolution of the grammatical items out of the lexical ones, the process of lexicalization is considered to be the opposite of grammaticalization. Lexicalized units are those, which arose from particular grammatical forms and were "adopted into lexicon". Pragmaticalization can be defined as a phenomenon, which differs from classical grammaticalization in various aspects. Different features of pragmaticalization will be shown with the help of examples from the discourse level of language, which have lost over time their former grammatical functions in favour of their current pragmatic ones.

Целью доклада является рассмотрение прототипических явлений изменения языка, таких как *грамматикализация, лексикализация и прагматикализация*. Язык – явление динамическое. Изменения в языке могут быть обусловленными как внешними факторами (напр., контактом с другими языками, языковыми реформами, техническим прогрессом и т.д.), так и внутренними закономерностями самой языковой системы, взаимодействием между языковыми уровнями (фонологией, морфологией, синтаксисом, лексикой). В связи с этим явление *грамматикализации* можно представить как переход языковой единицы с лексического на грамматический уровень языка (ср. Bisang, Himmelmann, Wiemer [eds.] 2004) или «переход самостоятельного слова на роль грамматического элемента», т. е. «приобретение грамматического статуса словом, бывшим до этого автономным» (ср. Майсак 2005: 24). Так, напр., в ходе своего исторического развития состав словообразовательных средств восточнославянских языков пополнился постфиксом *-ся* (ср. *одеваться*), берущим свое начало в форме винительного падежа местоимения *себе* (ср. старосл. клитику *са*).

Одним из широко обсуждаемых вопросов в связи с явлением грамматикализации является вопрос об эволюции *грамматической* единицы в *неграмматическую*, т.е. ее *деграмматикализация*. Под «деграмматикализацией» подразумевается, напр., «переход от аффикса к полуавтономной клитике или автономной лексеме» (Майсак 2005:60; Norde 2009: 120), ср., напр., эволюцию русской

частицы *было*, которая восходит к форме древнерусского плюсквамперфекта (где *быль* выступает в функции вспомогательного глагола).

Процесс *лексикализации* часто рассматривается как явление, противоположное грамматикализации и, таким образом, термины «лексикализация» и «деграмматикализация» используются как синонимы. Однако, между данными явлениями существуют различия. Процесс «лексикализации» определяется как переход грамматической формы на лексический уровень языка («adoption into lexicon», ср. Brinton & Traugott 2005: 18). Т.е. вследствие процесса лексикализации возникают новые лексемы (единицы инвентаря), а в результате процесса грамматикализации язык пополняется новыми граммами. «Лексикализированными» единицами языка можно назвать такие, которые обладают высокой степенью синтагматической свободы.

В естественном языке существует также целый ряд единиц, грамматические функции которых полностью утрачиваются в процессе их диахронического развития, вследствие чего они становятся чисто *прагматическими* знаками языка, т.е. тут наблюдается явление *прагматикализации*. Так, междометия типа з.В. *Боже* VOC > *Боже* ITJ; *брось* IMP2.SG > *брось* ITJ, а также этикетные выражения типа *спасибо*, *пожалуйста* и др. восходят к формам вокатива, инфинитива и др. грамматическим формам. Однако их специфические особенности (в частности, смысловоразличительная функция интонации (ср. Graf 2011) и их способность выступать в качестве отдельных, самостоятельных высказываний) резко отличают данные единицы языка от их производных.

Литература

- Bisang, W., Himmelmann, N., Wiemer, B. (eds.). 2004. What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components. Berlin.
- Brinton, L.J., Traugott, E.C. 2005. Lexicalization and Language Change. Cambridge.
- Graf, E. 2011. Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Frankfurt am Main.
- Lehmann, Ch. 1995 (1982). Thoughts on Grammaticalization. (LINCOS Studies in Theoretical Linguistics 1.) Munich, Newcastle.
- Майсак, Т.А. 2005. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Москва.
- Traugott, E.C. 1995. Subjectification in grammaticalisation. In: Stein, D., Wright, S. (eds.): Subjectivity and subjectivisation: Linguistic perspectives. Cambridge. 31-55.

Light Verbs in Slovak

Martina Ivanová
University of Prešov

The paper aims at a lexical description of light verbs (LVs) in Slovak (see also notions such as support verbs, functional verbs, categorical verbs in different theoretical works), with some implications for processing such verbs in the project

of Dictionary of Multi-Word Naming Units (Ološtiak – Ivanová – Genči 2012). Analysis based on data gained from Slovak National Corpus aims at description of their status from the perspective of grammaticalization theory (the opinions according to which LVs are in the initial stages of grammaticalization, cf. Brinton – Traugott 2005; Brinton 2008, the notion of subsecutive gradience, cf. Aarts 2007). There is a clear semantic and morphosyntactic evidence that LVs are grammaticalized lexical verbs, as indicated in (a) semantic shift (loss of lexical (referential) meaning), (b) morphosyntactic shift (the verb's complement is a nominalised verb which has non-referential/non-patient status, loss of prototypical transitive properties). The semantic status of LVS is discussed in theoretical works ranging from the opinions favouring semantic emptiness of LVs (Radimský 2010), to assuming that LVs are not empty of meaning, have semilexical status (Butt 2003; Kralčák 2005). To manifest the degree of semantic bleaching of LVs the methods (a) for delimitation of LVs and verbs of vague action (cf. Kearns 2002) are introduced and (b) for the identification of the position of an individual LV on grammaticalization cline. Corpus data also serve as the basis for the investigation of their collocation paradigms (so called host-class expansion/host-class reduction) as well as productivity patterns of verbo-nominal constructions which LVs enter which may favour interpretation of LVs as the outcome of grammaticalization vs. lexicalization. The corpus also serves as the source for investigation of morphosyntactic characteristics (argument-structure differences between LVs and their full verbs counterparts) and operations LVs undergo (passivization, extraposition of noun) to manifest the degree of syntactic fusion, i.e. coalescence of the LV and the noun into a coherent whole.

Describing Old Czech declension patterns for automatic text analysis

Pavína Jínová
Charles University

Boris Lehečka, Karel Oliva
Institute of the Czech Language, Academy of Sciences of the Czech Republic

This paper focuses on describing declension patterns in Old Czech (west Slavonic language, stadium between approx. 1300 and 1500) which serves for automatic analysis of Old-Czech Text Bank (transcribed texts in electronic format, <http://vokabular.ujc.cas.cz/>, transcription issues addressed in Lehečka, Voleková, 2010). Due to the rich language development in the stage in question (numerous

phonological and morphological changes both in endings and in stems) we decided not to rely on (transformation of) tools developed for modern stage of the language (as attempted, e.g., by Hana et al., 2012 for Czech or by Meyer, 2011 for Russian) but instead, we are developing an entirely new base using all available sources of information concerning the language stage in question (grammatical descriptions such as Gebauer, 1960, Vážný, 1970, Lamprecht et al., 1986, Electronic dictionary of Old Czech developed by the Institute of the Czech Language). Basic principles of our work are historical justifiability, constant regard to system of the language and systematic account of phonological changes.

This paper presents in detail one part of the whole process, namely searching for optimal description of declension patterns. We present details of two feminine declension types (*ja-* and *i-*stems, e.g. noun as *země* [land] and *kost* [bone]) that have been in complicated mutual interaction since the period in question until now (Vajdlová, 2012 and 2013), in order to demonstrate i) that declension patterns presented in linguistic handbooks do not solve the problem which forms should be generated in case we need to generate all forms of all documented nouns (e.g., is it necessary to generate form like *zemech* (LOC.PL, as combination of *ja-*stem noun *země* [land] with *i-*stem ending *-ech*), when handbooks argue that this situation applies especially in stems ended with sibilants?), ii) that neither detailed analysis of sources from the stage in question nor relying entirely on available descriptions yield an ideal solution, and finally iii) that searching for description of declension pattern for automatic text analysis can lead to linguistically interesting results (e.g. stems ending in labials seem to interact with other declension type less frequently than stems ending in other types of consonants).

References

- Gebauer, Jan (1960): *Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. I. Skloňování*. Nakladatelství Československé akademie věd, Praha.
- Gebauer, Jan (1963): *Historická mluvnice jazyka českého. Díl I. Hláskosloví*. Nakladatelství Československé akademie věd, Praha.
- Hana, Jirka, Lehečka, Boris, Feldman, Anne, Černá, Alena, Oliva, Karel (2012): Building a Corpus of Old Czech. In: *Proceedings of the Adaptation of Language Resources and Tools for Processing Cultural Heritage Objects Workshop associated with the 8th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2012)*.
- Lehečka, Boris, Voleková, Kateřina (2010): (Polo)automatická počítačová transkripce. In: *Proceedings of the Conference Dějiny českého pravopisu (do r. 1902)*.
- Meyer, Roland (2011): Old wine in new wineskins? Tagging Old Russian via annotation projection from modern translations. *Russian Linguistics* 35 (2), p. 267–281.
- Staročeská textová banka* [on-line] [Old-Czech Text Bank]. Version 09. 12. 2013 [cited 13. 01. 2014]. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i. Available at: <<http://vokabular.ujc.cas.cz/banka.aspx>>.
- Vajdlová, Miloslava (2013): *Ja-*kmenová feminina s alternativním zakončením nom. sg. *-ě/0* ve vztahu k deklinačnímu typu *píseň* (pohled vývojový). *Lingvistika Praha*, 2013. Available at: <<http://lingvistikapraha.ff.cuni.cz/node/180>>.
- Vajdlová, Miloslava (2012): O formování nekmenového deklinačního typu *píseň* (se zaměřením na období staro- a středněčeské). In: Čmejrková, S. – Hoffmanová, J. – Klímová, J. (eds.). *Čeština v pohledu synchronním a diachronním: stoleté kořeny Ústavu pro jazyk český*. Praha: Karolinum, p. 184–189.
- Vokabulář webový* [on-line] [Web Dictionary]. Version 0.9.1. [cited 13. 01. 2014]. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i. Available at: <<http://vokabular.ujc.cas.cz>>.

Семантический анализ соматических фразеологизмов (на материале русского, английского и немецкого языков)

Zarina Kairokanova
Gumilyov Eurasian National University

Assiya Sulkarnaieva
Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University

Целью нашего исследования является выявление семантических сходств и различий соматических фразеологизмов русского, английского и немецкого языков. В исследуемом материале насчитывается более 600 соматических фразеологизмов в русском, английском и немецком языках. Анализу были подвергнуты соматические фразеологизмы, содержащие наиболее частотные соматизмы. В этом анализе к ним относятся *голова, глаз, нос, язык, рука, плечо*. **Голова** управляет мышлением и рассудком, например: *иметь ясную голову* – *to have a good head for something* – *ein klarer Kopf*. Значение способности сосредоточиться: *повесить голову* – *to lose one's head* – *den Kopf hängen lassen*. **Глаза** получили назначение по главной функции этого органа, т.е. «смотреть, замечать, наблюдать»: *не спускать глаз* – *to keep an eye on someone\something* – *das auf jedem haben*. **Нос** – сравнительно малый орган и единственный, который выступает на лице. Первое его значение – обозначение близости, часто сопряженное с получением информации: *не видеть дальше собственного носа* – *not to see an inch beyond one's nose* – *nichts über die eigene Nase hinaussehen*. **Язык** также имеет свои основные значения, связанные с его функцией, например: *язык проглотить* – *to have lost one's tongue* – *die Sprache verlieren*. **Рука** имеет следующие значения: «трудолюбие, умение, мастерство»: *приложить руку* – *to have a hand in something* – *die Hand auf etwas legen*. В значении легкой победы: *брать голыми руками* – *to beat someone hands down* – *mit bloßen handen nehmen*. **Плечи** символизируют ответственность, трудолюбие, ношу, которая на них ложится. В значении вместе или рядом: *плечом к плечу* – *shoulder to shoulder* – *Schulter an Schulter* и многие другие. Исходя из проведённого семантического анализа соматических фразеологизмов, очевидно: фразеологические подсистемы указанных языков обнаруживают значительное количество сходных значений, нежели различий. Так, 79% семантических эквивалентов обнаруживаются во всех языках. Это с определенной долей уверенности позволяет нам говорить о достаточно универсальном лингвокогнитивном восприятии/выражении как самого организма, так и обозначающих его соматизмов. Двадцатипроцентное соотношение эквивалентных значений, т.е. значений, имеющих идентичные эквиваленты в трех исследуемых языках, свидетельствует о наличии

специфического, культурно обусловленного, исторически сложившегося восприятия организма и собственно соматизмов для каждого языка. Обратим внимание на однопроцентное соотношение семантических значений, показывающее уникальное восприятие окружающей действительности каждым народом, что отражается в соматических фразеологизмах. Причины такого уникального восприятия, анализ их лексической фиксации и семантического пространства в каждом языке может также стать предметом отдельного изучения и перспективой этого исследования.

Jednoslovné vetné štruktúry v ranom vývine detskej syntaxe

Jana Kičura Sokolová
University of Prešov

Príspevok je čiastkovou štúdiou z prebiehajúceho longitudinálneho výskumu, ktorý sa venuje vývinu ranej syntaxe slovensky hovoriacich detí. Zameriava sa na vývin a frekvenciu jednoslovných vetných konštrukcií v prirodzenom komunikačnom prostredí dieťaťa. Pozornosť sústredí predovšetkým na interjekcionálne vetné štruktúry, substantívne, slovesné, adverbiálne, adjektívne a pronominálne vetné štruktúry. Ide o morfológicko-syntaktický prístup, v ktorom sa okrem vetrnej štruktúry sleduje aj jej gramatická štruktúra. Centrálna časť príspevku sa venuje slovesným vetným štruktúram, pričom si všíma ich valenčný potenciál a typ predikátu. Ranú syntax autorka vymedzuje od 11. mesiaca, keď sa začínajú objavovať prvé jednoslovné vetné štruktúry do obdobia okolo 28. mesiaca, v ktorom pod vplyvom rozvíjajúcej sa komunikačnej kompetencie postupne zanikajú, resp. sa vyskytujú ojedinele. Na vývin ranej syntaxe nazerá komplexne (horizontálne i vertikálne) a vníma ju ako neoddeliteľnú súčasť dialógu. Základným materiálom výskumu sú audiovizuálne nahrávky dialógu dieťaťa s dospelým (najmä s matkou), nakrúcané raz do mesiaca v trvaní jednej hodiny. Na slovenčinu je aplikovaná doslovná a komentovaná celosvetovo používaná metóda CHAT, ktorá sa využíva pri prepise audio-, resp. videozáznamov detskej reči, v rámci systému CHILDES (databáza obsahujúca záznamy detskej reči). V súvislosti s vývinom ranej syntaxe sa príspevok zaoberá aj problematikou gesta a jeho schopnosťou predikovať konkrétne syntaktické štruktúry, zároveň sa venuje komunikačnej situácii, dialogickému kontextu a reakcii komunikačného partnera.

Структура речевого акта похвалы в русском и польском языках в прагмалингвистическом аспекте

Ewa Komorowska
Agnieszka Szlachta
University of Szczecin

Предметом исследования является речевой акт *похвалы*. Анализ проводится с точки зрения прагмалингвистики. Материал исследования представлен двумя корпусами – современного русского и польского языков.

Анализ является попыткой определения структуры речевого акта *похвалы* в русском и польском языках. Внимание авторов будет сосредоточено на описании разных способов прагматической реализации данного речевого акта с учётом таких параметров как: иллокуция, перлокуция, прессупозиция, импликатура, прямые и косвенные речевые акты и др. Будет также рассмотрено положение, в какой степени польские средства выражения речевого акта *похвалы* соответствуют русским, а также в каких контекстах наблюдаются различия в их функционировании.

Iconicity in Language of Pain in Slovak

Miroslava Kysel'ová
University of Prešov

Pain is universal human phenomenon, one of the basic experiences of all human beings. However, highly subjective and individual nature of pain does not allow to measure or even to observe it in a direct way. All we know about how the pain is felt is mediated through language. Not surprising, language of pain has become object of interest in the fields of cognitive linguistics, applied linguistics and typological studies (Halliday, 1998, Lascaratou, 2007, Waszakowa, 2010 among others). Typological studies (Bonch-Osmolovskaya – Rakhilina – Reznikova, 2009) show that although various languages share some lexical and morphosyntactic features there are also some differences even among closely related languages. Thus, grammatical differences impose a challenge for those who are to speak about painful sensations in a foreign language. Studying conceptual domain of pain and its expression in different languages contributes to better understanding of what aspects of pain are highlighted in perception of pain in particular languages and cultures.

The aim of the present paper is to introduce language of pain in Slovak from

the perspective of the theory of iconicity in language. The general idea concerning the iconicity is that the structure of language reflects in some way the structure of experience. The notion of iconicity comprises two basic types, diagrammatic and imagic iconicity (Fischer – Ljungberg, 2014). When studying the grammar the notion of diagrammatic iconicity can be adopted. The paper reports data which provide evidence for how diagrammatic iconicity is extensively manifested in constructions with verbs denoting the pain in Slovak. Usage of particular construction is determined by different conceptualization of pain – intervention into the sphere of body is coded in constructions with dative, presenting the pain as a physical harm is expressed in constructions with accusative, differentiation between internal and surface location of pain is manifested in the distinction between constructions with body parts coded in subject position and subjectless constructions with body parts coded as adverbial modifiers.

References

- BONCH-OSMOLOVSKAYA, Anastassia – RAKHILINA, Ekaterina – REZNIKOVA, Tatiana: Conceptualization of pain: A database for lexical typology. In: *Logic, Language, and Computation: 7th International Tbilisi Symposium on Logic, Language, and Computation*. Eds. P. Bosch – D. Gabelaia – J. Lang. Heidelberg, Berlin: Springer 2009, s. 110 – 123.
- DE CUYPERE, Ludovic – WILLEMS, Klaas: *Naturalness and Iconicity in Language*. John Benjamins 2008. 249 s.
- FISCHER, Olga – LJUNGBERG, Christina: *Iconicity: A definition*. Dostupné na: http://www.iconicity.ch/en/iconicity/index.php?subaction=showfull&id=1197027781&archive=&start_from=&ucat=2 [12. 3. 2014].
- GIVÓN, Talmy: Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax. In: *Iconicity in Syntax: Proceedings of a Symposium on Iconicity in Syntax*. Amsterdam: Benjamins 1985, s. 187 – 220.
- HAIMAN, John: *Natural Syntax: Iconicity and Erosion*. Cambridge: Cambridge University Press 1985. 296 s.
- HALLIDAY, Michael A. K.: On the grammar of pain. In: *Functions of Language*, 1998, 5, 1. s. 1 – 32.
- KÖVECSÉS, Zoltán: The conceptual structure of happiness and pain. In: *Reconstructing Pain and Joy: Linguistic, Literary and Cultural Perspectives*. Eds. C. Lascaratou – A. Despotopoulou – E. Ifantidou. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing 2008, s. 17 – 33.
- LANGACKER, Ronald W.: *Grammar and Conceptualization*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter 1999a. 427 s.
- LASCARATOU, Chryssoula: *The Language of Pain: Expression Or Description?* Amsterdam: John Benjamins 2007. 328 s.
- SEMINO, Elena: Descriptions of Pain, Metaphor, and Embodied Simulation. In: *Metaphor and Symbol*, 2010, roč. 25, č. 4, s. 205 – 226.
- SUSSEX, Roland: The language of pain in applied linguistics. In: *Australian Review of Applied Linguistics*, 2009, 32, č. 1, s. 06.1 – 06.14.
- WASZAKOWA, Krystyna: Konceptualizace bolesti v polštině: příspěvek ke srovnávacímu výzkumu. In: *Slovo a slovesnost*, roč. 71, č. 4, 2010, s. 298 – 309.

Prepositions As Discourse Markers

Laska Laskova

Sofia University "St. Kliment Ohridski"

This paper investigates clause-external prepositional phrases in Bulgarian that function as discourse organising devices. When used in sentence initial position,

prepositions such as *за, односно, колкото до (колкото за), по отношение на, във връзка със, по повод на* introduce either an aboutness or a frame-setting topic, that does not fit neither as an argument, nor as an adjunct in the predicate-argument structure of the sentence. Furthermore, when the topic is frame-setting, none of the sentence constituents hold any kind of co-reference relation to the prepositional phrase that provides the context in which the listener is instructed to interpret the utterance.

Only the fully grammaticalized as a discourse marker *колкото до* and its absolute synonym *колкото за* serve exclusively to mark identifiable and accessible concepts, i.e., concepts that previously have been introduced in the text. In contrast, the simple, multifunctional *за* and the relatively new and stylistically bound complex prepositions such as *относно* and *по отношение на* could be used also to introduce unidentifiable or inactive concepts. Finally, we offer some plausible explanations of the pragmatic functions of the above propositional phrases based on their usage in denoting the topic of the mental acts expressed by cognition or speech verbs. We claim that prepositions as *колкото до* have evolved to serve as a kind of a shorthand symbol for the change of subject that should be decoded by the listener the same way as the combination of the line feed and carriage return sequence.

The lexico-grammatical features of Serbian online bank advertisements

Vesna Lazovic

University of Novi Sad

Keywords: register analysis, online advertisements, bank services, vocabulary, grammar, Serbian.

The language of advertisements plays an extremely important role. While promoting various products, it informs, attracts the audiences' attention and persuades them to buy what is being advertised. By the help of the web medium it reaches the large number of potential customers. However, advertising campaigns are also country-specific due to some linguistic differences across different host countries. The advertising messages must correspond with beliefs, attitudes, values and traditions of the people in each country, since cultural values have a great impact on advertising message appeal.

This paper aims at presenting typical features of online bank advertisements in Serbian. Based on the corpus comprised of advertisements on home web pages of the most prominent banks operating in Serbia, the paper focuses on the lexico-grammatical characteristics of bank adverts, which will be identified, explained and

illustrated. The idea to focus on bank advertisements stems from the fact that trust in banks has declined over years due to the significant impact the global financial crisis has had on ordinary people's lives, with customers nowadays being more cautious about borrowing and spending money.

The lexical analysis will try to reveal the most frequent words in bank advertising along with trigger words and catch phrases. Special attention is also dedicated to so-called money-saving expressions, which are motivators for saving money (e.g. *besplatno, bez naknade, popust, bonus*, etc.). On the other hand, the techniques designed and employed to persuade and impress people are also achieved by grammatical strategies. The most frequent ones in Serbian bank adverts are imperative / interrogative / exclamatory sentences, ellipsis and the use of personal pronouns and possessive adjectives. These stylistically-marked syntactic patterns make the language of these adverts short and effective, but also make online advertising communication more personal.

To sum up, the purpose of this paper is to gain a better understanding of the main lexical and grammatical features used in Serbian bank advertisements.

Are there verbal diminutives in Russian?

Anastasia Makarova
University of Tromsø

Russian substantival, adjectival and adverbial diminutives are well described in the literature. If diminutives are so widespread in Russian, why is it the case that verbal diminutives have not received much attention in the scholarly literature on Russian? Is it possible that a system with such a wide range of diminutives does not extend to verbs? Based on a Corpus study (www.ruscorpora.ru), I argue that there are verbal diminutives in Russian. Consider the following examples:

(1) Учитель ставил мне в журнал хорошую оценку, звенел звонок, и все были довольны. [Искандер. Начало (1969)]

In (1) *звенел* 'rang' refers to the bell, which signals the beginning and the end of class. It is supposed to be heard by everyone everywhere in the school, and is therefore quite loud. In (2), on the contrary, the ringing/dinging is quiet:

(2) Ключарев еще только спустился до горловины (до середины), а пуговицы уже летят вниз много прежде него, и даже слышно, как они там внизу звенькают. [Маканин. Лаз (1991)]

In (2), it is the buttons from the clothing that produce a dinging sound when falling down. Clearly, the buttons cannot make a lot of sound. The verb *zven'kat*, therefore, describes a delicate sound. I argue that verbs in *-n'kat* such as *zven'kat* 'ding' are verbal diminutives and reveal similarities with other diminutives in Russian.

First, the *-n'kat'* verbs display diminutive semantics of the same type we find in diminutives of other parts of speech. Second, the suffix *-n'k* is closely related to the prototypical morphological marker of diminutives, the *-k-* suffix. Third, *-n'kat'* verbs display the same spheres of use as non-verbal diminutives. Thus, my findings indicate that the Russian language system does include verbs that display the same diminutive patterns that are attested for other word classes.

Theoretically, these findings suggest that diminutives represent a large category in Russian, which extends to verbs. Moreover, Russian diminutives seem to represent a unique category in Russian insofar as the relevant semantics is expressed in different parts of speech by the same morphological element, *-k-*.

Informatívne kontextové parentézy v štruktúre komentátorského textu

Jozef Mergeš

University of Prešov

Hlavným cieľom príspevku je predstaviť konkrétny výstup analýzy výskytu informatívnych kontextových parentéz v komentátorskom prejave na pozadí komentovania futbalových zápasov v televíznom prostredí, pričom výskumnú vzorku tvoria výpovede z komentátorských prejavov z desiatich celých futbalových zápasov vysielaných Slovenskou televíziou (STV, dnes už Rozhlas a televízia Slovenska, teda RTVS). Príspevok sa sekundárne zaoberá funkciami a typológiou informatívnych kontextových parentéz.

Komentátorské prejavy v priamych športových televíznych prenosoch možno v nadväznosti na schematizmus súvisiaci s mediálnou prezentáciou priamych televíznych prenosov považovať za stereotypné. Pomerne pravidelne sa v nich totiž objavujú opakujúce sa textové vzorce reflektujúce situáciu na hracej ploche stereotypným jazykovým stvárnením. V komentátorských textoch sa však vynárajú aj také prvky (skupiny výpovedí, výpovede, časti výpovedí), ktoré svojím obsahovým zameraním vybočujú zo stereotypného textového vzorca (napr. pri komentovaní nedovoleného zákroku, prípadne pri komentovaní gólovej situácie) a dopĺňajú, zároveň však obohacujú základný – jadrový text o nové informácie.

Informatívne kontextové parentézy teda možno považovať za také výpovede v komentátorskom texte, ktoré v rámci komentátorských prejavov rozširujú deskripciu udalosti o s ňou viac či menej súvisiace informácie. Sú to výpovede alebo zoskupenia výpovedí patriace medzi rozširujúce výpovede, o čom svedčí napríklad nemožnosť identifikovať ich na základe televízneho obrazu, pretože sa „dejú“ mimo konkrétny športový zápas. Ich funkcia spočíva v rozširovaní deskriptívnych výpovedí

je determinovaná aj vlastnosťou intertextovosti, ktorou informatívne kontextové parentézy disponujú. Komentátor využívaním konkrétnych kontextových parentéz prepája reálne sa odohrávajúci zápas napríklad so zápasmi už odohranými, prípadne s osobnými charakteristikami hráčov a pod.

Analýza komentátorských prejavov, využívajúca prepisy výpovedí segmentovaných na obsahovo-pragmatické celky a obsahovo-pragmatické jednotky, potvrdila v daných prejavoch pomerne značný výskyt informatívnych kontextových parentéz. Základná funkcia informatívnych kontextových parentéz spočíva v prepájaní reálne sa odohrávajúcej udalosti (v našom prípade ide o futbalové zápasy) s inými, prevažne už odohranými udalosťami podobného typu. Dané vsuvky, ktoré spresňujú kontext prebiehajúceho futbalového zápasu, slúžia navyše i na potvrdenie videného. Komentátori totiž informatívne kontextové parentézy využívajú ako argumenty v procese presadzovania komunikačného zámeru verbalizovaných výpovedí.

Terminološki izazovi na početku 21. stoljeća (Kontrastivna analiza hrvatskoga i ruskoga pravnog nazivlja)

Irena Mikulaco
University of Pula

Ključne riječi: hrvatski jezik, ruski jezik, terminologija, pravna terminologija, prijevod.

Proučavanje terminologije jedna je od središnjih tema suvremene lingvistike. Zbog korjenitih promjena na društvenom, geopolitičkom, znanstvenom, tehničkom i kulturnom planu krajem dvadesetog i početkom dvadeset i prvog stoljeća mijenjao se i jezik. Jezične promjene dogodile su se na svim jezičnim razinama, a najuočljivije su promjene na leksičkoj razini. Terminološki izazovi posebno su se odrazili na jezik struke. Razvojem novih tehnologija, formiralo se i novo nazivlje za nova znanstvena područja, polja i grane. Pravna terminologija, kao dio jezika struke, doživjela je velike promjene u Hrvatskoj, u odnosu na prethodna razdoblja, zbog geopolitičkih i jezičnih promjena. Usustavljivanje pravne terminologije odvija se već od 90-tih godina dvadesetog stoljeća, a intenzivirano je pripremom ulaska Hrvatske u Europsku uniju jer je trebalo uskladiti pravni sustav Republike Hrvatske s pravnim sustavom Europske unije. Zbog pojačane međunarodne i međudržavne aktivnosti, javila se potreba za odgovarajućom terminologijom pravnoga sustava koja bi smanjila broj nedoumica i onemogućila pogreške u pismenoj i usmenoj komunikaciji. Slične promjene, iako ne toliko korjenite, doživjela je i ruska pravna terminologija. Već desetljećima lingvisti upozoravaju na pravni jezik koji je često previše formalan i hermetičan, pa je nerazumljiv građanima kojima

pravo nije struka. S pravnim tekstovima susreću se i sudski tumači i prevoditelji koji ne moraju biti po struci pravnici. Problem nastaje kada se prevoditelj nađe u situaciji da prevodi dokumente različitih pravnih sustava, a adekvatnih rječnika i terminoloških baza za hrvatsko-ruski jezik nema. U tom bespuću pojavila se potreba da se uspoređi pravna terminologija na početku 21. stoljeća, kako bi se uočile promjene u nazivlju, na koji se način jedna, a na koji način druga zemlja prilagodila novoj geopolitičkoj situaciji nakon 1990. godine. Prevođenje pravne terminologije je interdisciplinarna djelatnost jer se osim poznavanja jezika i prava trebaju usvojiti različite kompetencije, poznavati osobitosti pravnoga prevođenja te različitih pravnih koncepata dvaju sustava (hrvatskoga i ruskoga u ovom slučaju) i metode za uspostavljanje ekvivalenata na pravnoj i jezičnoj razini. Korpus istraživanja obuhvatio je kaznenopravno nazivlje iz Kaznenoga zakona/Уголовного кодекса РФ i Zakona o kaznenom postupku/Уголовно-процессуального кодекса u obje zemlje, Hrvatskoj i Rusiji.

Los «razgovórnikí»: un peculiar género de la lexicografía rusa medieval

Elena Mironesko Bielova
University of Granada

Keywords: Russian Lexicography, Russian History.

This article analyses the appearance and the use of one of the most interesting lexicographic genders - the lexicon of the medieval conversation guide which was very significant and widespread during the Middle Ages throughout Europe. Here we intend to depict some of the Greek-Russian and Russian-Greek glossaries resulting from the pilgrimages and from the Greek Orthodox influence on the Russian medieval culture.

A lo largo de los siglos existían centros sagrados de religión ortodoxa, focos que atraían y atraen a miles de peregrinos. Entre ellos, sin duda alguna, uno de los más importantes y reverenciados era y es el de Monte Athos.

Allí vivieron muchos santos y reverendos de la iglesia rusa: Nil Sorskii (1433-1508), Serguei Obnorskii, (principios del siglo XV), Arsenii Konevskii (mediados del siglo XV), Savva Krypetskii (finales del mismo siglo), y otros.

Pero también realizaban sus «*хождения*» (peregrinajes) centenares de fieles rusos tanto seculares como clérigos. Justamente a ellos tenemos que agradecer la aparición de un específico género literario que son «*дорожники*» (*itinerarios*), que fue creado por los cruzados y peregrinos a la Tierra Santa y que se conocían en la Europa Occidental desde el siglo IV.

Desde luego, la función principal de estas obras era ayudar a los futuros peregrinos en primer lugar en la orientación geográfica durante el viaje. Con la explicación de los caminos a seguir para llegar a los lugares sagrados y descripción de las experiencias vividas durante el largo y difícil periplo, los *itinerarios* presentaban, en cierto modo, fuentes para posterior desarrollo de la literatura de viajeros y, también, un prototipo para la elaboración de las modernas guías turísticas.

En su descripción, los autores a menudo incluían algunos vocablos de otras lenguas – a veces, de las tierras por las que pasaban o, incluso con más frecuencia, para facilitar la comunicación entre los compañeros de camino. Estos primeros esbozos de “*libros de conversación*” aparecen en Europa Occidental en el siglo XV.

También se puede suponer que justamente ésta es una de las causas de aparición en la cultura escrita rusa medieval de un curioso género lexicográfico – la creación de *словари-разговорники* (glosarios-guías de conversación).

“En nuestros antiguos manuscritos en algunos lugares se puede encontrar listas de diversos tipos de las palabras extranjeras con su breve explicación en ruso, a veces frases enteras o cortos diálogos con traducción” – observaba uno de los más destacados estudiosos de la lexicografía rusa antigua P. K. Simoni en su libro “*Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV-XVII столетий*» (“Obras de lexicografía rusa antigua según los manuscritos de los siglos XV-XVII”) (1908).

Los curiosísimos *разговорники* de este tipo: *Грецкои языкъ, Се татарскый языкъ* y *Речь тонкословия греческого* pueden considerarse como primeras obras de lexicografía con fines comunicativos.

Towards digital humanities: Russian construction [в том то и N] and its Swedish equivalents in an open-access database

Dmitrij Dobrovolskij
Russian Academy of Sciences

Ludmila Pöppel
Stockholm University

The development of text corpora and online databases has demonstrated that traditional bilingual dictionaries are several decades behind in the synchronic description of their given languages, and most important, how inadequately they perform the function of providing a linguistically correct and consistent description of a language pair in a lexicographic format. This is also true for the available bilingual Swedish-Russian and Russian-Swedish print-dictionaries and online recourses.

Conducted at the Department of Slavic Languages at Stockholm University and the Russian Language Institute at the Russian Academy of Sciences, the project for developing a Swedish-Russian/Russian-Swedish open-access electronic database seeks to fill in the existing gaps by a more exact description of this pair of languages. The main novelty of our database is the description of parts of speech which are a scarcely described in the existing dictionaries but are very important for communication, such as discursive units – particles, focus constructions, sentential adverbs, etc. We are working on finding out contrastive specific features of the units that have not been described before. The present study is dedicated to the contrastive descriptions of the Russian constructions [*в том то и N*] or [*в том то и N, что P*] and their Swedish equivalents. [*В том то и N*] is used as a separate utterance while [*в том то и N, что P*] is a complex sentence construction consisting of the lexically semi-fixed matrix clause [*в том то и N*] and a lexically open subordinate clause introduced by *что*.

Although the construction [*в том то и N*] is frequent in Russian (1475 hits in RNC) it is not adequately described in the existing Russian-Swedish dictionaries. Davidsson (1976) and Norstedts (2010) consider only *в том-то и дело* within the dictionary entry *-то* which seems to be rather confusing. *В том-то и дело* has its own meaning which cannot be derived from its elements including *-то*. Therefore the construction should be considered as a separate entry. Using relevant lexicographic information and large text corpora, among them parallel corpora, we are going to analyze semantics and pragmatics of these units and demonstrate their possible Swedish translational equivalents.

Давнопрошедшее время в современных славянских языках

Yana Movchan
University of Kiel

Во всех славянских языках есть определенный набор грамматических структур и лексических единиц для выражения временных отношений. В первую очередь, время выражается при помощи временных форм глагола, которые формируют систему глагольных времен. Каждый глагол имеет морфологическую парадигму и выражает набор временных значений.

В каждом отдельном славянском языке имеется разное количество времен. В языках южнославянской подгруппы исследователи выделяют до девяти времен глагола, как, например, в болгарском. Напротив, в восточнославянских языках нередко определяют только три времени: настоящее, прошедшее и будущее. Климонов (1985: 269) пишет, что «ни один из славянских языков не имеет более богатой системы времен, чем болгарский язык, и ни один славянский

язык не имеет системы беднее, чем русский» („...keine andere slawische Sprache ein Tempussystem hat, dass reicher als das bulgarische ist und keine andere slawische Sprache ein Tempussystem besitzt, das ärmer als das russische ist“ (Klimonov 1995: 269)).

Не подлежит сомнению тот факт, что в ранний период своего становления во всех славянских языках было давнопрошедшее время. Дальнейшее развитие этого времени протекало в каждом отдельном славянском языке по-разному. В южнославянских языках формы глагола в давнопрошедшем времени развили широкий спектр временных значений, в то время как в западно-славянских языках это время в данный момент мало употребляемо и уже не упоминается в грамматиках. В языках восточнославянской подгруппы давнопрошедшее время или исчезло вообще, как из употребления, так и из грамматик, тому примером является русский язык, или находится на стадии возрождения как, например, в современном украинском языке.

В данном докладе речь пойдет о давнопрошедшем времени в современном болгарском, хорватском, украинском и русском языках. Будут представлены возможные значения форм давнопрошедшего времени, дискуссии в научной литературе, описание этого времени в современных грамматиках, результаты исследования, проведенного на базе языкового материала, взятого из произведений современной литературы, печатных изданий и интернета.

Russian Rivalry

Tore Nasset

University of Tromsø

Very often grammars provide speakers with rival forms – two or more forms that appear to have the same function. Russian is no exception, as shown in (1) and (2), where we observe the rivalry of *kapljut* and *kapajut* from *kapat* ‘drip’:

- (1) Слезы **каплют** одна за другой на клавиши. (Gončarov 1859)
‘Tears are dripping one after another onto the keyboard.’
- (2) Слезы в щи **капают**. (Bitov 1969)
‘Tears are dripping into the cabbage soup.’

Other examples of rival forms in Russian morphology involve so-called inchoative verbs, which may drop the *-nu* suffix in the past tense (*svet gas* vs. *svet gasnul*). In syntax, we find examples of rivalry in the case marking of grammatical objects of verbs like *bojat’sja* (*bojat’sja ženu* vs. *bojat’sja ženy*). On the basis of a number of

case studies, I will address three questions: (a) what are the factors motivating the choice between rival forms?, (b) how can we study rival forms empirically?, and (c) do rival forms develop different meanings? I will argue that a promising approach to these questions can be stated in terms of Construction Grammar and, more generally, cognitive linguistics, which facilitates a flexible analysis of a number of factors and their interaction.

Adjectives of possibility. The comparative analysis of performing in texts and translations

Przymiotniki potencjalne w tekstach i przekładach. Analiza porównawcza

Lenka Ptak

University of Wrocław

The paper deals with selected problems of a specific category of deverbal adjectives, which convey the notion of possibility/potentiality. It is a synchronic-comparative analysis of Polish and Slovak adjectives of possibility, their performing in texts and translations. These adjectives are derived by suffixes *-tel'ný*, *-alny*, *-able*, *-bar/-lich* (*vymenitel'ný*, *wymienialny*, *exchangeable*, *austauschbar*). Their regular meaning may be expressed by means of the following paraphrase: 'fit for being/liable to be V-ed'. Thus, for instance, the meaning of *vymenitel'ný* 'exchangeable' is 'fit for being/liable to be exchanged', *porównywalny* 'comparable' is 'fit for being/liable to be compared', *viditel'ný* 'visible' is 'fit for being/liable to be visible'.

We can derive from these adjectives nouns with suffixes *-ost'* (*čitateľný* → *čitateľnosť*, *dokázateľný* → *dokázateľnosť*) in Slovak and *-ość* (*dopuszczalny* → *dopuszczalność*, *postrzegalny* → *postrzegalność*, *rozpuszczalny* → *rozpuszczalność*) in Polish language and as well adverbs with *-e* (*čitateľný* → *čitateľne*, *dopuszczalny* → *∅*, *niedopuszczalny* → *niedopuszczalnie*) in both languages.

These suffixes are very productive in modern Slovak and Polish languages and also these languages show both similarities and differences in the word formation processes under investigation. We observed that the number of Polish adjectives derived by suffix *-alny* recorded in the dictionaries is smaller than Slovak *-tel'ný* adjectives. Numerous verbs presumably do not lend themselves to the process of *-alny* attachment. The suffix appears to attach productively only to certain specific subclasses of verbs.

We can see it clearly in translations, for example:

‘**Unbrauchbare** alte Drucksorten, umgeworfene leere irdene Tintenflaschen lagen hinter der Schwelle.’

‘Za prahom ležali **nepoužitelné** staré tlačivá a prevrhnuté prázdne hlinené kalamáre.’

‘Stare **wycofane z użycia** druki, wywrócone puste flaszki od atramentu leżały za progiem.’

[F.Kafka, *Der Process*, translated by P.Bžochová, Bratislava 2004; B. Schulz, Kraków 2005].

Tempo reči v rozhlasovej rozprávke

Lenka Regrutová

University of Prešov

Príspevok sa zaoberá realizáciou tempa reči v rozhlasovom texte. Výskumný materiál predstavuje 25 rozhlasových rozprávok odvysielaných vo verejnoprávnom rozhlas RTVS ako rozprávka na dobrú noc (produkcia v rokoch 1975 – 2009), ktoré boli napísané na motívy slovenských ľudových rozprávok a pre potreby rozhlasu ich upravili autori literatúry pre deti a mládež (M. Ďuričková, P. Glocko, O. Sliacky). Teoretický základ tvoria výsledky meraní v invariantných typoch textov (rozdielnosť funkčných jazykových štýlov – hovorový, publicistický, umelecký) od slovenských jazykovedcov (J. Sabol, V. Smoláková, J. Zimmermann), ktorí upozorňujú na súčinnosť tempa s ďalšími suprasegmentmi (dôraz, pauza, melódia) a definujú ho ako výrazný zvukovo-štylistický a štylizačný jav. Metódu nášho merania predstavuje percepčný test (prostredníctvom prezenčného počúvania v archíve RTVS sme zaznamenali literárny scenár vybraných textov a dĺžku trvania jednotlivých prehovorov) a výpočet priemernej realizácie počtu slabík za sekundu. V súčasnosti sa v mediálnych textoch odráža tendencia skracovania a zrýchľovania poskytovaných informácií a mediálni tvorcovia sa snažia poskytnúť čo najviac informácií za čo najkratší čas (ide predovšetkým o spravodajské texty). Daný stav sa odrazil aj vo vybraných žánroch pre deti a mládež predovšetkým v ich audiovizuálnej podobe (napríklad v populárnom žánri cartoons). Špecifické postavenie má v tomto kontexte rozhlasová rozprávka, ktorej funkcia sa potvrdzuje aj v pomalej realizácii slov a slabík za sekundu. Zvuková dramatizácia rozprávok priaznivo vplyva aj na ontogézu rečového vývinu dieťaťa (spresňuje obsah slov, gramatické formy, rast slovných zásoby) a považuje sa za vhodnú stimuláciu pri upevňovaní a rozvíjaní materinského jazyka.

Rozmowa urzędowa jako przedmiot badań lingwistycznych. Zarys problematyki na przykładzie materiału polskiego

Mariusz Rutkowski
University of Warmia and Mazury

Rozmowa w urzędzie stanowi mocno sformalizowany akt działania językowego, sytuujący się w obrębie komunikowania administracyjnego. Determinują go ściśle określone czynniki sytuacyjne i społeczne, jak urzędowy charakter miejsca i interakcji, dystans interpersonalny, role społeczne urzędnika i klienta, wymogi językowe stylu urzędowego. Czynniki te przesądzają z jednej strony o formalnym (oficjalnym) charakterze rozmowy, z drugiej jednak istotną rolę odgrywają też czynniki konwersacyjne, typowe dla rozmowy jako typu aktu językowego w szerokim sensie.

W referacie zostanie pokazany zarys projektu badawczego zmierzającego do lingwistycznego opisu rozmowy urzędowej. Materiał do badań stanowi korpus nagranych i poddanych transkrypcji autentycznych rozmów, prowadzonych w polskich urzędach różnego typu w latach 2013-13. W ramach projektu badawczego planuje się dokonanie analizy konwersacyjnej, uzupełnionej o elementy krytycznej analizy dyskursu. Celem badań jest opis modelowej rozmowy urzędowej, jej struktury konwersacyjnej, a także właściwości wynikających z instytucjonalnego typu komunikacji. Komunikacja ta ma charakter asymetryczny, z dominującą rolą urzędnika i podporządkowanym klientem. W ramach projektu zostaną odsłonięte typowe zachowania i strategie językowe (i komunikacyjne) związane z obiema tymi rolami społecznymi i konwersacyjnymi. W referacie zostaną zaprezentowane główne założenia badań, metodologia, jak również pokazane i poddane wstępnej analizie próbki materiału badawczego.

Model sieciowy przedrostka werbalnego *u3-* w porównaniu z językiem polskim

Beata Rycielska
University of Szczecin

Artykuł poświęcony jest prefiksowi werbalnemu *u3-* w języku rosyjskim. Morfem ten przedstawia złożony model sieciowy, na który składają się schematyczne pojęcie opuszczenia punktu wyjścia zdarzenia oraz pojęcia prototypowe i peryferyjne. Procesy tworzenia struktur semantycznych kategorii i łączenia ich w jedną spójną jednostkę polegają na kategoryzacji przez schemat i kategoryzacji

przez prototyp. Kategoryzacja przez schemat dotyczy uszczegółowienia pojęcia nadrzędnego, kategoryzacja przez prototyp dotyczy rozszerzenia opartego na zasadzie podobieństwa rodzinnego. Tworzący model sieciowy przedrostka *уз-* skomplikowany układ węzłów i ich wzajemnych powiązań uwzględnia nie tylko synchronię języka, lecz także diachronię. Stwierdzenie schematu danej jednostki językowej ma swoją wartość m.in. w procesie dydaktycznym języka obcego. Osoby uczące się języka rosyjskiego z większą łatwością są w stanie posłużyć się w określonym kontekście prawidłową formą czasownikową znając ogólne pojęcie, które ona uszczegółowia. Nie jest bowiem prostym zadaniem umiejętny wybór na przykład pomiędzy *выдумать – надумать – передумать – вздумать*, lub też między *проехать – переехать – изъехать – объехать – выехать – уехать – съехать – подъехать, вылить – излить – перелить – пролить – налить* itd. Z prefiksem *уз-* pochodzącym z języka staro-cerkiewno-słowiańskiego konkuruje przede wszystkim rdzenie rosyjski prefiks *вы-*. W takiej sytuacji ciekawe są wyniki porównania z językiem polskim, który prototypowo dysponuje odpowiednikiem w postaci przedrostka *wy-*.

Czasownikowe derywaty odzwierzęce w wierszu Juliana Tuwima *Figielek* i ich synonimy w polszczyźnie historycznej

Adrianna Seniów
University of Szczecin

Celem referatu będzie analiza wybranych z utworu Juliana Tuwima czasownikowych derywatów odzwierzęcych: *przekomarzać się, zaciętrzewić się, zasepić się, osowieć, rozindyczyć się, zbaranieć*. Prześledzimy ich losy w historii języka, wskażemy leksemę synonimiczne, a także odwołamy się do ich kulturowej motywacji. Wiersz Tuwima stanowi jedynie punkt wyjścia, źródło, z którego wydobyliśmy wartość analizy językoznawczej zjawiska. Ponadto omówimy również, jak Tuwima wykorzystał grę słów, jaką funkcję pełni nagromadzenie czasownikowych derywatów odzwierzęcych w budowaniu ekspresji wypowiedzi poetyckiej, szczególną uwagę zwrócimy również na funkcję metafor *in absentia* i *in praesentia*.

Український порядок слів та категорія означеності/ неозначеності іменника і стану дієслова (на матеріалі односкладних розповідних речень)

Oksana Shukhova

G.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University

Незважаючи на велику кількість робіт, присвячених проблемі словорозташування, багато аспектів цього питання і досі залишаються проблемними, зокрема не до кінця з'ясовано функції порядку слів в українській мові. Мета дослідження – встановлення функцій порядку слів в українській мові за допомогою іменникової категорії означеності/неозначеності та дієслівної категорії стану, що використовуються як діагностичні засоби. Задля цього здійснюється порівняння двох різнотипних мов: синтетичної української з вільним словопорядком та аналітичної англійської, порядок слів якої є доволі суворо фіксованим. Матеріал дослідження – твір І. Дзюби «Інтернаціоналізм чи русифікація?» (1965) та його англійський переклад, виконаний М. Дейвісом (1968), а також твір В. Мороза «Репортаж із заповідника імені Берії» (1967) з англійським перекладом Д. Коласкі (1974). Предметом дослідження є розповідні неокличні односкладні речення різних типів, наявні в текстах. У ході роботи опрацьовано 101 односкладне речення різних типів з твору І. Дзюби і 23 односкладних речення різних типів з твору В. Мороза.

За допомогою аналізу трансформацій, що відбуваються з українськими односкладними реченнями при перекладі, встановлено, що безартиклівій українській мові з її добре розвиненою словозміною і вільним порядком слів притаманна більш різноманітна система односкладних речень у порівнянні з англійською мовою, словопорядок якої у зв'язку з відсутністю відмінкових закінчень є суворо фіксованим. Український порядок слів є одним із засобів вираження семантичної категорії означеності/ неозначеності і при перекладі англійською мовою головним чином знаходить вираження за допомогою означеного або неозначеного артикля. При перекладі позиція прямого додатка по відношенню до головного члена односкладного речення часто впливає на вживання артиклів та стан дієслова, що пов'язано з особливостями темарематичного членування речення. Препозитивний по відношенню до присудка прямий додаток, як правило, стає підметом, при якому наявні слова, що вказують на означеність і служать для виділення теми. Зміна дієслівного стану у таких реченнях продиктована необхідністю збереження порядку розташування теми і реми, що обумовлена обмеженими можливостями зміни їх місць у мовах з фіксованим порядком слів. Постпозитивний до присудка рематичний прямий

додаток у більшості типів односкладних речень, трансформується у підмет з неозначеним артиклем. Інші явища при перекладі, очевидно, пов'язані з особливостями певних лексичних одиниць, зокрема з їх неперекладністю на лексичному рівні, особливостями мови перекладача тощо.

Some Specificities of the Masculine and the Feminine Elements in Czech Phraseology in contrast with Spanish

Petr Šlechta
University of Granada

Keywords: linguistics; phraseology; linguistic picture of the world; Czech; Spanish.

The field of phraseology can be understood, to a certain degree, as a repository of knowledge and experience gained by the different cultures over a longer period of time or a source of opinions formulated within these cultures on a basis of the specific circumstances by which the particular culture has been influenced (geography, social structure, religion, history, etc.). The experience, knowledge and opinions can be, in some way, reflected in the language.

A great number of phraseological units across the languages of the world feature elements explicitly or implicitly denoting "the masculine" or "the feminine", an opposition based on the physical differences between the male and female sexes. This study focuses on the elements related to masculinity and femininity as they are projected into Czech and Spanish phraseology. After a brief methodological and terminological introduction, the presentation will deal with several examples demonstrating the tendencies in the two languages with respect to the linguistic picture of the world that lies under these units. Through the analysis of the "cognitive focus" of the phraseological units found in the respective dictionaries (phraseological or monolingual), we will try to uncover some patterns existing in the two languages/cultures, which may possibly enable us to understand some cultural differences among the Czech and Spanish speaking territories.

Los equivalentes polacos del tiempo *Pretérito perfecto simple* en las traducciones de la narrativa española

Paulina Smolan
University of Granada

El sistema de los tiempos gramaticales en la lengua española es mucho más complejo que en la lengua polaca: en español existen cuatro tiempos pretéritos de modo indicativo, mientras que el idioma polaco cuenta con un solo tiempo pretérito (*czas przeszły*), que puede tener dos formas: *czas przeszły dokonany* (tiempo pasado de aspecto perfectivo) y *czas przeszły niedokonany* (tiempo pasado de aspecto imperfectivo). En este artículo la autora analiza los posibles equivalentes del tiempo pretérito perfecto simple en la lengua polaca. Asimismo, se describen las características de la categoría de aspecto en la lengua polaca y española, ya que en los dos idiomas se manifiestan diferencias considerables acerca de esa cuestión. Además, se explica qué equivalentes del tiempo pretérito perfecto simple se proponen en los trabajos de lingüística y por qué *czas przeszły dokonany* no puede ser considerado el equivalente exacto del tiempo pretérito perfecto simple. La autora analizó tres libros en español y sus traducciones en polaco: *El invierno en Lisboa* (1987) de Antonio Muñoz Molina, *El orden alfabético* (1998) de Juan José Millás y *El tocador de señoras* (2001) de Eduardo Mendoza. Para que el trabajo sea coherente, el análisis se basó en obras escritas solamente por autores españoles, ya que en gran parte de Hispanoamérica el pretérito perfecto simple apenas se usa. La selección de libros de diferentes décadas y de autores diferentes permitió conservar la heterogeneidad del corpus analizado. La investigación realizada se centró en analizar todos los verbos en el tiempo pretérito perfecto simple que aparecen en el corpus español (sobre 5000 verbos) y en compararlos con sus traducciones a la lengua polaca. En el artículo se han descrito cuatro formas gramaticales empleadas para traducir el pretérito perfecto simple: tiempo pasado de aspecto perfectivo, tiempo pasado de aspecto imperfectivo, distintos tipos de *imiesłów* (forma gramatical que no tiene su equivalente exacto en la lengua española) y sustantivo.

Argumentacja w dyskursie prawnym

Marta Sobieszewska
Maria Curie-Skłodowska University

Badanie argumentacji w dyskursie jest próbą odpowiedzi na pytanie, w jaki sposób słowo (mówione lub pisane) oddziałuje na drugiego człowieka i wpływa na zajęcie

przez niego określonego stanowiska lub orientuje jego wizję rzeczywistości. Jest też postawieniem tezy, że każde słowo dąży, rozmyślnie bądź nie, do tego, aby mieć wpływ na słuchacza. W dyskursie prawnym, bardziej niż w jakimkolwiek innym, użycie słowa jest nierozłącznie związane z jego skutecznością, a mowa jest formą oddziaływania na innych. Dlatego warto zastanowić się, jakie środki werbalne, jakie strategie (spontaniczne lub zaprogramowane) zapewniają mu taką siłę, jako punkt wyjścia przyjmując metodę badawczą d'Amossy.

Wiemy, że argumentacja nie jest jednym z wielu typów dyskursu, ale stanowi jego integralną część *per se* i dotyczy tak samo wiadomości telewizyjnych, jak i opisu, opowiadania, czy też konwersacji rodzinnej (Amossy: 2013). Bez wątpienia istnieją gatunki, których oczywistą intencją jest perswazja, a celem argumentacja. Jednak są też takie dyskursy, dla których perswazja nie jest najważniejsza, a argumentacja pojawia się jako skutek deklarowanego zamiaru. Aby określić kierunek wpisany w dyskurs, a także by naświetlić temat podjętej problematyki, należy również scharakteryzować *wymiar* argumentacji (*dimensión argumentativa*). W tej perspektywie argumentacja może stanowić gałąź analizy dyskursu.

Zdolność do wywołania aprobaty implikuje, że organizacja tekstu i strategii werbalnych jest zaangażowana w sytuację (rzeczywistość) dyskursywną. Należy więc wyodrębnić: kto do kogo mówi, z jakiego miejsca i w jakich stosunkach władzy (zależności) znajduje się, a także określić kadr instytucji oraz przestrzeń dyskursu.

Znaczenie powyższych zagadnień można bez trudu dostrzec w praktyce społecznej. Znajdują się one także w centrum dyscypliny, której źródła sięgają czasów antycznych, a mianowicie: retoryki, dla której pierwotnie użycie słowa było nierozłącznie związane z jego skutecznością. Dyskurs - skierowany do mas, wybranych grup, czy też konkretnego słuchacza - zawsze próbuje wpłynąć na publiczność. Przede wszystkim, podejmuje wysiłek, by podzieliła ona głoszoną tezę (cel argumentacyjny). Może też, skromniej, chcieć „tylko” kształtować sposób myślenia, widzenia, odczuwania - w takim przypadku posiada *wymiar argumentacyjny* (*dimensión argumentativa*). Celem niniejszej prezentacji będzie analiza na przykładzie dyskursu prawnego, w jaki sposób słowo nabiera mocy i wpływa na audytorium.

Deslexicalización de nombres propios en textos poéticos del español, bielorruso y ruso

Yauheniya Yakubovich
Autonomous University of Barcelona

La *deslexicalización* (o *desautomatización*) es un recurso lingüístico que implica la modificación del significado y, a menudo, del significante de un *frasema* (*expresión*)

fija). Consiste, básicamente, en el desbloqueo de las restricciones semánticas y sintácticas de un frasema, como sucede en este título de un poema bielorruso:

Спеў аб маім суіцідзе (Хадаловіч, 2004)

{Cantar de mío suicidio}

Sólo se puede hablar de efecto de deslexicalización si el lector puede restablecer el frasema inicial a partir de la secuencia deslexicalizada (o *expresión fija modificada*, según la terminología de García-Page, 1989).

Aunque la deslexicalización como método estilístico puede observarse ya en textos muy antiguos, el interés teórico por este procedimiento es bastante reciente. Han repertoriado y analizado frasemas deslexicalizados en textos poéticos españoles y hispanoamericanos autores como García-Page (1989) o Blanco (2012); en poesía polaca, Pajdzińska (1993); en prensa rusa, Kuklina (2006); en novela francesa, Ben Amor (2007); en poesía catalana y bielorrusa, Blanco & Yakubovich (2012), etc.

Además de los frasemas convencionales (nos basamos en la tipología fraseológica de Mel'čuk, 2013), también los *nombres propios complejos* son objeto de deslexicalización en la poesía moderna, si bien este tipo de deslexicalización no parece haber sido aún muy estudiado.

Jonasson (1994: 21) define el nombre propio como «toda expresión asociada, en la memoria a largo plazo, a un ente particular en virtud de un vínculo denominativo convencional estable». Los nombres propios complejos constan de dos o más elementos léxicos e imitan la forma y las funciones sintácticas de colocaciones y locuciones, por esa razón los consideramos como un tipo *sui generis* de frasemas.

Así pues, el objeto de esta comunicación será describir y comparar casos de deslexicalización de nombres propios (concretamente de *topónimos*, *antropónimos* y *títulos multiléxicos*) en un extenso corpus poético español, ruso y bielorruso y determinar sus efectos estilísticos. Señalemos que el presente estudio forma parte de una investigación más amplia (cf. Yakubovich, 2013) que tiene por objeto analizar la deslexicalización de todo tipo de frasemas en una muestra de textos poéticos contemporáneos en seis idiomas (francés, español y catalán como componente románica; bielorruso, ruso y polaco como componente eslava); es decir, desde una perspectiva contrastiva plurilingüe.

Bibliografía

Ben Amor, Th. (2007) *Le jeu de mots chez Raymond Queneau*. Tunisie : Faculté des Lettres et des Sciences Humaines de Sousse.

Blanco, X. (2012) «Le défigement des locutions nominales comme trait de style dans la poésie de Mario Benedetti». In Blanco, X. ; Fuentes, S. & Mejri, S. (éds.) *Les locutions nominales en langue générale*, Bellaterra: Servei de Publicacions de la UAB, pp. 33-60.

Blanco, X. & Yakubovich, Y. (2012) «Desfraseologización de funciones léxicas en poesía». In Ju. Apresjan et al. (eds.) *Meanings, Texts and Other Exciting Things. A Festschrift to Commemorate the 80th Anniversary of Professor Igor Alexandrovič Mel'čuk*. Moscow: Yasiki slavianskoy kulturi, pp. 67-74

García-Page, M. (1989) «Sobre los procesos de deslexicalización en las expresiones fijas». In *Español Actual*, 52, pp. 59-79.

Jonasson, K. (1994) *Le nom propre. Constructions et interprétations*. Duculot: Louvain-La-Neuve.

Mel'čuk, I. (2013) «Tout ce que nous voulions savoir sur les phrasèmes, mais...». In *Cahiers de lexicologie. Revue internationale de lexicologie et de lexicographie*, 102, pp. 129-149.

Pajdzińska, A. (1993) *Frazeologizmy jako tworzywo współczesnej poezji*. Lublin: AWH

Yakubovich, Y. (2013) «Défigement dans les textes poétiques. Typologies et exemples en français, espagnol, catalan, polonais, russe et biélorusse». In Van Campenhoudt, M. & Mangeot-Nagata, M. (éds.), *Lexicologie, terminologie, traduction : Nouvelles recherches au cœur d'un système. Actes de la première journée « Jeunes chercheurs » du réseau Lexicologie, terminologie, traduction, dans Équivalences*, 2013, 40/1-2.

Куклина, И. (2006) *Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. На правах рукописи. Москва: Московский Государственный Областной Университет.

Хадановіч, А. (2004) *Лісты з-пад коўдры*. Мінск: Логвінаў.

The Russian Verb under the Influence of German Language

Maria Yastrebova
University of Leipzig

This paper presents an analysis of changes in Russian verb usage under the influence of German language. The aim of the study is to analyse the deviations in the usage of Russian verbal aspect and in Russian verbs of motion.

The material for the study comes from a corpus of oral and written texts collected from heritage speakers of Russian. Forty seven adult speakers of different age, who have been living in Germany for different lengths of time (7-55 years), participated in the study.

The following tendencies were revealed:

1. Speakers feel uncertainty using prefixes and often mix them up (Example 1). In all these cases the verbal aspect is used correctly.
2. The number of analytical forms increases. In Heritage Russian the synthetic future tense often disappears and is expressed analytically. The perfective is replaced by a combination of the auxiliary verb *быть* and the imperfective verb (Example 2). Many prepositional verbs are also replaced by the combination of the perfective phase verb and imperfective notional verb (Example 3).
3. No lexicalisation of aspect was found. The studies of Anstaat (2008) and Clasmeier (2010) show the same results.
4. A significant preference for perfective forms in the class of accomplishments was observed even in contexts (habitual and action-in-process) where the perfective usage is ungrammatical (Examples 4, 5). For this analysis Vendler's (1967) verb classification and its application to Russian as proposed by Braginsky and Rothstein (2009) were used.
5. Multidirectional verbs of motion are often replaced by unidirectional verbs in spontaneous oral speech. Pfandl (1997) revealed the same trend studying Russian speakers in Austria.

To date, the Russian verbal aspect in Heritage Russian in Germany is relatively

stable. The observed deviations in verbal aspect usage and in the usage of verbs of motion show a tendency towards the simplification of Russian grammar in Germany. Concluding, I'll compare the results of my study with the research of Russian verbal aspect in the USA of (Laleko 2008, 2010; Polinsky 1996, 2009).

Examples:

(1) Деньги можно положить.PERF в свое дело (Standard Russian: *вложит*.PERF)

'Money can be invested in one's own business'

(2) Он будет обижаться.impf (Standard Russian: *обидется*.PERF)

He will.3SG be offended.IMPF

'He will be offended.'

(3) Этот мужчина стал первым говорить(Standard Russian: *заговорил*.PERF)

this.NOM man.NOM began.PERF first speak.IMPF.INF

'This man was the first to speak.'

(4) В большинстве случаев они опубликовались под псевдонимом

(Standard Russian: *публиковались*.IMPF)

In majority.PREP cases.GEN they were published.PERF under pseudonym.INSTR

'In most cases they were published under a pseudonym.'

(5) Пираты, обзывая друг друга, спрятали сокровище

(Standard Russian: *прятали*.IMPF)

Pirates.NOM swearing at each other.ACC hid.PERF treasure.ACC

'Pirates swearing at each other hid treasures.'

(6) Мы едем в Берлин иногда (Standard Russian: *ездим*.MULTID)

We go.UNID to Berlin.ACC sometimes.

'We go to Berlin sometimes.'

References

Laleko, O. (2008) Compositional Telicity and Heritage Russian Aspect. In: M. Grosvald and D. Soares (eds.) *Proceedings of the Thirty-Eighth Western Conference on Linguistics (WECOL)*, Davis, UC Davis, 150-160.

Laleko, O. (2010) *The Syntax-Pragmatics Interface in Language Loss: Covert Restructuring of Aspect in Heritage Russian*. Doctoral dissertation.

Pfandl, H. (1997) Abweichungen im Gebrauch der Verben der Fortbewegung bei in Österreich lebenden Sprecher(inne)n mit russischer Erstsprache und frühem Ausreisearcher. In: *Mitteilungen für die Lehrer slawischer Fremdsprachen* 73/6: s. 13-27.

Polinsky, M. (1996) *American Russian: An Endangered Language?* <http://idiom.ucsd.edu/~polinsky/pubs/american-russian.pdf> (Date accessed 10.11.2008)

Polinsky, M. (2009) Without Aspect. In: G. Corbett and M. Noonan (eds.), *Case and Grammatical Relations*. Amsterdam, John Benjamins, 263-282.

Dyskurs medialny w polskich badaniach językoznawczych

Urszula Żydek-Bednarczuk
University of Silesia in Katowice

W publikacjach dotyczących dyskursu, stylistyki i tekstu pojawia się pojęcie dyskursu medialnego. Celem referatu jest prezentacja podstawowych założeń dyskursu medialnego wyeksplikowanych z prac polskich językoznawców. W badaniach nad dyskursem analizuje się go jako konkretne zdarzenie komunikacyjne. Możemy więc traktować dyskurs medialny jako siłę sprawczą nowoczesnego społeczeństwa. Dyskurs jest sposobem nadawania znaczenia pewnemu konkretnemu obszarowi życia społecznego, postrzeganego z perspektywy mediów. Zakładamy istnienie wzajemnego oddziaływania pomiędzy poszczególnymi rodzajami zachowań dyskursywnych, a konkretnymi obszarami życia społecznego, w których one zachodzą. W artykule przyjmuje się dyskurs medialny jako obiekt badań lingwistycznych, w których uwzględnia się następujące parametry: interdyscyplinarność, koncentrację na uwarunkowaniach zewnętrznych - kulturowych, społecznych, politycznych, jak i wewnętrznych - tekstowych, językowych i stylowych, przynależnych do danego medium i przysługujących określonej grupie tekstów;

metodę wieloaspektowej analizy dyskursu obejmującej ustalenie treści/ tematów konkretnej wypowiedzi i badanie użytych strategii dyskursywnych, badanie użytych środków językowych (typy) oraz ich konkretnych, uzależnionych od kontekstu realizacji (okazy);

analizę różnych form wypowiedzi powstałych w danym medium, opierającą się na ustaleniach wzorca tekstowego, tematu, funkcji i sytuacji, w której dane teksty powstają.

Wobec szerokiego spektrum badań do analizy wybrano dyskurs internetowy, wskazując na jego specyfikę. Przegląd polskich badań pozwala na wskazanie cech językowych i stylowych dyskursu internetowego, z uwzględnieniem poziomu pisowni, ortografii, interpunkcji a także poziomu leksykalnego i składniowego. W wielu pracach zwraca się uwagę na przeobrażenia języka i stylu dyskursu internetowego. Oprócz specyficznych właściwości i interpunkcyjnych do osobliwości wypowiedzi internetowej należą: słownictwo internetowe, zapożyczenia, słowotwórstwo w słownictwie internetowym (przedrostki i akronimy), gry i kreacje językowe, emotikony, pseudonimy (nicki), adresy elektroniczne i sygnatury, netykieta. W składni wypowiedzi internetowej dokonują się przemiany widoczne w użyciu poszczególnych kategorii syntaktycznych, uwarunkowane semantyzacją i walorami pragmatycznymi układów komunikacyjnych. Występują tu: strukturyzacja, modyfikacja rekcji, skracanie i upraszczanie struktury, zapożyczenia, wariantyzacja stylowa. W badaniach uwzględnia się również nowe gatunki internetowe.

Rozwinięte sieciowe technologie i interfejsy spowodowały powstanie nowej

„językowości internetowej”. Nie zmienia ona jednak kondycji języka, raczej otwiera pole do nowych badań nad dyskursem medialnym.

За продуктивността на историческите редувания в словоизменението на нови думи в българския език

Йорданка Велкова
Sofia University “St. Kliment Ohridski”

Целта на доклада е да разгледа функционалността на морфонологичните редувания от гледна точка на тяхната автоматичност и предсказуемост на морфологично равнище. Обект на изследване са моделите на образуване на множествено число от нови съществителни имена. Задачите са да се опишат и анализират: 1) обхватът и фреквентността на редуванията, както и 2) факторите, от които зависи тяхното разпространение и устойчивост. При описание на редуванията при съществителните имена е ексцерпиран материал от речници. В първата част на работата са представени парадигмите на съществителни имена с корен на веларен консонант *к*. Описани са, от една страна, всички словоформи с редуване *к-ц* в множествено число на нови съществителни от типа *ноутбук – ноутбуци, плейбек-плейбеци* и др., а от друга – словоизменението на нови съществителни имена, завършващи на *к*, при които липсва форма за множествено число в *Официалния правописен речник* от 2013г., например: *хайтек – **, *шорттрек – ** и др.

В синхронен план е разгледана и продуктивността на историческото редуване *г-з*. Неговата поява е непоследователна в образуването на множествено число на нови съществителни на *г*. Редуването е характерно за редица съществителни на *-ог* и *-инг* от типа на *каталог – каталози, боулинг – боулинги, брифинг – брифинги* и др. Не е ясно обаче дали към този модел се отнасят абсолютно всички съществителни на *-инг*, тъй като при много нови думи липсват форми в Речника, например: *джогинг – **, *дресинг – **, *дъмпинг – ** и др.

За разлика от морфонологичните редувания *к-ч, г-з* обхватът на редуването *х-с* е ограничен. Среща се в малко на брой думи като: *алманах-алманаси, кожух-кожуси, монарх-монарси* и др. В нови думи се среща само при *ауспух-ауспуси*. Направени са изводи за различните етапи на развитие, в които се намират морфонологичните редувания със сходна диахронна обусловеност. В синхронен план редуването *к-ц* е напълно граматикализирано и системно се идентифицира с граматическата категория число. Редуването *г-з* е със степен на граматикализация и степен на лексикализация, а редуването *х-с* е в етап на лексикализация.

«Эмоциональное» словообразование: об особенностях словообразовательной репрезентации эмоциональных концептов в русском языке

Ирина А. Вотякова
Udmurt State University

Словообразование служит для обозначения явлений мира, в котором существует человек. Важно понимать, что вся совокупность словообразовательных единиц, выражающих определенное словообразовательное значение, тесно связана с когнитивными процессами деривации слов. Уже то, что в языке выделена данная подсистема, задачей которой является появление новых производных для обозначения реалий мира, говорит о ее важности и значимости. Границы данной подсистемы определяются целями и набором формальных словообразовательных средств, которые необходимы для реализации когнитивного отражения мира. Словообразование должно располагать необходимыми средствами для выполнения данной функции. При этом системность словообразования обуславливает определенный автоматизм и потенциал в появлении новых слов.

Эмоциональные концепты являются важной составляющей эмоциональной языковой картины мира и отличаются дополнительными эмотивными, ценностными и оценочными характеристиками. К базовым эмоциональным концептам относят *радость, грусть, гнев, удивление*.

Структурирование картины мира возможно при помощи исследования словообразовательного гнезда и словообразовательных парадигм, т.к. такой анализ может иметь и прогностический характер. При рассмотрении структуры концепта с этой точки зрения порядок образования производных слов может не иметь принципиального значения, т.к. семантический компонент, свидетельствующий о принадлежности данному словообразовательному гнезду, присутствует в каждой языковой единице. Говорящий интуитивно чувствует связь производных и почти безошибочно относит его к определенному словообразовательному гнезду.

Даже поверхностный анализ показывает аналогичную структуру и значительное совпадение структурных и семантических особенностей в анализируемых словообразовательных гнездах эмоциональных концептов.

Отметим, что распределение производных и общая структура значимых элементов ситуаций совпадает: например, немногочисленность производных со значением лица и места, наличие существительных, значимость адъективного и глагольного словообразования, наличие сложных существительных и прилагательных, словообразование при помощи аффиксов субъективной оценки и т.д.

Прагматизация значения глаголов с помощью двух и более префиксов в современном русском и болгарском языках

Неля С. Иванова
Assen Zlatarov University

В докладе анализируются многоприставочные глаголы в современном русском и болгарском языках. Особое внимание уделяется их семантике и употреблению в разговорной, поэтической и публицистической речи с целью создания экспрессивного воздействия на слушателя или читателя. Выявлены некоторые закономерности структурирования и функционирования полипрефиксальных глаголов в русском и болгарском языках в сопоставительном плане.

Функционирование двух и более префиксов с глагольной основой является специфической и малоизученной темой. В русской лингвистике она была поставлена Л.П. Ройзензоном еще в 1966, 1974 г, [10: с. 67]. Автор исследовал преимущественно семантику вторичных префиксов. Исследования М. Гиро-Вебер имеют ту же тематику. В них М. Гиро-Вебер приходит к важным выводам, что набор значений вторичных префиксов меньше, чем у первичных. Так как второй префикс лишен непосредственной связи с глагольной основой, его влияние на нее ограничено. М. Гиро-Вебер разделяет позицию Л. Ройзензона, что значение второй приставки просто «накладывается» на типовое интегрированное значение одноприставочной глагольной основы, не меняя ее сущности. Кроме того, в работе подчеркивается, что вторичные приставки не влияют на глагольный вид и не могут десемантизироваться. По мнению М. Гиро-Вебер, вторые приставки вносят в приставочный глагол дополнительные семантические нюансы, а также являются показателем превращения стилистически нейтрального глагола в «окрашенный». В этом смысле вторые приставки являются сигналом о том, что говорящий находится «за пределами» литературного языка и официальной речи [10: с. 68].

Полностью разделяя представленные точки зрения, мы поставили перед собой задачу изучить реализацию разнообразных комбинаторных возможностей глагольной полипрефиксации в русском и болгарском языках.

Оказалось, что полипрефиксированные глаголы более характерны для болгарского языка, чем для русского. Корпус эксцерпированного языкового материала для болгарского языка составляет более 2100 глаголов. Источником исследования послужил «Словообразовательный словарь современного болгарского языка» (1999), дополненный анкетой информантов и материалами СМН, В русском языке (исследование проводилось на основе «Словообразовательного словаря русского языка» (2006) под ред. А.Н. Тихонова, «Словаря русского языка» (1981) в 4-х томах, «Толкового словаря русского языка» (2004) под ред. С.Н. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) количество фиксированных конструкторов

намного меньше [12: с. 117].

Согласно источникам, в процентном отношении самыми употребляемыми в болгарском языке являются полупрефиксные глаголы с формантом **цпо-** (41,44%), следует **нас-** (18,52%), **поиз-** (16,72%), **пона-** (16,05%) [12: с. 119-122].

Нет сомнения, что полипрефиксные глаголы делают нашу речь очень эмоциональной, выразительной, экспрессивной. Употребление таких глаголов представляет собой очень экономное средство для достижения определенного эффекта воздействия на слушателя. При этом говорящий как бы «программирует» реакцию слушающего, внушая ему свое «видение» ситуации.

Достаточно сравнить следующие примеры, чтобы фиксировать различную субъективную оценку говорящего о степени допустимости и приемлемости ситуации, а также очень типичную для разговорной речи склонность к гиперболизации:

Хапнахме, пийнахме, позабезихме, понапихме се. и Изпонаядохме се, изпонапихме се!

Понапридумывают всякие бумажки!; Распонатыкали тут заборов! (в тв передаче о самовольном расширении дачных зон Москвы).

«Реабилитация» собственных действий и ИХ вполне допустимый и приемлемый, согласна говорящему, результат достигается употреблением полиприставочных глаголов с префиксом **по-**:

А тази статуетка пооткраднах от представлението в... (тв интервью).

Аз пък винаги се старая да го позахвалявам! Още тогава разказах само хубави неща за него и така се стараех да променя отношението им към него (разг. речь)

Возможное выражение различной степени субъективной оценки данного события, достигаемое полипрефиксными глагольными конструкциями, эксплуатируется часто в публицистической речи, чтобы представить, например, отсутствие категоричности:

Правителството се пообърка за престъпните имоти. (газеты «Сего», .02. 2006);

внушить дополнительные нюансы смысла о том, как на самом деле протекало действие:

Попринажали его, понавычеркивал он все имена, теперь мы спокойны. (тв интервью).

О границах функционального класса коннекторов

Ольга Инькова
University of Geneva

Если в англо-американской, французской и немецкой лингвистике теоретические проблемы описания дискурсивных слов вообще и коннекторов в частности продолжают вызывать интерес (см. из недавних работ Pasch *et al.* 2003, Fischer 2006, Flament Boistrancourt & Trévisé 2011, Rodríguez Somolinos 2011), то в русистике, после основополагающей работы Черемисиной & Колосовой (1987) и ряда работ в данном направлении в 1990-е гг. (см., в частности, ряд исследований под руководством Д. Пайара и К. Киселевой) эта проблематика практически не разрабатывается или касается «общепризнанных» связующих средств (см., например, работы о сочинительных союзах В. Санникова и Е. Урысон). Поэтому параметры описания коннекторов, метаязык этого описания, а также вопросы определения границ этого функционального класса остаются еще во многом мало разработаны применительно к русскому языку, представляющему в этом отношении целый ряд функциональных особенностей по сравнению с романскими и германскими языками. Не получили адекватного описания и многие языковые единицы, способные выполнять в русском языке связующую функцию, а некоторые из существующих описаний требуют уточнений (см. дискуссию в Инькова 2013¹, 2013², 2013³).

В сообщении предлагается обсудить эти проблемы на примере употребления словосочетания *в самом деле*. Отталкиваясь от двух наиболее полных описаний этой языковой единицы (Iordanskaja & Mel'čuk 1999, дополненное в Иорданская & Мельчук 2007, и Баранов, Плунгян & Рахилина 1993), я остановлюсь на следующих пунктах:

- метаязык описания коннекторов и степень его формализации;
- параметры описания коннекторов, в частности, необходимость различать уровни семантического анализа;
- критерии, позволяющие отнести ту или иную языковую единицу к классу коннекторов, в особенности, необходимость левого контекста;
- проблемы классификации семантических отношений, выражаемых коннекторами.

В заключение, на основе выдвинутых теоретических положений, будет предложено описание *в самом деле*, позволяющее решить вопрос о его принадлежности – в некоторых случаях его употребления (см. приведенные ниже примеры) – к функциональному классу коннекторов, как это предлагают Иорданская & Мельчук (1999, 2007).

(1) Мир кошки выглядит блёклым и бледным. (...). Лишь отдельные цвета – например, голубой – скрашивают её кругозор. *В самом деле*, зачем кошке

переливы красок? Её исконная добыча – мышь или воробей – одинаково съедобна, какими бы красками ей ни расписала пёрышки и шерсть Природа (НКРЯ)

(2) Однажды, когда я учился в школе, мы всем классом работали на одном приморском пустыре, стараясь превратить его в место для культурного отдыха. Как это ни странно, *в самом деле* превратили (НКРЯ).

Литература (выборочно)

Баранов А., Плунгян В. & Рахилина Е. (1993), *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*, Москва, Помовский и партнеры.

Инькова О. (20131), «“А в остальном, прекрасная маркиза...”»: о семантике *в остальном*, *в прочем* и *впрочем*», *Русский язык в научном освещении* 25 (1/2013), сс. 21-40.

Инькова О. (20132), «О семантике так называемых градационных союзов *не столько... сколько* и *скорее... чем*», *Вопросы языкознания* 1, сс. 38-52.

Инькова О. (20133), «Предложения пропорционального сравнения в русском языке: некоторые уточнения», *Russian Linguistics* 37 (2/2013), сс. 103-124.

Иорданская Л. & Мельчук И. (2007), *Смысл и сочетаемость в словаре*, Москва, Языки славянских культур.

Черемисина М., Колосова Т. (1987), *Очерки по теории сложного предложения*, Новосибирск, Наука.

Fischer K. (éd.) (2006), *Approaches to Discourse Particles* (Studies in Pragmatics, vol. 1), Amsterdam, Elsevier.

Flament Boistrancourt D. & Trévisé A. (éds) (2011), *Les connecteurs : descriptions, traduction, apprentissage*, *Revue française de linguistique appliquée* XVI-2.

Iordanskaja L. & Mel'čuk I. (1999), « Textual Connectors across Languages: French *EN EFFET* vs Russian *V SAMOM DELE*, *RASK* 9/10, pp. 305-347.

Pasch R., Brauße U., Breindl E. & Waßner U. H. (2003), *Handbuch der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfers (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln)*, Berlin, New York, Walter de Gruyter.

Rodríguez Somolinos A. (éd.) (2011), *Les marqueurs du discours : approches contrastives*, *Langage* 184.

Типы «вопросов-отрицаний»

Алевтина А. Калинина

Mari State University

Под рубрикой «вопросы-отрицания» представляется возможным объединить диалогические реплики-реакции, имеющие форму вопроса, цель которых – выражение негативного отношения говорящего к происходящему или высказываемому собеседником.

Отрицание как тип негативно-оценочного отношения к предмету речи – компонент блока субъективных смыслов высказывания, в т.ч. его иллокутивной составляющей, поэтому границы и объем «вопросов-отрицаний» не совпадают с границами «вопросительно-отрицательных» предложений [Лекант 2002] – положительных по форме вопросов, из которых эксплицируется отрицательная пропозиция (ср. также: [Канафьева 2011; Мостовая 2008]).

К числу «вопросов-отрицаний» относится значительная часть т. наз.

«экспрессивно-отрицательных вопросов», в качестве основных подвидов которых могут рассматриваться «возмущенные вопросы» (*Как ты смеешь?!*) и «вопросы-возражения» (*Да какой он поэт?!*), разграничиваемые по принципу: «реакция на факт / реакция на мнение».

С выражением отрицания как негативной субъективно-оценочной реакции в той или иной мере связаны и такие типы вопросов, как «удивленный вопрос», «недоуменный вопрос», «вопрос-сомнение» («скептический вопрос» [Кобозева 1988]).

Удивление и недоумение – типы эмоционально-интеллектуальной реакции, связанной с выявлением несоответствия ожидаемого (мыслимого) и реального. Удивление совместимо как с эмоционально-положительным («приятное удивление»), так и с эмоционально-отрицательным («неприятное удивление») отношением к факту такого несоответствия, ср.: *Как, ты уже здесь?* Недоумение – однозначно отрицательная оценочная реакция. В семантике «недоуменного вопроса» элемент ‘удивление’ усилен и дополняется компонентом ‘непонимание’: *Как так – домов полно, а статуса нет?* (Мир новостей. 25 февраля 2014 года). В «вопросах-сомнениях» скептически оценивается реальность факта, представленного в вопросе: *Да был ли мальчик-то?*

По доминирующему компоненту семантики различные типы «вопросов-отрицаний» могут быть противопоставлены по признаку: «интеллектуальная реакция» («вопрос-сомнение», «вопрос-возражение») / «эмоциональная реакция» («удивленный вопрос», «недоуменный вопрос», «возмущенный вопрос»), а также по степени полноты и силы высказываемого отрицания, возрастающей в направлении: *вопрос-сомнение* → *вопрос-возражение*; *удивленный вопрос* → *недоуменный вопрос* → *возмущенный вопрос*.

Удивление, недоумение, непонимание и эмоциональный протест; недоумение, сомнение и возражение – области смежных, внутренне связанных и перетекающих друг в друга значений. Так, компонент ‘непонимание’ составляет часть семантического содержания «возмущенного вопроса», ср.: *Я не понимаю и не принимаю*. В ряде случаев высказывание сомнения или недоумения – лишь намеренно смягченный вариант выражения несогласия: *Деньги решают все?* (= ‘действительно ли деньги решают все?’; ‘неверно, что деньги решают все’).

Налицо, на наш взгляд, и особая «предрасположенность» вопросительных предложений к репрезентации именно негативных смыслов, относимых к субъективно-информативной части высказываемого.

Литература

Канафьева А.В. Риторические высказывания с семантикой отрицания // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. ст. по материалам международной научной конференции, посвященной 1000-летию г. Ярославля: в 2 ч. – Ч. I. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 34–41.

Кобозева И.М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности (перевод и лингвистический анализ). – М., 1988. – С. 39–45.

Лекант П.А. Несогласие как одно из модальных значений высказывания // Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. – М.: Изд-во МГОУ, 2002. – С. 114–115.

Мостовая Л.А. Вопросительные косвенные речевые акты (КРА) со значением отрицания // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. – С. 112-114.

Стилистическая эквивалентность в процессе и результате перевода с чешского языка на русский

Йиндржишка Капитанова
Palacký University

Исходя из теории трех уровней эквивалентности перевода (предметная, стилистическая, прагматическая эквивалентность), автор стремится изучить именно уровень лингво-стилистической эквивалентности в процессе/результате перевода текстов прагматического характера с русского на чешский язык и наоборот. Источником нежелаемой интерференции между близкородственными славянскими языками считается разница в стилистической оценке применяемых в речи языковых средств, в стереотипном применении предпочитаемых в тексте речевых приемов и стилистических оборотов (ср. нормативно-стилистический уклад языка). В частности, в случае сопоставления русского и чешского языков автором выдвигаются следующие шесть характерных стилистических черт русского языка и текста и соответствующие им трансформации при активном переводе студентами – носителями чешского языка текста с чешского на русский язык. Речь идет о большем уровне абстрактности изложения информации на русском языке (против конкретности изложения на чешском) и связанной с этим мультивербизацией (ср. пр.: *Высокой динамикой развития отличается статья /.../ - Položka /.../ se dynamicky vyvíjí*), тенденции к синтаксической сжатости высказывания на русском (по сравнению с более свободной структурой в чешском, ср. пр.: *Меры, принятые в последнее время банком, не были успешны. – Opatření, které banka v poslední době přijala, nebyla úspěšná.*), тенденции к безличной форме изложения на русском (т.е. к деагентизации, ср. пр.: */.../, как сообщили в Минфине ЧР. - /.../, jak sdělilo Ministerstvo financí ČR.*), тенденции к именному характеру синтаксических конструкций (ср. большую склонность чешского языка к применению глагольных конструкций, ср. пр.: *Отсюда необходимость создания на территории импортирующей страны сети предприятий. – Je tedy nutné, aby na území dovážející země vznikla síť podniků.*), тенденции к применению прямого порядка слов в русском предложении с

развивающим компонентом в начале (ср. инверсия в чешском предложении, ср. пр.: *Впервые в течении настоящего года Европейский Центробанк принял решение о повышении /.../ - Poprvé v letošním roce rozhodla Evropská centrální banka o zvýšení /.../*), тенденции к последовательному применению в русском тексте эксплицитных текстовых коннекторов в начальной позиции (ср. центральную позицию чешских коннекторов в предложении, их меньшую частотность, ср. пр.: *Таким образом, ключевая ставка сейчас составляет 4% годовых. – Klíčová sazba tak činí 4% ročně.*). Учет данных тенденций способствует стилистически более адекватному переводу текста на русский язык.

Молчание как знак: проблемы интерпретации

Татьяна Р. Копылова
Udmurt State University

Интерпретация - толкование, разъяснение – в современной филологической науке занимает особое место. Рассматриваемая и как процесс, связанный с познанием объекта, и как результат – установление смыслов, интерпретация дает новые возможности в декодировании знака и его значения. Акцентируя внимание на контекст, интерпретирующий подход расширяет предмет лингвистического исследования и позволяет судить о знаках, которые не имеют материального – языкового – выражения.

Молчание, подобно говорению, составляет суть человеческой коммуникации. Обладая коммуникативной значимостью и воздействующей силой, молчание рассматривается и как особый коммуникативный акт, и как нулевой речевой акт, и даже как особый вид коммуникации. Многоаспектность в изучении молчания обусловлена его многозначностью и многофункциональностью. Именно многозначность и многофункциональность молчания создает в коммуникативном пространстве той или иной лингвокультуры поле смыслов, понимание которых ставит перед лингвистами новые задачи.

Особенностью интерпретации молчания как знака является тот факт, что означаемое лишь реконструируется, причем, с высокой долей вероятности. Мы можем лишь догадываться об истинных намерениях и целях говорящего, который «молчит», «умолкает», «замолкает», «умалчивает», «хранит молчание». В акте молчания особое значение отводится контексту. Вне контекста молчание теряет свою адресность, целенаправленность, т.е. перестает быть коммуникативным и характеризуется как «не говорить», «не произносить ни звука». Вне контекста невозможно оценить и воздействующую силу молчания, которая проявляет себя лишь благодаря ответной реакции

адресата. Основной тезис интерпретирующего подхода о том, что «значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме», составляет основу анализа актов молчания.

Обращение к диалогам позволит ответить на вопросы, насколько интерпретатор может приблизиться к истинному замыслу молчащего, какие факторы влияют на адекватную интерпретацию молчания, в каком случае мы можем говорить об эффективности молчания как коммуникативного акта.

Анекдоты о животных в современном испанском и русском языках

Павел Игоревич Мариненко
University of Granada

Современный мир развивается, и вместе с ним развивается общество. Миграция населения в города переместила центр развития культуры в мегаполис, в котором начало формироваться городское общество со своей культурой, предопределившее появления городского фольклора. Одним из жанров современного городского фольклора является анекдот. В каждом анекдоте обыгрывается ситуация, используя либо отклонение от социальных канонів, которое вызывает комический эффект, либо языковую шутку, созданную с помощью лингвистических средств или нарушения языкового узуса. Процесс восприятия анекдота, который вызывает комический эффект, можно построить согласно двум теориями: обманутое ожидание и комический шок. Адресант пытается настроить адресата на анекдот, он выбирает установку и стиль, в котором он будет рассказан. Причины использования анекдота в речи непосредственно связаны с функциями, которые он выполняют: развлекательную, тематическую, текстовую, аргументативную, функцию завуалирования. Анекдоты в современном городе посвящены наиболее актуальным темам. Они являются одним из способов протеста городского общества с жизненными, социальными, экономическими, бытовыми, политическими проблемами. В испанских анекдотах выделяются следующие категории: животные выступают действующими лицами в ситуации; животные выступают действующими лицами в диалоге; комическая микроситуация, в которой что-то происходит с животными; действующие лица это животные и люди; в нем нет действующих лиц, но речь идет о животных. В русском анекдоте о животных, в отличие от испанского анекдота, мы встречаемся с постоянными лесными персонажами, которых наделил народ традиционными характеристиками. Русские анекдоты о животных разделяются на три категории: анекдот, где животные действующие лица; анекдот, где

действующие лица животное и человек; анекдот, в котором нет действующих лиц, но речь идет о животных. Анекдоты о животных в испанском и русском языках могут использовать как разные, так и общие способы создания комизма. В русских и испанских анекдотах используется полисемия, эвфемизация, антитеза, абсурдность и абсурдная логика, эффект неоправданного ожидания, метафорические и метонимические переносы, неудавшаяся коммуникация и неправильный выбор интерпретации в определенном контексте. В русских анекдотах очень часто используются прецедентные феномены. Для русских анекдотов животные, которые выступают героями, – это лесные и домашние животные, в то время как для испанских – домашние.

НЕОБХОДИМО ПОНИМАТЬ: эффекты целостной конструкции

Ирина Петровна Матханова
Novosibirsk State Pedagogical University

В работе рассматриваются некоторые семантические характеристики высказываний с предикатом *понимать* в значении ‘осознавать положение дел’ в сочетании с предикативом *необходимо (нужно)*¹.

В лингвистике глаголы понимания исследованы достаточно полно и глубоко (см. работы Ю.Д. Апресяна, Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, М.Я. Гловинская, М.А. Дмитриевской, Б.М. Иомдин и др., аналитический обзор представлен в [Иомдин 2006]). Однако исследование высказываний, включающих сочетание предикатива *необходимо* и глагола *понимать* с опорой на теорию категориальных ситуаций А.В. Бондарко [Бондарко 2002] позволяет несколько иначе посмотреть на общую картину.

Одним из типовых вариантов таких высказываний являются конструкции с целевыми распространителями, которые редки в других ситуациях понимания, ср.: ...*для характеристики русского родительного надежда необходимо понимать его связи с винительным* (А. Реформатский); ...*чтобы критиковать искусство, его необходимо его понимать* («Богатей»). Эта особенность обусловлена свойствами модального компонента.

С семантическим признаком контролируемости, планированием действия связана вариативность этих высказываний, актуализирующая значение результативности у глагола НСВ, что достигается и благодаря наречиям *четко, отчетливо, ясно*: *Когда мы говорим о помощи Ираку в подготовке его сил безопасности, необходимо **четко** понимать взаимоотношения*

¹ Примеры извлечены из Национального корпуса русского языка.

между многонациональными силами, развернутыми в стране (С. Лавров); А гениальных [людей] – совсем по пальцам пересчитать. Это очень точно нужно понимать (А. Клейн).

Кроме того, можно выделить две разновидности высказываний, связанных с известностью / неизвестностью объекта понимания говорящему. В первом случае говорящий сообщает, что именно должен усвоить субъект действия для достижения успеха: *...нужно понимать: общаться ребята будут на том языке, на котором они лучше говорят (А. Варшавская); ...нужно понимать одну вещь: все научно-исследовательские институты обладали мощной производственной базой (М. Хайруллин).* Этап понимания, по мнению говорящего, является необходимым условием, фазой совершения действия адресатом. Во втором случае говорящему неизвестен результат мыслительного процесса, но он сообщает об этапах осмысления как задачах, которые должен решить субъект действия, напр.: *...необходимо прежде всего понимать, в чем заключаются приводящие в затруднение потребности (М. Салтыков-Щедрин); ...чтобы начать дело, необходимо четко понимать, что ты хочешь и что из этого ты можешь сделать сам, своими руками (Евг. Ленц).* В том и другом случае только результат процесса понимания служит основанием для совершения действия. Отметим также, что результативность в значении глагола *понимать* несколько отличается от результативности его видового коррелята в подобных высказываниях.

Литература

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002.

Июмдин Б.Л. Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография. – М., 2006.

Славянските книжовни «микроезици» и тенденцията към интернационализация (Върху примери от книжовния език на банатските българи)

Маринела Младенова
South-West University "Neofit Rilski"

През последните десетилетия проблемите, свързани с интернационализацията на съвременните славянски езици, са многократно дискутирани на научни форуми и в множество изследвания. Повечето от авторите определят интернационализацията като универсална тенденция, действаща във всички съвременни езици, и отбелязват, че след 90-те години тя „носи глобален характер и се проявява в славянските езици необикновено активно и интензивно, даже

агресивно”.

В периферията на този научен интерес остават т. нар. славянски книжовни „микроезици”, които не правят изключение от тази тенденция и при които се наблюдават интересни от езикова и социолингвистична гледна точка процеси. Целта на доклада е да представи езиковата ситуация и промените в лексиката на банатския български книжовен език, предизвикани от процесите на езикова глобализация в съвременния свят.

Александър Дуличенко определя езика на банатските българи (живеещи днес в северната част на Банат, на територията на Румъния, и в южната му част, на територията на Сърбия) по географски признак, като „островен”, т.е. намиращ се в чуждоезично обкръжение и откъснат от своя „език-корен”, а генетически – като български³.

В българската наука езикът на българите католици в Банат се разглежда като втора книжовна писмено-регионална норма на българския, която използва като писмена система не кирилската, а латинската графика. Книжовната му традиция води началото си от 1851 година, като в периода между 1943 и 1989 година тя е прекъсната, спрени са печатните медии, не се издава художествена литература, езикът не се изучава в училище и функциите му се ограничават до употреба за нуждите на вероизповеданието и за всекидневно устно общуване. Новото възраждане за този книжовен микроезик започва в края на 1989 година заедно с настъпилите промени в обществения, политическия и културния живот на страните от Централна и Югоизточна Европа, когато писмената му традиция е възстановена. Въз основа на анализ на езика на печатни издания (вестници и списание), излизали след 1989 година на банатски български, ще бъдат коментирани проблеми и тенденции, предизвикани от процесите на езикова интернационализация, както и въпроси на езиковата стандартизация на микроезика.

² **Босак 2003:** Bosák J. Procesy internacionalizácie dnes. // *Jazykovedný časopis*, 54, 2003, 1 – 2, 3 – 5.

³ **Дуличенко 2006:** Дуличенко А.Д. Современное славянское языкознание и славянские литературные микроязыки. В: *Славянские литературные микроязыки и языковые контакты: Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов*. Тарту, 15-17 сентября 2005 г. / Под ред. Александра Д. и Свена Густавссона (при участии Джона Данна). – Тарту, 2006. – 576 с. – (Slavica Tartuensia, VII), с. 31, 34.

О взаимодействии метафоры и описания реальной ситуации в поэтическом тексте

Зоя Юрьевна Петрова
Russian Academy of Sciences

В художественной литературе часто встречается соотнесение в контексте метафор с обозначениями реалий, описанием ситуаций внешнего мира как традиционный прием оживления тропов. Это явление в литературе XIX-XX вв. изучалось в работах Н.А.Кожевниковой (например, [Кожевникова 1991]). В современной поэзии встречаются и традиционные случаи опоры тропов на изображаемые реалии и ситуации, и новые случаи соотнесения иносказательного и реального планов высказывания.

Для поэзии второй половины XX в. характерно наличие высказываний, называющих ситуации, элементами которых являются метафорические употребления слов наравне с прямыми, обозначающими реалии окружающего мира. Можно выделить различные типы связи между описанием ситуации внешнего мира и метафорой:

I. Причинно-следственная связь. Направление связи может быть двояким: от реальной ситуации к метафорической и от метафорической к реальной. Первое направление связи реализуется в контекстах, сходных с традиционными случаями опоры тропа на реалию; второе – от тропа к реальной ситуации – реализуется в контекстах, где у метафоры, образной ситуации появляются следствия в реальном мире: *Свет смысла нам разогревает циц / и воду кипятит в тазу для стирки* (Мориц),

II. Локативная связь. Подобные конструкции маркирует как необычные обстоятельство места, обозначающее фрагмент изображаемой действительности. Можно выделить несколько типов таких конструкций:

II.1. метафора-загадка, воспринимаемая как метафора благодаря необычному обстоятельству места: *Увижу ли на небе нозоть, / Тобой остриженный, прилипший, / и сердце начинает екать, / хоть всем не скажешь из приличий* (Вознесенский).

II.2. генитивная метафора, «образная» часть которой семантически соотносится с обстоятельством места – фрагментом изображаемой действительности: *Надежды грозный луч / Проткнул лохмотья туч / И постучал в ключицу* (Мориц).

III. Наиболее часто встречающиеся конструкции – метафоры, создающиеся в контексте соотнесения словоупотреблений, относящихся к нематериальному миру, например к внутреннему миру человека, с реальной ситуацией внешнего мира. Такая метафора представляет собой предикат, один из актантов (или

единственный актант) которого обозначает невещественное понятие, при этом:

III.1. другой актант обозначает реалию внешнего мира: *Так развевайся над прочими, / ветер, суровый утонченник, / ты, разрывающий клочьями / сотни любовей оконченных* (Асеев).

III.2. сирконстант(ы) предиката обозначают реалию (-и) внешнего мира: *И постояльца прежнего звала / его тоска, дичавшая за шкафом* (Ахмадулина).

Большинство таких контекстов выражают активное взаимодействие человека и окружающего мира в современной поэзии, разомкнутость внутреннего мира человека, вторжение в него внешнего мира и, наоборот – «экстериоризацию» внутреннего мира.

Литература

Кожевникова Н.А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Поэтика и стилистика. 1988-1990. М., 1991, С. 37-63.

Синтаксически выражаемый подтекст как средство углубления смысла прозаического текста

Наталья Пушкарева
Saint Petersburg State University

Термин “подтекст” широко применяется в различных сферах гуманитарных исследований [4,5,10,11,12], однако чаще всего о нем говорится в филологических работах, в которых термин связывается с особенностями формирования текстового смысла [1,2,3,6,7]. Вряде прозаических произведений смысловые нюансы эксплицируются как на лексическом уровне, так и за счет актуализации семантического потенциала языковых средств. В некоторых текстовых отрывках на эксплицитном, то есть диктумном уровне излагается сюжет, а имплицитный уровень содержит сведения о переживаниях героев или повествователя (модус). Переход от содержания текста к его смыслу возникает вследствие взаимодействия содержащейся в нем эксплицитной информации, передаваемой значениями языковых единиц, и подтекстовой информации, которая различается способами передачи личностных смыслов повествователя.

В художественном тексте постоянно взаимодействуют сюжетная (нарративная) повествовательная линия и ментально–эмоциональная линия, своего рода эмоциональный сюжет, направленный на передачу динамики мыслей и чувств персонажа. Максимальная реализация семантического потенциала языковых единиц способствует созданию подтекста, который становится одним из

основных средств выражения информации данного рода.

Исходя из наличия в каждом высказывании двух семантических составляющих —относящейся к сфере сообщения о действительности (диктум) и связанной с отношением говорящего (пишущего) к сообщаемому (модус), — можно выделить два типа подтекста: эмоциональный и конвенциональный, используя термин, предложенный в философских исследованиях [13:468] Оба типа подтекста отражают позицию повествователя, сопровождающего свои высказывания оценками различного рода, как эксплицитными, так и имплицитными [8:66-68].

Эмоциональный подтекст передает языковыми средствами информацию об эмоциональном состоянии персонажа-рассказчика, он создается конструкциями экспрессивного синтаксиса. Этот тип подтекста на локальном уровне или на уровне целого текста расширяет рамки «человеческого присутствия» в повествовании и углубляет психологический смысл текстового отрывка.

Конвенциональный подтекст представляет собой общеизвестную информацию, выводимую из грамматических характеристик определенных языковых средств и потому доступную всем носителям языка. Он формируется неопределенно-личными предложениями, его семантика определяется кругом значений, выражаемых глагольными формами [12:311]. Конвенциональный подтекст — это дополнительная информация, которая позволяет точнее ориентироваться в обстоятельствах описываемого действия.

Взаимодействие диктумного и модусного планов приводит к тому, что точка зрения повествователя получает более отчетливое и объемное выражение, оба типа подтекста воздействуют на читателя, способствуя максимально точному воплощению авторского замысла. Подтекст возникает как реакция на потребность говорящих в адекватном выражении, которая оказывается стимулом к поиску новых средств передачи смысла.

Литература

- Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 166 с.
- Арутюнова Н. Д. К проблеме связности прозаического текста // Памяти акад. В. В. Виноградова. Сб. ст. / Отв. ред. В. Г. Костомаров. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 22–30.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 144 с.
- Гаспаров М. Л. «Стихи о неизвестном солдате» О. Мандельштама: Апокалипсис и/или агитка?//Новое литературное обозрение, № 16, 1995. С. 105–123.
- Дуплинская Ю.М. Логика подтекста: антимир и изначные миры семантики // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2005. №3. С.145–153.
- Зубова Л. В. Грамматическая организация подтекста в современной поэзии // Текст и подтекст: Поэтика эксплицитного и имплицитного. Материалы международной научной конференции (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 20–22 мая 2010 г.) / Отв. ред. докт. филол. наук Н. А. Фатеева. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. С. 153–162.
- Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 264 с.
- Пушкарева Н. В. Подтекстовые смыслы в прозаическом тексте (Лингвистический аспект). СПб.: 2012. Изд-

во Филол. ф-та СПбГУ. 316 с.

Ронен О. Подтекст // Звезда. 2012, № 3. С.230–238.

Тамми П. Заметки о полигенетичности в прозе Набокова // Набоков: Pro et contra. Антология. Т. 1 / Сост. Б. Аверин, А. Долинин, М. Маликова / Изд-во Русского Христианского Гуманитарного института. СПб., 1999. С. 514–528.

Тарановский К. Ф. Очерки о поэзии О. Мандельштама // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспаров. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13–208.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис, М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. 800 с.

Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 е.

Русское числительное в движении

Светлана Васильевна Рябушкина

Ulyanovsk State University

Имя числительное (ИЧ) – самая строгая и логичная по семантической организации группа слов: отражая десятичную систему счисления, ИЧ по своим лексическим свойствам подобно терминосистемам (запрет полисемии, омонимии и синонимии; четкая семантическая и словообразовательная соотношенность компонентов системы). Но по формальным свойствам ИЧ разнородно, имеет исторически сложившуюся дробную систему склонения, в речи демонстрирует многочисленные узуальные отступления от требований литературной нормы, становясь одним из наиболее неустойчивых фрагментов русской морфологии.

В нумеральной системе проявляются важные механизмы организации языка и языковых изменений (аналогические взаимовлияния), обнаруживаются характерные для современного русского языка актуальные грамматические тенденции (стремление к аналитизму, к синтаксической изоляции). Кроме того, в ИЧ, как в развивающейся части речи, идут свои собственные процессы (лексикализация сложных ИЧ, устранение внутреннего склонения неоднородных ИЧ и др.), и результаты этих процессов напрямую связаны с формальными свойствами отдельных групп ИЧ.

Сложные ИЧ (имена десятков от ‘50’ до ‘80’ и имена сотен от ‘200’ до ‘900’), от которых языковой стандарт требует склонения каждого из компонентов, в узусе стремятся к лексикализации фраземы – внутреннее склонение устраняется и формируется общая основа косвенных падежей, с оформлением первого компонента по модели генитива: *к двухстам жителям, перед трехстами организациями, с пятистами рублями*. Такая схема организации композита объединяет систему нумеративных единиц (нумеральную и денумеральную лексику), поскольку именно генитивная основа используется при образовании имен на базе ИЧ (*трехкомпонентный, двадцатипятиэтажный*).

Узуальные косвеннопадежные формы имен сотен типа *двухста, пятиста* обусловлены внутрисистемной индукцией – создаются по модели

двухпадежного ИЧ *сто / с??та*. Этому аналогическому влиянию можно найти системное основание: в формах данного типа устраняется синтагматически связанное (только в сложных ИЧ) плюральное склонение компонента *сто*, парадигма имен сотен выравнивается по первой сотне – и это тоже способ лексикализации.

Составные ИЧ также стремятся к цельнооформленности, устраняя склонение внутренних компонентов, которые оформляются по модели именительного или родительного падежа. У разноструктурных составных ИЧ эти стратегии в устной речи конкурируют. В именах сотен просматривается следующая тенденция: не-конечные «малые» сотни (от '200' до '400') оформляются генитивно, а «большие» (от '500' до '900') – номинативно: *в двухсот семидесяти километрах, к пятьсот четырнадцати миллионам*. В составном ИЧ используется словоформа со слоговым корнем *-сот*. Выделенный ударением, этот компонент оказывается семантически более значимым, позволяет правильно воспринять числовую информацию в потоке речи.

Имплицитная семантика нормы в русских глаголах

Наталья Дмитриевна Федяева
Omsk State Pedagogical University

Человеку свойственно оценивать увиденное как соответствующее или не соответствующее норме – должному, традиционному, обычному, при этом аномальность объекта, в отличие от соответствия норме, отчетливо осознается (см. об этом: Арутюнова, 1987, 1999). Русский язык отражает подобное положение дел: отклонение от нормы эксплицируется, соответствие ей имплицитно. Как следствие, для обнаружения семантики нормы необходимы специальные приемы. Так, нормативные представления, скрытые в значении производящего глагола, можно выявить, обратившись к его префиксальным дериватам. Основываясь на типологии способов глагольного действия (СГД), разработанную А. В. Бондарко (Бондарко, 1967, 2007), выделим две ситуации.

1. Усилительный, ограничительный, смягчительный, сопроводительный СГД представляют действие как такое, интенсивность которого отличается от нормальной. Очевидно, в сознании говорящего существует представление о нормальном протекании того или иного действия, в том числе о его силе. Эти представления входят в лексическое значение производящего глагола и не имеют специальных формальных показателей. Префиксы же детерминируют исходный глагол, указывая на характер отклонения от нормы: «не в полной мере», «с особой силой» и т.п.

2. Результативные СГД оценивают итог действия: достижение ожидаемого

результата – норма, в то время как неожиданный (по содержанию, оценочному характеру, силе и проч.) или неудовлетворительный результат относится к области не-нормы.

С опорой на оппозицию предельных и непредельных глаголов можно детализировать представления о норме для действий разных типов. Так, для предельного действия важен сам факт достижения предела и сопутствующие обстоятельства. Префиксы позволяют детализировать разнообразие отклонений. Например, *читать* – предельное действие, предполагающее в конечном итоге освоение объекта. *Дочитать* – знак соответствия действия норме (нормально – завершить действие полным освоением объекта). *Почитать* указывает на то, что процесс чтения протекал с меньшей интенсивностью и/или меньшими временными затратами, чем обычно осуществляется приоритетное действие (однако с нормальной интенсивностью для побочного, второстепенного, временного действия). *Зачитаться, начитаться, дочитаться* и т.п. – знаки отличающейся от нормальной степени вовлеченности, активности субъекта и последствий чтения для него. Норма для непредельного действия сосредоточена на самом факте действия и его соотношении с ситуацией: *спать* по ночам – норма, *не спать* – отклонение (наоборот – для дневного времени), *знать* алфавит для взрослого человека – норма, но для ребенка одного года – отклонение от нормы и т.п.

Таким образом, семантика нормы, неочевидная в значении большого числа глаголов, проявляется при обращении к фактам языка (например, дериватам) и к внеязыковой ситуации.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») / Н. Д. Арутюнова. // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3-20.
- Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бондарко, А. В. Русский глагол [Текст] / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Л.: Просвещение, 1967. 192 с.
- Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии [Текст] / А. В. Бондарко. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 208 с.

Сопоставительное исследование русского и армянского языков: фонетико-фонологический уровень и ударение

Анаида Яковлевна Хачикян
Yerevan State Linguistic University

Русский язык получил широкое распространение в современном мире. В странах СНГ русский язык является языком межнационального общения, в результате чего сформировалось национально-русское двуязычие. Двуязычие определяется как альтернативное употребление двух языков, а многоязычие –

двух, трех и более языков [Weinreich U., 1957].

В Армении, как и в других странах Содружества, также имеет место явление двуязычия. Несмотря на то, что уровень владения русским языком в Республике Армения неодинаков, само явление двуязычия достаточно распространено, при этом в большей степени встречается субординативный тип билингвизма (когда система второго языка полностью выстроена на системе первого). Интерес к изучению русского языка в Армении не случаен, он основан на взаимосвязи культур – русской и армянской. “Общность ... проблем означала, прежде всего, общность исторических судеб при национальном своеобразии каждой” [Алексян Е.А., 1999].

Сегодня в Армении проводятся типологические и сопоставительные исследования русского и армянского языков, позволяющие выявить и предотвратить интерферирующее влияние родного языка. Для проведения сопоставления разных языковых систем необходимо изучение типологических особенностей каждого языка, их структур, определение языковых типов в каждой из систем по разным уровням: фонетико-фонологическом, лексикологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом.

За последнее десятилетие нами было проведено сопоставительное исследование фонетико-фонологического уровня русского и армянского языков, а именно, сравнительный анализ систем русского и армянского вокализма и акцентологии [Хачикян А.Я., 2002; Хачикян А.Я., 2003]. Различие этих систем является причиной, вызывающей акцент в русской речи армян, и воспринимается как отклонение от произносительной нормы [Горбачевич К.С., 1989].

В частности, мы провели исследование фоново-фонетических (вокалических) систем русского и армянского языков; сопоставили фоново-фонетические (вокалические) системы двух языков; охарактеризовали акцентологические системы русского и армянского языков; сопоставили акцентологические системы русского и армянского языков.

В своем исследовании мы основывались на фонологическом принципе сопоставления. Звуковые системы были рассмотрены с позиции определения состава фонем в каждом языке, специфики функционирования фонем в речи, артикуляционных и акустических характеристик, ударения в двух языках.

В результате исследования было выявлено, что различия проявляются как в акустической характеристике звуков, так и в функционировании фонем в речи, в позиционном распределении гласных, в характере ударения и в структуре слога.

Результаты этих теоретических исследований применяются при обучении студентов-армян русскому произношению и помогают избежать нежелательной интерференции.

Список литературы

1. Weinreich U. Languages in Contact: on the Description of Phonic Interference. *World*, 1957, vol. 13, No. 1.
2. Алексанян Е.А. Содружество армянской и русской литератур. Журнал “Русский язык в Армении”, 1999, No.2: 40.
3. Хачикян А.Я. Трудности в речи армян-билингвов, связанные с выбором акцентологических вариантов при словоизменении русских существительных. Журнал “Русский язык в Армении”, 2002, No.1(12) : 6-10.
4. Хачикян А.Я. Основные отклонения от произносительной нормы в русской речи армян-билингвов в области ударения. Монография. Ереван. Изд-во РАУ. 2003. 83 с.
5. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989.

ПОЛ И ЕЗИК. Речевото общуване - стратегии и практики

GENDER AND LANGUAGE. Speech Communication – strategies and practices

Елена Хаджиева
Sofia University “St. Kliment Ohridski”

Keywords: gender, language models, foreign students studying, conversation practice, parents – children relationship.

This paper discusses the relations between gender, behavior and language, and the possible differences in female and male use of language. The first part contains the theoretical perspectives of the gender studies, women’s and gender history, where the interaction between the body and the language is given focus to. The second half looks into the results of the survey carried out among foreign students of Sofia University. The analysis is focused on some linguistic and behavioral characteristics specific for student groups of Slavic, Balkan, Western and Eastern origin. The observations are based on the language practice of foreign students, which are improving their linguistic and communication skills in Bulgarian language. Some of the observations contained herein, together with other perspectives on gender and language, are the subject of a larger study, namely Innovative research. Gender and Language. Behavioral and language models, 2013.

SESSION 6

Translation to and from Slavic Languages

Between Poetry and Translation: Translation praxis from Russian in the German Democratic Republic

Enza Dammiano
"L'Orientale" University of Naples

The reception and translation of Russian literature plays a central role in the definition of the new "literary field" (Bourdieu 2005) of the rising German Democratic Republic, becoming at the same time a cultural and institutional model. From the beginning of the 50s to the middle of the 70s an increase of translations of poetic works is to be registered: beside the canonical 'soviet' writers and poets such as Nikolaj Tichonov, Konstantin Simonov, Michail Isakovskij, Aleksandr Tvardovskij, the contemporary (Bulat Okuždava, Evgenij Evtušenko) and pre-revolutionary poems becomes more and more central. A new generation of German poets — conventionally known as *Sächsische Dichterschule* (Berendse 1990) — contributes to the affirmation of a translation praxis, the so-called *Nachdichtung*, an authentic re-writing praxis that develops according to editorial and publishing strategies, assuming as importance as the model itself in the evolution of East German poetry. As Lefevere writes: "Codification of a poetics also entails the canonization of the output of certain writers whose work is regarded as conforming most closely to the codified poetics. [...] Rewriting tend to play at least as important a part in the establishment of the poetics of a literary system as original writings do" (Lefevere 1992: 28).

Between the 60s and the 70s, young German poets like Sarah Kirsch, Rainer Kirsch, Adolf Endler, Christa Reinig, Elke Erb, Volker Braun, etc. read, translate and re-write Russian poets of the first half of the 20th century such as Aleksandr Blok, Sergej Esenin, Vladimir Majakovskij, Osip Mandel'stam, Velimir Chlebnikov, Anna Achmatova, Marina Cvetaeva and so on. The analysis of poetry and of its translation assumes a primary role in the re-definition of the "literary field" of East Germany and in the development of its poetry in the second half of the century.

Поезија прехиспанских народа на српском језику

Vesna Dickov
University of Belgrade

Кључне речи: прехиспанска поезија, превод, рецепција, српски језик.

Прехиспанске књижевности обухватају дела аутохтоних становника данашње Хиспанске Америке која су настала пре доласка Шпанаца на амерички континент. Овај појам подразумева веома широку област културног наслеђа

америндијанских народа из преколумбовског доба, који је тек у другој половини XX столећа почео да се вреднује као пуноправни, саставни део културне баштине Хиспанске Америке у целости, те је, у том смислу, наставши своје место у историјама хиспаноамеричке књижевности, постао незаобилазна и неопходна карика у дијахронијском сагледавању еволутивног низа целокупне хиспаноамеричке литературе. Иницијални пробој хоризонта српске читалачке публике у погледу пријема прехиспанске књижевности временски скоро да коинцидира са поменутом квалитативном променом у научној перцепцији књижевног стваралаштва америндијанских народа до које је дошло у оквирима савремене хиспанистике. Наиме, почетак рецепције прехиспанских књижевности на српском говорном подручју обележило је објављивање управо првих превода одабраних песама древних Астека и Инка почетком шездесетих година прошлог века.

Предмет овог рада је пријем песничког стваралаштва аутохтоних народа прехиспанске Америке на српском језичком подручју. Поље нашег интересовања представљају посебна издања домаћих и страних аутора која су се појавила на српском језику, било да је реч о антологијама у целости посвећеним поезији прехиспанских народа, било да се ради о изборима из прехиспанских књижевности хибридног карактера који садрже творевине како у стиху тако и у прози. У циљу утврђивања свих релевантних елемената овог рецепционистичког процеса, бавићемо се аналитичким испитивањем битних одлика српске преводилачке делатности која је била усмерена на прехиспанску поезију, односно, њеним главним актерима - преводиоцима, критеријумима којима су се руководили приликом одабира песама и састављања антологија, динамиком појаве превода, структуром и тематиком објављених избора на српском језику. Филолошка анализа превода није укључена у садржај овога рада. С друге стране, обратићемо пажњу на издаваче који су омогућили објављивање ових превода на српски језик, односно на њихову маркетиншку активност и агилност у смислу формирања посебних библиотека или едиција намењених публиковању поменутих превода, одређивања визуелних компоненти ових издања, као и обима одштампаних тиража. Коначно, покушаћемо да изведемо закључке синтетичке природе о пријему прехиспанске поезије на српском језику који ће нам помоћи да сагледамо могуће будуће смернице развоја овог вида преводилачке рецепције у Србији.

De Hobbiton a Norgord: recorrido por la traducción de los topónimos de la Tierra Media al ruso

Estrella María Gallego Díaz
University of Granada

El complejo entramado lingüístico que da nombre a toda la Tierra Media dio como resultado un continuum cultural e histórico que no siempre era aclarado pero que se sentía presente (Turner, 2005) en las obras capitales de J.R.R. Tolkien: *El Hobbit* y *El Señor de los Anillos*. Él mismo declaró que la creación de topónimos y nombres propios era una pieza importante del desarrollo de la obra: "el nombre viene primero y la historia lo sigue" (Tolkien, 1981). *El Señor de los Anillos* incluye palabras de al menos 14 lenguas inventadas, así como de lenguas europeas y dialectos de diferentes períodos (Noel, 1980). La singularidad de su obra parte de que cada elemento de cada término tiene en principio una explicación gramatical, de forma que Tolkien no inventó en sentido estricto esas palabras, sino que las concibió desde una estructura histórica (Tolkien, 2002).

Una variación en la adaptación o transliteración de alguno de estos términos rompería el hilo argumental tan magistralmente trazado de la obra. Para el traductor de Tolkien aparece la dificultad de elegir entre traducir a la lengua de destino, encuadrando estos nombres en un nuevo corpus lingüístico, autóctono y transparente para el lector (Hooker, 2003); o mantener el exotismo, pero también la distancia, que aportan las transliteraciones del inglés. En el caso del ruso, la entrada de una palabra exige además un ajuste fono-morfológico subordinado a un esquema ortográfico muy distante del inglés.

En este estudio se presenta una serie de técnicas utilizadas por los traductores para trasladar a la lengua rusa estos términos partiendo de la transliteración, la composición paralela de topónimos o la traducción completa del nombre. Tolkien indicó en su *Guía de los nombres de El Señor de los Anillos* las pautas que recomendaba para la traducción de su nomenclatura, directrices que en muchos casos pusieron a prueba la habilidad del traductor. A lo largo de las nueve traducciones de su obra a la lengua rusa se aprecian los diferentes recursos que se emplearon para armonizar la singularidad de estas lenguas con el entorno lingüístico y cultural ruso.

Bibliografía:

- Hooker, M. T. (2003). *Tolkien through Russian eyes*. Zurich and Berne: Walking Tree Publishers
- Noel, R. S. (1980). *The languages of Tolkien's Middle-earth*. Boston: Houghton Mifflin Co.
- Tolkien, J.R.R. (1981). *The letters of J.R.R. Tolkien*. Boston, MA: Houghton Mifflin Co.
- Tolkien, J.R.R. (2002). *The lost road and other writings: language and legend before The Lord of the Rings*. London: Harper Collins.
- Turner, A. (2005). *Translating Tolkien: philological elements in The lord of the rings*. New York: Peter Lang.

Una aproximación al estudio de la traducción al polaco del lenguaje coloquial en “Cosmofobia” de Lucía Etxebarría

Agata Natalia Gołąb
University of Granada

Palabras clave: traducción literaria, lenguaje coloquial, relaciones semánticas, estudio comparativo.

La narrativa española, a partir de los finales de los años 80, es decir, con la aparición de la llamada *novela de la democracia*, tiende a incluir una variedad impresionante de coloquialismos y se atreve a evidenciar el lenguaje coloquial como nunca antes. Una de las escritoras más reconocidas hoy en día, Lucía Etxebarría, en su novela “Cosmofobia” introduce al lector en uno de los barrios más diversos desde el punto de vista étnico de España, Lavapiés. La riqueza del lenguaje coloquial está presentada mediante la introducción de personajes provenientes de distintas clases sociales, etnias, lo cual crea una imagen lingüística amplia y digna de una aproximación analítica exhaustiva.

El objetivo del presente estudio consiste en presentar la variedad léxica coloquial del español actual en la narrativa contemporánea y su traducción a la lengua polaca. Observaremos las principales dificultades en la traducción de expresiones coloquiales y la expresividad de los recursos utilizados. Señalaremos algunos ejemplos de traducción mediante vocablos o expresiones que carecen de equivalencia semántica o afectiva. Por otro lado, analizaremos algunos equivalentes que tienden a establecer relaciones semánticas y afectivas en ambos idiomas, y al mismo tiempo ponen de relieve los distintos valores que adquieren las expresiones citadas, siendo estas perfectas imitaciones del registro coloquial español.

Complejidad de frases como un posible sesgo de la calidad en traducción turística (una aproximación basada en los corpus paralelos español-ruso)

Tamara Gorozhankina
University of Granada

Palabras clave: traducción turística, calidad de traducción, folletos turísticos, traducción español-ruso.

En el presente estudio nos entramos en el problema de un concepto traductológico sumamente complejo que es la evaluación de la calidad de una traducción turística. Hasta el día de hoy no existe unanimidad respecto a los criterios objetivos para

evaluar la calidad y eficiencia de una traducción e, incluso, queda discutible la figura del evaluador (¿deberían los usuarios meta o los traductólogos ser evaluadores de la calidad de una traducción?).

El estudio piloto realizado en 2012 ha arrojado luz sobre la complejidad de las estructuras sintácticas tanto como el uso abundante de las estructuras calcadas en el texto meta ruso. Por lo cual, hemos llegado a una decisión de elaborar dos corpus ad hoc paralelos más amplios a base de los textos de los folletos turísticos españoles y su traducción al ruso.

La propuesta se enmarca dentro de los estudios de tres disciplinas: publicidad, traducción y lingüística de corpus, y tiene como principal objetivo poner en evidencia las tendencias más frecuentemente adaptadas a la hora de realizar el encargo de la traducción turística español-ruso.

Nuestra decisión de adaptar el enfoque de la lingüística de corpus a los corpus paralelos en cuestión se basa, ante todo, en nuestro deseo de sacar a la luz los datos cuantitativos precisos debido a la gran cantidad de los textos de contenido turístico destinados al turista ruso y recopilados para nuestros dos corpus. El diseño de la investigación propuesto proporcionará, a nuestro parecer, instrumentos necesarios para descubrir las tendencias a nivel léxico y gramatical en la traducción español-ruso en el sector turístico, lo que en continuación podrá ser aplicado a la didáctica de traducción de este par de lenguas.

En la presente comunicación expondremos las observaciones del primer acercamiento al análisis comparativo de los dos corpus, en particular, abarcaremos los datos cuantitativos en cuanto a la estructura formal se refiere: la longitud de frases, la puntuación y la longitud de palabras en cada uno de los corpus.

Nowe tendencje w tłumaczeniu tytułów książek na przykładzie polskiej prozy współczesnej

Jan Jeništa
Palacký University

Słowa-kлючe: przekład literacki; proza polska; tytuły książek; tłumacz.

Referat próbuje przybliżyć różne aspekty tłumaczenia tytułów książek na przykładzie utworów prozatorskich współczesnych polskich twórców. Autor zastanawia się nad aktualnymi funkcjami tytułów, ich kontekstem kulturowym, wpływem na sprzedaż książki. Czy ważniejszy jest dzisiaj dobry marketing, swoboda twórcza tłumacza, poszanowanie intencji autora, a może nawiązanie do tradycji? Referat podaje przykłady najbardziej charakterystycznych i najbardziej kontrowersyjnych rozwiązań ostatnich lat, próbując doszukać się w nich ogólnych tendencji. Przytacza

tytuły głośnych powieści takich pisarzy, jak Dorota Masłowska, Michał Witkowski, Wojciech Kuczok, Olga Tokarczuk, Andrzej Stasiuk, Jerzy Pilch, Sylwia Chutnik i inni, w tłumaczeniu na różne języki Europy (przede wszystkim czeski, ale też słowacki, rosyjski, niemiecki, angielski, francuski, hiszpański). Samodzielną kategorią wydają się być tytuły współczesnych polskich reportaży literackich (Mariusz Szczygieł, Wojciech Tochman). Wraz z globalizacją i łączeniem rynków wydawniczych tytuły prozy polskiej coraz bardziej przypominają marki produktów. Tytuły te coraz częściej są przedmiotem umów o sprzedaży praw zagranicznych, a decyzja o nazwie książki zdarza się zapadać jeszcze przed dokonaniem wyboru jej tłumacza. Pole manewru dla inwencji twórczej tłumacza zdaje się jednak być coraz szersze. Chociaż tłumacz nadal pozostaje najbliższym krytykiem i znawcą autora, dąży jednak do podkreślenia swojej roli i uzyskania praw współautora. Autor zaś stara się zachować jak największą kontrolę nad zagranicznymi wydaniem swoich tekstów.

Literatura:

CZAPLIŃSKI, P. (2007): Przesilenie nowoczesności. Proza polska 1989-2005 wobec wielkich narracji. In: B. Bakula (ed.): Transformacja w kulturze i literaturze polskiej 1989-2004. Poznań: Uniwersytet Adama Mickiewicza, s. 34-54.

DUNIN, K., red. (2009): Polityka literatury. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej.

JARNIEWICZ, J. (2000): Przekład tytułu: między egzotyką a adaptacją. In: W. Kubiński (ed.): Przekładając nieprzekładalne. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, s. 477-483.

Eckartshausen among the Southern Slavs

Persida Lazarević Di Giacomo

“G. d’Annunzio” University of Chieti-Pescara

This paper will analyze the translations of the German writer, mystic and philosopher Karl von Eckartshausen (1752-1803) that were produced for the Southern Slavs in the transition from the eighteenth to the nineteenth century.

Now completely forgotten except for some esoteric writings, Eckartshausen was a fertile writer and was influential in late Enlightenment and early Romantic circles in Europe. Probably his most popular book at the time, *God is the Purest Love* (1790) had sixty editions. His books were read by Goethe, Schiller, Herder, Novalis and Saint-Martin and were translated into several languages. In Russia, for example, there was a strong interest in Hermetic philosophy and Christian kabbalah, and Eckartshausen was mentioned in the novels of Nikolai Gogol and Leo Tolstoy, while Tsar Alexander I was an avid reader of his work.

In the Balkans, among the Southern Slavs, in the late eighteenth and the first half of the nineteenth century more than ten of his works were translated, mostly dramas (the first translation is from 1792), as part of the initiative between 1791 and

1834 to create works for the Croatian theater. Some of these translations were not published and remained in manuscript. Among the Serbs, Eckartshausen's works were translated by important enlighteners like Pavle Solarić and Joakim Vujić. Translations of Eckartshausen's works into Croatian (Kajkavian and Štokavian) and Serbian will be compared and analyzed, and the motivations behind the choice to translate certain works of Eckartshausen's will be treated. Apparently there was only one case in which the same drama was translated for the Croats and for the Serbs. The reception of Eckartshausen's works in the Balkans will be also analyzed: translations of his works circulated among the Illyrians but he was known primarily as a playwright and prose writer, not as an esoterist, however it may be possible to find echoes of his esoteric writings in some works as, for example, those of Montenegrinian Petar II Petrović Njegoš.

“La paciencia de un poeta y la pasión de un escoliasta”. Los proyectos de traducción de Vladímir Nabokov

Álvaro Marín García
Kent State University

Las opiniones de Vladimir Nabokov sobre la traducción, así como sus traducciones de obras propias y ajenas, han sido objeto de un extenso debate (Kimmel, 1989; Shapiro, 2003). Su férrea defensa de la *traducción literal*, ejemplificada en su versión de *Eugenio Oneguín*, ha atraído tanto la atención del mundo académico que otras traducciones cuyas no *literales*, como la de *Kamera obscura* o *Alicia en el país de las maravillas*, han pasado desapercibidas. Este trabajo propone una discusión de las distintas traducciones de Nabokov no como esfuerzos homogéneos sujetos o no a una hoja de ruta invariable, sino como diferentes proyectos que obedecen a necesidades y objetivos divergentes que no tienen por qué avenirse al discurso de Nabokov sobre la traducción (Nabokov 2009). Para ello estudiaré las diferencias entre los proyectos, entendido “proyecto” según la metodología para la crítica de traducciones de Antoine Berman (2009), en un intento por ofrecer una versión global de Nabokov como traductor, así como de la relación entre su ejercicio como tal y su discurso al respecto. El discurso de Nabokov, basado en la necesidad de reproducir con absoluta exactitud el texto completo y nada más que el texto para evitar caer en la imitación, la adaptación o la parodia (Nabokov, 2009: 119) encontró precedentes en varios autores (Schleiermacher, 2009; Dryden 2009) cuya solvencia, sin embargo, no estriba necesariamente en la dicotomía entre versiones literales y libres, diferencia ésta cuyo eco se deja aún oír en la distinción entre domesticación y extranjerización (Venuti, 2002), a cuyo amparo se han encomendado algunos

lectores de las traducciones del escritor ruso-americano (Kimmel, 1989). Este trabajo propone un primer acercamiento a la obra del Nabokov traductor en el convencimiento de que una revisión individualizada de sus proyectos de traducción permitirá un mejor entendimiento de su trabajo y de su discurso.

References

- Berman, A. 2009. *Toward a translation criticism*. Trans. and Ed. Françoise Massardier-Kenney. Kent, OH: Kent State UP.
- Kimmel, L. 1989. "Nabokov as a translator. An examination of his changing doctrine". <<http://webpace.webring.com/people/il/leighkimmel/nabokov2.html>> Consultado el 26 de abril de 2014.
- Dryden, John. 2009. "From the preface to *Ovid's Epistles*". In *The Translation Studies Reader*, ed. by Lawrence Venuti, 32–38. London and New York: Routledge.
- Nabokov, Vladimir Vladimirovich. 2009. "Problems of Translation: 'Onegin' in English." In *The Translation Studies Reader*, ed. by Lawrence Venuti, 71–83. London and New York: Routledge.
- Schleiermacher, F. 2009. "On the different methods of translating". In *The Translation Studies Reader*, ed. by Lawrence Venuti, 43–63. London and New York: Routledge.
- Shapiro, G. (Ed.). 2003. *Nabokov at Cornell*. Cornell University Press.
- Venuti, L. 2002. *The scandals of translation: Towards an ethics of difference*. London & New York: Routledge.

Caring for patients in Czech: mission (im)possible!

Lukáš Merz

Palacký University

The aim of the paper is to present the various linguistic and ethical problems arising when translating The Nursing Interventions Classification (NIC) taxonomy from English into Czech. The NIC is an internationally recognised, standardised classification of the nurse's activities used in providing healthcare to patients and in nursing research. Selected extracts have been translated into Czech for research purposes and preparations for an official publication are in progress. From the translator's perspective, the text poses considerable challenges that had to be tackled. Several alternative viewpoints come into play and influence translation strategies, with two major contradictory forces: terminological unity of an international taxonomy on one hand and the necessary translation shifts and adaptations with regards to extra-linguistic, cultural differences on the other. From a practical point of view, the paper attempts to classify these issues, pointing out some of the systemic differences between English and Czech with regard to the typology of Slavonic languages. The paper exemplifies and comment on these issues and provide solutions to some of the toughest linguistic problems which include verbal categories typical of Slavic languages (using grammatical moods, gender markers, perfective vs. imperfective verbal aspect), semantic asymmetry of verbs (shift in the semantic centre of gravity, rich polysemy of the English verb, avoiding stylistic markedness of Czech counterparts), unstable orthography and rich morphology of

Czech verbs (e.g. the use of competing prefixes dis-/dys- in Czech) and several others.

The paper also describes the processes in which the translators had to take into consideration the nursing practice and cultural differences environment in the Czech Republic. These cultural issues include differences in organisation of healthcare, nurse's competences, and healthcare traditions and, on a more general level, the conceptual differences between English and Czech language manifested in healthcare terminology.

A brief comparison with other published translations (German, French, Spanish, and Italian) is provided. The resulting translation of NIC terminology is presented as a result of intensive and careful interdisciplinary cooperation, which is essential for a satisfactory product.

Slavic Languages in Translation: A Case Study of Polish Literary Fiction Translated into European Portuguese

Hanna Pieta
University of Lisbon

Despite its importance, the role of translation in disseminating Slavic cultures abroad is still understudied. To fill this gap, the aim of this paper is to describe and explain patterns in the external history of Portuguese book-length translations of Polish literary fiction published in the period 1855 (the date of the first translation) and 2010 (the final date for which data was collected). Moreover, due to its exploratory approach, the study will provide a number of new research avenues, which future studies focusing on translations from other Slavic languages can draw on.

As regards the theoretical framework, the paper will draw on conceptual proposals developed within both the Descriptive Translation Studies paradigm (Toury 1995) and the so-called Gottingen Group (Kittel and Frank 1991). Special emphasis on the external history means that the study will focus mainly on the circumstances and agents involved in the process of translation and not on the modifications the texts have undergone in translation transfer between cultures.

As far as the corpus is concerned, it consist of contextual data on 113 target texts. As to the methodology, the analysis will by guided by six main questions (what is translated, when, by whom, where, how and why?), resulting in the identification, description and, whenever possible, explanation of a number of (ir)regularities in the flow of translations of Polish literature to Portugal in the timespan under study. The paper will be divided into six parts. Firstly, the theoretical framework will be elucidated. Secondly, a brief timeline of the historical context of Polish-Portuguese

cultural relations will be outlined. Thirdly, the restrictions imposed on the corpus will be clarified. Fourthly, the model for analysis will be briefly explained. Fifthly, the main results of the study will be presented. The paper will end with concluding remarks and a summary of perspectives for future research.

References

Kittel, Harald and Armin Paul Frank, eds. 1991. *Interculturality and the historical study of literary translations*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.

Toury, Gideon. 1995. *Descriptive translation studies and beyond*. Amsterdam- Philadelphia: John Benjamins.

Kontekst kultury docelowej a przekład – przypadek tłumaczeń *Opowieści z Narni* C.S. Lewisa na język polski i czeski

Barbara Szot
Jagiellonian University

W wystąpieniu przedstawione zostaną wybrane elementy kontekstu kultur docelowych – polskiej i czeskiej – przekładu skierowanej do czytelnika dziecięcego angielskiej septologii powieściowej C.S. Lewisa, które wydają się być szczególnie istotne dla powstania i odbioru jedyne polskiego oraz dwóch istniejących czeskich tłumaczeń cyklu *Opowieści z Narni*. Analiza zorientowana będzie przede wszystkim na dwa aspekty: polityczny i religijny. W ramach pierwszego z nich badaniu poddane będą spójność ideologii zawartej w dziele oryginalnym z tą panującą w Polsce i w Czechach w czasie ukazywania się oryginału (lata 50. XX wieku) oraz w czasie ukazania się pierwszych przekładów (połowa lat 80. w Polsce i lata 90. w Czechach), polityka wydawnicza dotycząca dzieł tłumaczonych z literatur zachodnioeuropejskich w drugiej połowie XX wieku (z uwzględnieniem specyfiki podsystemów literatury dziecięcej i literatury popularnej) oraz swoisty paralelizm przemian politycznych opisywanych w fikcyjnym, fantastycznym świecie z przemianami dokonującymi się w świecie realnym w czasie ukazywania się oryginału oraz polskich i czeskich przekładów. Dla aspektu religijnego uwaga zwrócona zostanie na obecność wiary chrześcijańskiej w życiu publicznym w kulturach docelowych oraz elementów, również paratekstualnych, mogących ułatwiać lub sugerować możliwość odczytania przekładów przez pryzmat religijności autora oryginału. Dla tego aspektu istotne będą również istnienie i recepcja w kulturach docelowych innych dzieł C.S. Lewisa – autora, który w kontekście kultury źródłowej rozpoznawany jest jako znany apologeta chrześcijaństwa – przed ukazaniem się *Opowieści z Narni* w języku polskim i czeskim.

Znaczne podobieństwo systemowe języka polskiego i języka czeskiego oraz zbieżność pewnych ogólnych prawidłowości życia politycznego w Polsce i

Czechach w drugiej połowie XX wieku (okresu powstania i przełożenia na dwa języki docelowe septologii C.S. Lewisa) powoduje, że badania komparatystyczne nad przekładem tego samego tekstu źródłowego w obu kulturach ujawnić mogą konsekwencje, jakie dla przekładu literackiego z zakresu literatury dziecięcej i/lub literatury fantazy mają potencjalnie różne fakty z zakresu szeroko rozumianego życia społecznego w kraju języka docelowego.

Межъязыковые отношения паремийных единиц в аспекте практики перевода на близкородственный язык (на материале современных русского и польского языков)

Tomasz Szutkowski
University of Szczecin

Ключевые слова: сравнительная паремиология, межъязыковые соответствия, практика перевода

Современная паремиология не в состоянии обойтись без широко понимаемых межъязыковых исследований, которые сосредотачиваются прежде всего на историко-культурологических вопросах (например, происхождение конкретных пословиц, поиски национальных и интернациональных истоков европейской паремиологии, определение и описание сопоставительного паремиологического фона) (ср. Мокиенко 2012: 78-100), но они должны касаться также не менее существенных и интересных проблем перевода паремийных единиц (далее ПЕ).

Получение оптимальных, достоверных и репрезентативных результатов научных исследований в области сравнительной лингвистики и перевода в настоящее время гарантируют данные дву- и многоязычных электронных корпусов. С помощью этих данных можно проанализировать конкретные пары оригинальных текстов и их переводов с точки зрения определённых, исследуемых в данный момент языковых процессов.

Предметом исследований являются ПЕ, которые были использованы в русских и польских текстах художественной литературы и их эквиваленты, извлеченные из Польско-русского и русско-польского параллельного корпуса (www.pol-ros.polon.uw.edu.pl), который был разработан научными сотрудниками Варшавского университета. В поисковое окно корпуса были введены пословицы, находящиеся в паремиологическом минимуме Гжегожа Шпили (ср. Szpila 2003: 104-105), а также их русские соответствия. Результаты эксцерпции охватывают почти сто параллельных текстов, благодаря которым можно было проанализировать особенности употребления ПЕ и определить

тип их эквивалентов в переводе на польский или русский языки.

Как показывают параллельные тексты, переводчики используют разнообразные методы подбора эквивалентов для исходных ПЕ, например, 1) абсолютные паремийные эквиваленты (*Nosił wilk razy kilka, ponieśli i wilka* → *Таскал волк – потащили и волка*); 2) паремийные эквиваленты с близким метафорическим образом (*Mądrej głowie dość dwie słowie* → *Для умного человека достаточно одного намека*); 3) паремийные эквиваленты с неблизким метафорическим образом (*в чужой монастырь... → kiedy wpadłeś między wrony...*); 4) экспликация переносного значения исходной ПЕ (*Raz na wozie, raz po wozem* → *В жизни всякое бывает*); 5) буквальный перевод исходной ПЕ (*Nie od razu Kraków zbudowany* → *Не вдруг Краков был воздвигнут*); 6) перефразирование исходной ПЕ (*A że to było, jak mówi przysłowie, pokorne ciele, dobrze mu było* → *Заклика был смиренный и покладистый, потому жилось ему неплохо*).

Анализ конкретных решений переводчиков свидетельствует о том, что использованные ими эквиваленты исходных ПЕ иногда далеко отличаются от системных паремийных соответствий, которые фиксируются двуязычными паремиологическими словарями (ср. Lukszyn 2001; Stypuła 2003). Фактографический материал электронных корпусов, также в области современной паремиологии, принуждает лингвистов к разработке новых методов лексикографического описания ПЕ в аспекте межязыковых отношений. Документационный (т.е. внеконтекстный) метод фиксирования ПЕ в словарях считается нами уже не достаточным.

БИБЛОГРАФИЯ

- МОКИЕНКО, В.М., (2012): „Славянская паремиология сегодня (аспекты исследования)”. В кн.: *Slowo. Tekst. Czas XI. Frazologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym*, red. M. Hordy, W. Mokijenko, T. Szutkowski, H. Walter, Szczecin.
- LUKSZYN, J., (2001): „Rosyjsko-polski słownik paremiologiczny”, Warszawa.
- STYPUŁA, R., (2003): „Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski polsko-rosyjski”, Warszawa.
- SZPIŁA, G., (2003): „Krótko o przysłowiu”, Szczecin.

„Любовният заек” от Георги Господинов на португалски език: размисли върху превода на постмодерната поезия

Zlatka Timenova-Valtcheva
University of Lisbon

През периода на прехода от тоталитарно общество към демократическо, постмодернизъмът е най-представителното явление в българската литература. То намира своя израз най-вече в една голяма част от съвременната поезия. Неговата динамика е разрушително-обновителна: от една страна,

деконструиране на изкуствения изсушен, свръхвисок литературен език, носител на идеологически манипулативен еднозначен смисъл и, от друга, обогатяване на езика чрез включване на диалектна и разговорна лексика и освобождаване на поетическите структури, което позволява на стиха да улови реалния живот и човека с неговите „ниски” и „високи” измерения, с неговите лутания между земята и звездите.

Според Пламен Антов (*Поезията на 1990-те: българско и постмодерно. Том 3. Изд. Жанет 45. 2010*) съществуват два периода в постмодерната българска поезия: 1) латентен: между края на 50-те и края на 80-те години. Най-ярък представител е Константин Павлов; 2) «висок период» от края на 80-те до края на 90-те, с представители: Ани Илков, Златомир Златанов, Георги Господинов, Пламен Дойнов, Бойко Пенчев.

Целта на нашето съобщение е да предложим някои мисли върху българската постмодерна поезия от гледна точка на рецепцията, т.е четенето и превода като вид четене. В този контекст бихме искали да поставим два въпроса:

1. Какъв модел на четене предполага постмодерният стих, знаейки че българският читател от периода на „прехода” помни високия литературен канон и в същото време е свидетел на разграждащата енергия на постмодерната поетичност?
2. Какъв би могъл да бъде методът за постигане на адекватна рецепция на преведения на чужд език постмодерен текст, изграден върху напреженията на «високо и масово», на «традиционно и модерно», на «родно и чуждо», на «минало и настояще»?

Преводът на португалски език на поезията на Георги Господинов служи за основа на нашите размисли. Антологията «*Любовният заек*» (*O coelho do amor*) предлага не малко примери за успешни и неуспешни решения. Нима „То, нищото в стаята дето ни(ви) кара да се обърнем (обърнете) рязко” (Г.Господинов) може да се предаде само с думи?

Estudio comparado de los sistemas de versificación en ruso y español a través de la traducción poética. Aspectos lingüísticos y traductológicos

Joaquín Torquemada Sánchez
University of Granada

La traducción de la literatura en general y de la poesía en particular puede despertar interés tanto para la ciencia literaria como para la ciencia lingüística. Es una tesis comúnmente admitida que precisamente este tipo de traducción entra en la categoría

del arte, y que en ella juegan un papel importante la percepción, la explicación y la reproducción del original. Aquí resulta de vital importancia el hecho de que la reproducción presenta unas condiciones muy específicas, pues tiene lugar en el ámbito de una lengua más o menos alejada en el plano lingüístico y en el plano histórico.

Para nuestro trabajo, hemos escogido la cuestión de la traducción poética por dos motivos fundamentales: primero, porque la creación poética tiene sus particularidades características que la diferencian de los otros tipos de lenguaje, y, segundo, porque es un fenómeno multiaspectual que se manifiesta en los niveles fonético, sintagmático y sintáctico. A ello hay que añadir el hecho importante de que en el caso del presente trabajo las cuestiones sobre la traducción poética se proyectan sobre dos sistemas diferentes de versificación: el ruso y el español, que descansan, a su vez, sobre las diferencias de entonación y de desarrollo histórico específico que existen entre las dos lenguas.

En el presente trabajo se ofrece una comparación de los sistemas de versificación en ruso y en español mediante la definición y el estudio de la estructura del ritmo y el análisis comparativo detallado del ritmo como medio técnico en los sistemas de versificación ruso y español. Se observan también las semejanzas y las diferencias tipológicas en la estructura rítmica de los poemas. Se abordan los problemas lingüísticos y las particularidades de la traducción del verso ruso al español. Se enumeran diversos tipos de traducción poética. Se incide en la traducción como medio de recreación y se comenta la distribución silábica según la Fonética Acústica: “isocronía” e “isosilabia”, además de otros aspectos de la traducción poética del ruso al español como la estrofa en la traducción poética, la rima en la traducción poética, la repetición, la eufonía y el encabalgamiento.

La traducción de la fraseología española al ruso

Josefina Velasco Menéndez
University of Salamanca

Palabras clave: traducción, fraseología, español, ruso.

El objetivo del presente trabajo radica en encontrar una relación entre las unidades fraseológicas, incluidas las paremias, españolas y rusas, señalar las dificultades que surgen a la hora de la traducción y mostrar los medios para las posibles soluciones de estas dificultades.

Al utilizar una u otra unidad en una situación concreta, el hablante tiende a afirmar o subrayar la esencia de lo dicho. La utilización de estas expresiones es inevitable tanto hoy como fue ayer y, por consiguiente, han estado y estarán en nuestra habla y

nuestras literaturas. Y por esta razón un traductor debe saber reconocerlas, traducirlas correctamente y hacer llegar su esencia al oyente o lector.

Durante el trabajo hemos realizado un análisis de unidades españolas y rusas y hemos de resaltar que muchas unidades son polisémicas lo que dificulta su interpretación y comparación. Para la selección de las correspondencias rusa a las españolas el criterio obligatorio era la coincidencia de uno de los significados, por regla, principal. Sin embargo, hay que recordar que al surgir en situaciones históricas y geográficas distintas las unidades españolas y rusas utilizan distintas imágenes para expresar la misma idea que, a su vez, refleja distinto modo social y espíritu de ambos pueblos y a menudo no son completamente equivalentes.

También hay que tener presente que en cada lengua existen frases y expresiones que no pueden interpretarse literalmente, incluso si se entienden los significados de todas las palabras y se entiende su construcción gramatical. El significado de esa frase sigue siendo incomprensible y extraño. Los intentos de una traducción literal pueden traer unos resultados inesperados e, incluso, absurdos. Por ejemplo, la frase española "no cabe ni una aguja" corresponde a la expresión rusa "яблоку негде упасть". Por eso el principal objetivo de nuestra investigación es determinar las razones que dificultan la traducción de unidades españolas al ruso; demostrar la relación entre las culturas de ambos pueblos en sus unidades fraseológicas e intentar mostrar los medios para resolver las dificultades que surgen a la hora de la traducción.

Родной язык как основа формирования языковой личности переводчика

Мария Н. Есакова

Галина М. Литвинова

Lomonosov Moscow State University

Проблемы языковой личности в русистике впервые поднял В.В. Виноградов в пятидесятые годы XX века. В процессе исследования разных социальных ролей исследователи обращались к таким аспектам языковых личностей, как госслужащий (М.Н. Панова), юрист (Н.И. Ивакина, П.С. Пороховщиков), журналист (З.С. Смелкова, А.А. Тертычный), школьник (Н.В. Аниськина, Н.А. Лемяскина), телевизионный ведущий (Г.Н. Беспамятнова). Современные исследования отдельных аспектов языковой личности представлены работами П.Е. Бухаркина, В.В. Воробьева, В.И. Карасика, К.Ф. Седова, О.Б. Сиротининой [Бушев, 2010]. В последние годы у исследователей появился интерес к проблематике описания такой языковой личности, как профессиональный переводчик. Согласно работам А.Н. Плехова, языковая

личность переводчика - это «коммуникативно-активный субъект, способный в той или иной мере познавать, описывать, оценивать, преобразовывать окружающую действительность и участвовать в общении с другими людьми средствами иностранного языка в иноязычно-речевой деятельности». Успешную языковую личность переводчика определяет его умение осмыслить понятия чужой культуры и выразить их средствами родного языка.

Формирование языковой личности студента-будущего переводчика должно базироваться, на наш взгляд, на желании совершенствовать собственную речевую культуру как родного, так и иностранного языка. Однако на занятиях мы сталкиваемся с косноязычием, примитивно сформулированными предложениями, смешением стилей, огромным количеством речевых штампов, отсутствием метафор, образных выражений и т.д. Это обусловлено не только падением общего уровня речевой культуры, но и с активными изменениями в обществе, влекущими за собой и изменения в языке, «в языковом сознании носителей русского языка, изменении параметров жанрово-стилевого нормирования и нормативности речи, новых особенностей и новых средств коммуникации, самого влияния новых условий коммуникации (Интернет, реклама, SMS, мультикультурализм, билингвизм, расширение знаковой системы латинской графики) на языковую личность». [Плехов, 2007]

Таким образом, при обучении родному (русскому) языку будущих переводчиков необходимо учитывать множество как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Нужно не только знакомить учащихся с нормами современного русского языка, но и активно развивать лингвостилистическое чутье, навыки употребления языковых единиц, обращая особое внимание на задания, ориентированные на формирование личности профессионального переводчика.

Список литературы

Бушев А.Б., Русская языковая личность профессионального переводчика: автореферат дис. ... на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 2010

Плехов А.Н. Психологические условия развития вторичной языковой личности преподавателя-лингвиста: автореферат дис. ... кандидата психологич.наук, Нижний Новгород, 2007.

Особенности передачи русского фольклора в произведениях Достоевского при переводе на испанский язык

Екатерина Маслова
Omsk F. M. Dostoevsky State University

Доклад посвящен малоизученной проблеме передачи фольклорных образов и мотивов в ранних произведениях Достоевского («Приключения господина Голядкина», «Двойник», «Хозяйка») при переводе на испанский язык.

Восприятие и понимание произведений XIX века современным российским читателем осложняется в связи с заметным культурно-историческим и языковым разрывом между двумя эпохами. Проблема становится тем более актуальной, если мы говорим о восприятии русской литературы иностранным читателем. Даже простая идентификация фольклорного языкового материала может оказаться затруднительной. Профессиональный читатель, каковым является переводчик, стоит также перед проблемой более высокого уровня: определить роль и место фольклорных элементов в структуре художественного целого.

Работа посвящена исследованию таких вопросов как:

1. Рассмотрение роли фольклорного материала в поэтике Достоевского.
2. Выделение различных видов поэтического материала (народно-поэтическая речь, народный говор, метафоры, зооморфизмы, пословицы и поговорки и т.п.).
3. Сопоставление испанского и русского фольклора; выявление возможности «прямой трансляции» фольклорных образов и мотивов из произведений Достоевского в аналогичные мотивно-образные элементы, характерные для испанской народной культуры.
4. Сопоставление соотносительных пластов речи в русском и испанском социокультурных срезах.
5. Рассмотрение возможных способов передачи русского фольклорного материала на испанский язык и оценка их адекватности и приемлемости.

Особую переводческую трудность создает то, что фольклор в русской и испанской культурах во многом отличается, а в языковом выражении он по определению будет различным. Данное исследование актуально; его результаты могут быть использованы при переводе на испанский язык произведений таких авторов, как Л.Н. Толстой, А.Н. Некрасов, Н.В. Гоголь, А.Н. Островский, в чьем творчестве также отчетливо проявлено фольклорное начало.

Стратегия остранения в переводе «сильных» текстов русской культуры

Вероника А. Разумовская
Siberian Federal University

В каждой национальной художественной литературе представлен набор текстов, формирующих культурно-ориентированное ядро данных литератур и служащих хранилищем основных ценностей культуры. В контексте теории интертекстуальности такие ядерные тексты определяются как «сильные»

тексты, поскольку они известны большинству представителей «своей» культуры, обладают высокой информационной энергией, осуществляют энергетический взаимообмен и находятся в ситуации перманентного информационного резонанса как с другими «сильными» текстами «своей» и «чужих» культур, так и со своими читателями [Кузьмина 2009: 68-71]. Ядерные тексты характеризуются высокой реинтерпретативностью – «переводимостью» на языки других искусств (подлежат межсемиотического переводу по Р. Якобсону). История художественного перевода наглядно свидетельствует о том, что оригинал «сильного» текста постоянно генерирует многочисленные иноязычные и иносистемные (межсемиотические) вторичные тексты и образует обширный центр переводческой аттракции [Разумовская 2011]. В роли аттрактора перевода преимущественно выступают тексты, являющиеся культурным достоянием определенной культуры и находящиеся в узлах текстовых, концептуальных и культурных решеток данных культур [Bassnett, Lefever 1998].

Ингерентная культурная ориентированность «сильных» художественных текстов предполагает применение эффективных стратегий культурной адаптации информации оригинального текста в переводе. Л. Венути рассматривает стратегии адаптации культурной информации в рамках лингвокультурной дихотомии «свой и чужой» и определяет стратегии терминами «форенизация» и «доместикация» [Venuti 2006]. Сравнительно недавно к парадигме стратегий Л. Венути было добавлено остранение [Куницына 2009]. Как антиманипулятивная стратегия остранение рассматривается в кинопереводе [Корнаухова 2011]. Термин «остранение» заимствован из литературоведения (русского формализма) и означает прием создания особого восприятия и видения предмета, которое не объясняет значение предмета, а концентрирует на нем внимание, увеличивая долготу и трудность восприятия [Шкловский 1919].

Материалом рассмотрения стратегии остранения в художественном переводе послужил оригинал романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», а также его межъязыковые переводы на дальнеродственный (английский) и неродственный (китайский) языки. В художественном переводе стратегия остранения находится в отношении комплементарности к стратегиям форенизации и доместикации, нарушая баланс данных стратегий и переводческую норму. Прием остранения представлен уже в русском оригинале, что иллюстрируется использованием редких ветхозаветных и других «странных» имен для именованья персонажей романа, существующих в рамках «странного» инфернального времени (Воланд, Бегемот, Азazelло). В английских вторичных текстах «Мастера и Маргариты» стратегия остранения используется для передачи культуронимов московских и иершалаимских глав романа наряду с форенизацией и доместикацией. В китайских переводах эффект остранения имен собственных усиливается

презентацией имен inferнальных персонажей иероглифической графикой [Разумовская, Ян Минбо 2012].

Список литературы

- Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации: монография. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. – 228 с.
- Разумовская В.А. Художественный текст в решетках культуры и переводе // Вестник Тюменского государственного университета, № 1, Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2011. – С. 206-213.
- Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Topics in Translation. 11. – Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – 143 p.
- Venuti L. Strategies of translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. – London and New York: Routledge. Taylor and Francis Group, 2006. – 240-244.
- Куницына Е.Ю. Шекспир – Игра – Перевод – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2009. – 348 с.
- Корнаухова Н.Г. Переводческие стратегии в аспекте манипуляции сознанием // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Вып. № 15, Т. 3, – 2011. – С. 90-96.
- Шкловский В. Искусство как прием // Поэтика: Сборники по теории поэтического языка. – Вып. 2. – Пг., 1919. – С. 101-114.
- Разумовская В.А., Ян Минбо. Булгаковский текст в китайских переводах: переводимое и непереваемое // Михаил Булгаков, его время и мы: Коллективная монография под редакцией Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего. – Краков: Scriptum, 2012. – С. 707-723.

Деепричастия в русском переводе испанского художественного текста (на материале романа Arturo Pérez-Reverte *El Asedio*)

Татьяна Н. Фомина
University of Granada

Расхождение языков в области языковых и речевых норм зачастую приводит к необходимости трансформаций в переводческой практике. В грамматической подсистеме модификации обычно обусловлены отсутствием определённых явлений в исходном языке при их наличии в переводящем и наоборот. При переводе испанского герундия на русский язык, казалось бы, не должно возникать проблем. Однако при рассмотрении основных семантико-грамматических показателей и анализе текстового материала ситуация оказывается не столь очевидной, если предметом исследования становится текст художественный, менее подверженный штампам.

В романе Arturo Pérez-Reverte *El Asedio* и в его переводе «Осада, или Шахматы со смертью» отмечается примерно одинаковое количество случаев употребления герундия и деепричастия, более 2000 единиц. При таком балансе лишь около половины примеров использования герундия переведены формами деепричастий. В остальных случаях мы встречаемся с заменами, которые обусловлены как системными закономерностями, например,

невозможностью перевести деепричастием «абсолютный герундиальный оборот» (Н.Д. Арутюнова 2004: 50-51), так и конкретными условиями контекста, когда не совпадают объёмы лексического значения анализируемых единиц в испанском и русском языках, когда образование деепричастия невозможно от ряда глаголов, и другими причинами. Напротив, в переводном тексте причастия зафиксированы в тех случаях, когда в оригинале они отсутствуют, в частности на месте глагольных перифраз, регулярно встречающихся в переводческой практике (Н.Д. Арутюнова 2004: 44), и не только в этих ситуациях, так как переводчик художественного текста вынужден учитывать и экстралингвистические факторы.

Даже при адекватном использовании грамматических форм обнаруживаются нюансы. В испанском языке есть две формы герундия: простая, выражающая идею процессуальности, незавершённости действия, чаще протекающего одновременно с действием сказуемого; и сложная, которая указывает на действие завершённое, предшествующее действию сказуемого (Juan Alcina 1994: 747). Данным характеристикам в русском языке соответствуют разновидности деепричастия (В.С. Виноградов 1986: 155-156). Оба широко представлены в переводе, тогда как у автора нет ни одного сложного герундия. Простой герундий в оригинале может передавать имперфективное и перфективное значение, соответственно переводясь деепричастиями разного вида. Часто переводчик использует деепричастия совершенного вида со значением действия, предшествующего основному, на месте нормальных глагольных сказуемых, расположенных согласно порядку протекания действия.

Все возможности, все нюансы перевода герундия на русский язык заслуживают более подробного анализа, поскольку позволяют описать системные особенности разных языков и полезны в переводческой практике.

Источники

Pérez-Reverte, Arturo. (2011): *El Asedio*. Madrid.

Перес-Реверте, Артуро. (2012): *Осада, или Шахматы со смертью.* Перевод А.С. Богдановского. Издательство Эксмо. Москва.

Библиография

Арутюнова, Н.Д. (2004): *Трудности перевода с испанского языка на русский*. Высшая школа. Москва.

Виноградов В.С.; Милославский И.Г. (1986): *Сопоставительная морфология русского и испанского языков*. Русский язык. Москва.

Alarcón Llorach, Emilio. (1994): *Gramática de la Lengua Española*. Real Academia Española. Madrid.

Alcina, Juan; Blecua, José M. (1994): *Gramática Española*. Barcelona.

Hernández Alonzo, César. (1984): *Gramática funcional del Español*. Madrid.

CONTENTS

Contents

Introduction	3
PLENARY SPEAKERS	
<i>Jiří Černý</i> . Construcciones semioracionales españolas y sus equivalentes checos	7
<i>Pierre Gonneau</i> . The many deaths of Ivan the Terrible and their interpretations	7
<i>Laura A. Janda, Stephen M. Dickey</i> . Extending the Verb Classifier Hypothesis: Aspectual Prefixes as Sortal Classifiers in Slavic and Procedural Prefixes as Mensural Classifiers in East Slavic and Bulgarian	8
<i>Michael Nicholson</i> . The Eve of <i>Ivan Denisovich</i> : Solzhenitsyn's Writing in the 1940s and 1950s.....	9
<i>Alexei Shmelev</i> . "Historical memory" of linguistic units (<i>mir, volja, primirenje, smirenje</i> in the history of the Russian language and Russian culture)	10
<i>Анна А. Зализняк, Ирина Микаэлян</i> . Русская глагольная префиксация и проблема видовой парности.....	11
SESSION 1	
<i>Learning and Teaching of Slavic Languages and Cultures</i>	
<i>Daniele Artoni, Marco Magnani</i> . Teaching learnable grammar in Russian as a second language: a syllabus proposal for case.....	17
<i>Natalia Azarova</i> . Концепция и структура нового учебника русской поэзии	18
<i>Ljiljana Banjanin</i> . Serbo-Croatian studies at Italian Universities	19
<i>Biljana Babić</i> . Настава и учење руског језика у постјугословенском простору	20
<i>Dušica Božović</i> . Štokavian accent training for foreigners	21
<i>Joan Castellví, Elena Markina</i> . Aspectos de adquisición léxica en el aprendizaje de RUSO en el primer nivel de enseñanza en condiciones de ausencia de contexto lingüístico.....	21
<i>Tatiana Chaikhieva</i> . How to design a test for Russian as a foreign language (or what is the question worth)?.....	22
<i>Beata Cieszyńska</i> . Horizons of Iberian-Slavonic Studies within the "Europe 2020" plan. Overlook and challenges.....	23
<i>L.V. Krasilnikova, I.V. Ruzhickij, Marc Ruiz-Zorrilla Cruzate</i> . Русская лексика по-новому (пособие для испаноговорящих студентов).....	25
<i>Dora Mancheva</i> . El Nuevo método práctico aplicado a la lengua búlgara de Ya'acob A. Gadol: una fuente de datos sobre la enseñanza y el aprendizaje del búlgaro a finales del siglo XIX.....	26
<i>Joanna Orzechowska, Helena Pocięchina</i> . Национальные социокультурные стереотипы в курсе русского языка для поляков	27
<i>Richard Robin</i> . Aspect and Narrative: A Comparison of Production of American English Learners of Russian and Spanish	28
<i>Svitlana Rogovyk</i> . Assessment in Advanced Language Classroom: Achievement vs Proficiency.....	29
<i>Assem Sadykova, Assiya Sulkarnaieva</i> . Казахские и русские заимствования на материале английских текстов	30
<i>Izabela Szulc</i> . Introduction to teaching Polish to Czech and Czech to Polish interpreting	31
<i>Елена Н. Дурова</i> . Трудности при обучении грамматики разноструктурных языков.....	32
<i>Юлия А. Максимова, Марина Г. Милютина</i> . Метафорическая модель «Политическое развитие – дорога/путь» в политическом дискурсе Л.Д. Троцкого» (на материале работы «История русской революции»)	33

CONTENTS

<i>Валентина Тубин. Учет родного языка при обучении русскому как иностранному: союз как</i>	34
<i>Харацидис Элефтериос Константинович. Национально-ориентированный учебник по истории русской культуры</i>	36
SESSION 2	
<i>Slavic Literatures and Cultural Expressions</i>	
<i>Anna Akimova. «Как я работаю»: История создания текста 1-й книги романа А.Н. Толстого «Перт Первый»</i>	41
<i>Alicia Bauer. Категория «диаволической красоты» в эстетическом мире Серебряного голубя А. Белого</i>	42
<i>Mario Cobos Benítez. Océano, el sentido dramático de lo trágico en Andréiev y el teatro griego</i>	43
<i>Ángel Enrique Díaz-Pintado Hilario. Belleza natural y belleza artística en el pensamiento poético de Adam Zagajewski</i>	43
<i>Natalia Fateeva. Language Creativity As a Category of Linguistic Poetics</i>	44
<i>Andrea Grominová. Ценности „l’art pour l’art“ в поэзии русского постромантизма</i>	45
<i>José Antonio Hita Jiménez. Sobre la trascendencia de las cuestiones teológicas en la obra de Leonid Andréiev</i>	46
<i>Renata Inbrant. The “New Man” and Male Homosocial Desire in Late Nineteenth-Century Novels</i>	47
<i>Diliana Ivanova. El significado de la literatura de los <i>damaskini</i> en la formación de la lengua búlgara literaria</i>	48
<i>Marcin Kolakowski. La zona de la hesitación epistemológica: entre lo maravilloso y lo real de la novela “Balladyny i romanse” de Ignacy Karłowicz</i>	49
<i>Yulia Kovarskaya. Образы искусства в лирической поэзии «золотого» и «серебряного» веков</i>	50
<i>Natalia Kubyshina. Этнокультурный аспект изучения «Слова о полку Игореве»</i>	51
<i>Marianna Leonova. Двойные мысли князя Мышкина</i>	52
<i>Marta Łukaszewicz. Образ священнослужителя в ранней прозе Николая Лескова (1862-1872)</i>	53
<i>Matúš Marcinčin. Unikátne slovenské preklady Havrana E. A. Poea a ich vplyv na pôvodnú tvorbu Karola Strmeňa</i>	54
<i>Kátia M.L. Mendonça. Ethics and Politics in Václav Havel’s Thinking</i>	55
<i>Lilia Moiseenko. El paradigma interpretativo de los medios de comunicación como la base de crear una realidad social</i>	56
<i>Marchela Muradyan. The found tongue, the relocated soul. Contemporary Bulgarian literature on its way to the world literature</i>	57
<i>Natalia Palich. Czech Contemporary Prose as the Space of Otherness</i>	58
<i>Lidia Romaniszyn-Ziomek. Współczesne literackie i pozaliterackie konteksty polskiego romantyzmu</i>	59
<i>Svetlana Šeatović Dimitrijević. Literature and culture of the Mediterranean in Serbian literature 20th and 21th century</i>	60
<i>Elena Shmeleva, Alexei Shmelev. Russian Canned Jokes (Anekdoty): Evolution of the Speech Genre</i>	61
<i>Marcin Ziomek. Федор Августович Степун. Исследователь русской литературы</i>	61

<i>Slava I. Yastremski. Intercultural Space of Granada in the 19th Century: Teaching Travel Literature through Digital Humanities Technologies</i>	62
<i>Владимир В. Аристов. Непрерывный повтор и неявная структура тютчевских стихотворений</i>	63
<i>Наталья Н. Арсентьева. Алано – скандинавский генезис и семантика русских былин в свете индоевропеистики</i>	65
<i>Сергей А. Демченков. Сад расходящихся хокку» и христианская метафизика Слова</i>	66
<i>Ольга С. Крюкова. Бытовая культура 1980-1990 гг. в повестях Павла Санаева</i>	67
<i>Эмилио Мари. Драма А. Блока “Балаганчик” и европейская культурная традиция: размышление над истоками</i>	69
<i>Иван Посохин. New York, New York: эмигрантский хронотоп Сергея Довлатова</i>	70
<i>Татьяна В. Тарасенко. Обыденный мир в художественном тексте</i>	71
<i>Ольга Георгиевна Труханова. Живопись как интертекст в поэзии Иосифа Бродского</i>	72
SESSION 3	
<i>Media, Political Discourse and International Relations</i>	
<i>Martina Berrocal. Political front-stage and backstage in the Czech Parliament. Solidarity, rudeness or political scandal?</i>	77
<i>Svetlana Bochaver. Poetry and Drama: on Discursive Interaction. Поэзия и драма: о междискурсивном взаимодействии</i>	78
<i>Maciej Buczowski. A critical discourse analysis of the Polish media covering the socio-political conflict in Ukraine</i>	79
<i>Katharina Kunz. Большевицкий и современный коммунистический оппозиционный дискурсы сквозь призму советского новояза (на материале партийной печати)</i>	80
<i>Adela Mitrová. Rozprávky do (d)uší (Pôvodná mediálna dramatická tvorba pre deti a mládež za rok 2012)</i>	82
<i>Svitlana Gravani. Языковые средства выражения категории достоверности в персуазивном контексте</i>	83
<i>Kristina Kovalskaya. Modernity vs tradition dilemma as a cross point of Russian political and religious discourse</i>	84
<i>Izabela Kozera. Видовые предпочтения носителей языка – к вопросу о вторичной имперфективации русского глагола</i>	85
<i>Jekaterina Mazara. The use of negative irony in Russian political TV debates</i>	86
<i>Tadeusz Miczka. Polishness – Slavicness – Europeanism - Globality. Cultures, Nations and Ethnoses Under Pressure of Digital World</i>	87
<i>Juraj Rusnak. Political event as present in electronic media</i>	88
<i>Enrique Santos Marinas. Russian language in the political communication: a discourse analysis of contemporary texts</i>	89
<i>Yuri Shevchuk. Innovation and Creativity in Time Revolution. The Language of the Euro-Maidan</i>	90
<i>Daniel Weiss. Another way of being impolite: the polemic use of quotes in the Russian State Duma</i>	91
<i>Olesya Yashan. Реализация цветового гендерного кода в рекламном дискурсе</i>	92
<i>Bogdan Zeler. Nowe nowe media – przestrzeń dialogu międzykulturowego</i>	93
<i>Алла Диомидова. Новое естественное сияние – концептуализация красоты в женском рекламном дискурсе (COSMOPOLITAN на русском языке)</i>	94

CONTENTS

<i>Надежда С. Паршанина. Флешмоб как тип дискурса: славянская специфика</i>	96
<i>Валентина А. Степаненко. Небесное и земное в концепте «русская красавица»</i>	97
SESSION 4	
<i>History, Culture and World View</i>	
<i>Alberto Alonso-Ponga García. Balkan retold. Myths, Heroes and History in Bulgarian consciousness</i>	101
<i>Benamí Barros García. The Sad Awakening of a Creator of Dreams or the Story of How ‘kak by’ Became a Filler Word in Russian</i>	102
<i>Matilde Casas Olea. De la Táuride y otros bárbaros hiperbóreos. Alteridad bizantino-rusa en las fuentes medievales</i>	103
<i>Elena Kalinina. Juan el Terrible y Pedro el Cruel: paralelos históricos y mitológicos en concepción de justicia en el derecho</i>	104
<i>Elena Koreneva. Los libros de viaje: un género que se reinventa</i>	105
<i>Ivana Lončar. Nombres propios en la fraseología croata: patrimonio de connotaciones histórico-culturales</i>	105
<i>Marta Peña Escudero. El Espejo de príncipes en la Rus´medieval (ss. XI-XII)</i>	106
<i>Adelina Strandzeva. Granada and Cordoba as Centres of Art in a Newly-Discovered Bulgarian Handwritten Textbook in Aesthetics from the Middle of the XIX Century</i>	109
<i>Simón José Suarez Cuadros. Algunas consideraciones históricas sobre el relato del viaje del metropolitano Isidoro al Concilio de Florencia</i>	110
<i>Juan Miguel Valdera Gil. Socialización ideológica en la infancia. El caso de Cheburashka</i>	110
<i>Стефано Алоэ. Глушь, глубинка и ссылка: к пониманию пространства в русской культуре. (‘Glush’, ‘Glubinka’ y ‘Ssylka’): notas sobre el sentimiento del espacio en la cultura rusa</i>	111
<i>Полина Валерьевна Лупуляк. Мифологема сакрального брака в украинском обрядовом фольклоре</i>	112
<i>Ирина Геннадьевна Никольская. Дискомфортная эмоция сомнения в русской языковой картине мира</i>	113
<i>Ольга Скачкова. Английский след в русской и аргентинской литературах</i>	114
SESSION 5	
<i>Linguistic Studies</i>	
<i>Kseniia Akhramenko. Transformation of contents belonging to universal value of “safety” in the cadets’ world view</i>	117
<i>Božena Bednaříková. Morphology in the academic grammar of Czech and beyond</i>	118
<i>Mirosława Białoskórska. Językowo-stylistyczne sposoby opisu ptaków w lirykach Leopolda Staffa</i>	119
<i>Nenad Tomović, Jelena Kostić-Tomović, Sofija Bilandžija. Slavic Words in English, German and Norwegian</i>	120
<i>José Alejandro Calero Díaz. Sujetos responsables e irresponsables en las lenguas checa y española</i>	121
<i>Durdica Zeljka Caruso. The Nominal Left Periphery in Slavic: Evidence from Croatian</i>	122
<i>Beata Chachulska. The Accusative Is For the Genitive its Death. On the Disappearance of the Genitive Case in Contemporary Polish</i>	123
<i>Marina di Filippo. Наречия почти и quasi: сопоставительное исследование</i>	124
<i>Kristina Dragović. The Norm of Serbian Language and Contemporary</i>	

Grammaticalization Processes	125
<i>Tomás Espino Barrera. Autotraducción y recreación: Kamera obskura y Laughter in the Dark, de Vladimir Nabokov.....</i>	126
<i>Ana Fras. Comparaciones estereotipadas según la valoración psicológica en esloveno y español</i>	127
<i>Miroslava Gavurová. Shall I call the Info centrum or Rather the Infocentrum? On the Status of an Abbreviation in a Multi-word Naming Unit.....</i>	127
<i>Eleonora Gironi Carnevale. Где «я»? : acephalous body and the role of space indexicals in Being's definition in Kotik Letaev by A. Belyj</i>	128
<i>Lenka Gogová. Humor ako transkulturný fenomén.....</i>	129
<i>Andrey Gorbov. A Brand-New Imported Economy-Class Nomination Method: Russian Nominal Compounds with Premodifying Attributive Elements.....</i>	130
<i>Elena Gorbova. Еще раз о видообразовании русского глагола: к словоизменительной трактовке вида. Russian aspect formation revisited: towards the flecitional interpretation of Russian verb aspect.....</i>	131
<i>Elena Graf. Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация в языке</i>	132
<i>Martina Ivanová. Light Verbs in Slovak.....</i>	133
<i>Pavlna Jínová, Boris Lehečka, Karel Oliva. Describing Old Czech declension patterns for automatic text analysis.....</i>	134
<i>Zarina Kairokanova, Assiya Sulkarnaieva. Семантический анализ соматических фразеологизмов (на материале русского, английского и немецкого языков).....</i>	136
<i>Jana Kičura Sokolová. Jednoslovné vetné štruktúry v ranom vývine detskej syntaxe</i>	137
<i>Ewa Komarowska, Agnieszka Szlachta. Структура речевого акта похвалы в русском и польском языках в прагмалингвистическом аспекте.....</i>	138
<i>Miroslava Kysel'ová. Iconicity in Language of Pain in Slovak</i>	138
<i>Laska Laskova. Prepositions As Discourse Markers</i>	139
<i>Vesna Lazovic. The lexico-grammatical features of Serbian online bank advertisements</i>	140
<i>Anastasia Makarova. Are there verbal diminutives in Russian?</i>	141
<i>Jozef Mergeš. Informatívne kontextové parentézy v štruktúre komentátorského textu.....</i>	142
<i>Irena Mikulaco. Terminološki izazovi na početku 21. stoljeća (Kontrastivna analiza hrvatskoga i ruskoga pravnog nazivlja).....</i>	143
<i>Elena Mironesko Bielova. Los «razgovorniki»: un peculiar género de la lexicografía rusa medieval.....</i>	144
<i>Dmitrij Dobrovolskij, Ludmila Pöppel. Towards digital humanities: Russian construction [в том то u N] and its Swedish equivalents in an open-access database.....</i>	145
<i>Yana Movchan. Давнопрошедшее время в современных славянских языках</i>	146
<i>Tore Nessel. Russian Rivalry</i>	147
<i>Lenka Ptak. Adjectives of possibility. The comparative analysis of performing in texts and translations. Przymiotniki potencjalne w tekstach i przekładach. Analiza porównawcza</i>	148
<i>Lenka Regrutová. Tempo reči v rozhlasovej rozprávke.....</i>	149
<i>Mariusz Rutkowski. Rozmowa urzędowa jako przedmiot badań lingwistycznych. Zarys problematyki na przykładzie materiału polskiego</i>	150
<i>Beata Rycielska. Model sieciowy przedrostka werbalnego u3-w porównaniu z językiem polskim.....</i>	150
<i>Adrianna Seniów. Czasownikowe derywaty odzwierzęce w wierszu Juliana Tuwima</i>	

CONTENTS

<i>Figielek</i> i ich synonimy w polszczyźnie historycznej.....	151
<i>Oksana Shukhova</i> . Український порядок слів та категорія означеності/ неозначеності іменника і стану дієслова (на матеріалі односкладних розповідних речень)	152
<i>Petr Šlechta</i> . Some Specificities of the Masculine and the Feminine Elements in Czech Phraseology in contrast with Spanish	153
<i>Paulina Smolan</i> . Los equivalentes polacos del tiempo <i>Preterito perfecto simple</i> en las traducciones de la narrativa española	154
<i>Marta Sobieszewska</i> . Argumentacja w dyskursie prawnym.....	154
<i>Yauheniya Yakubovich</i> . Deslexicalización de nombres propios en textos poéticos del español, bielorruso y ruso	155
<i>Maria Yastrebova</i> . The Russian Verb under the Influence of German Language.....	157
<i>Urszula Żydek-Bednarczuk</i> . Dyskurs medialny w polskich badaniach językoznawczych.....	159
<i>Йорданка Велкова</i> . За продуктивността на историческите редувания в словоизменението на нови думи в българския език	160
<i>Ирина А. Вотякова</i> . «Эмоциональное» словообразование: об особенностях словообразовательной репрезентации эмоциональных концептов в русском языке	161
<i>Неля С. Иванова</i> . Прагматизация значения глаголов с помощью двух и более префиксов в современном русском и болгарском языках	162
<i>Ольга Инькова</i> . О границах функционального класса коннекторов	164
<i>Алевтина А. Калинина</i> . Типы «вопросов-отрицаний»	165
<i>Йиндржишка Капитанова</i> . Стилистическая эквивалентность в процессе и результате перевода с чешского языка на русский	167
<i>Татьяна Р. Копылова</i> . Молчание как знак: проблемы интерпретации	168
<i>Мариненко Павел Игоревич</i> . Анекдоты о животных в современном испанском и русском языках	169
<i>Ирина П. Матханова</i> . НЕОБХОДИМО ПОНИМАТЬ: эффекты целостной конструкции.....	170
<i>Маринела Младенова</i> . Славянските книжовни «микроезици» и тенденцията към интернационализация. (Върху примери от книжовния език на банатските българи).....	171
<i>Зоя Юрьевна Петрова</i> . О взаимодействии метафоры и описания реальной ситуации в поэтическом тексте	173
<i>Наталья Пушкарева</i> . Синтаксически выражаемый подтекст как средство углубления смысла прозаического текста.....	174
<i>Светлана Васильевна Рябушкина</i> . Русское числительное в движении	176
<i>Наталья Дмитриевна Федяева</i> . Имплицитная семантика нормы в русских глаголах	177
<i>Анаида Яковлевна Хачикян</i> . Сопоставительное исследование русского и армянского языков: фонетико-фонологический уровень и ударение.....	178
<i>Елена Хаджиева</i> . ПОЛ И ЕЗИК. Речево то общуване - стратегии и практики. GENDER AND LANGUAGE. Speech Communication – strategies and practices	180
SESSION 6	
Translation to and from Slavic Languages	
<i>Enza Dammiano</i> . Between Poetry and Translation: Translation praxis from Russian in the German Democratic Republic.....	183
<i>Vesna Dickov</i> . Поезија прехиспанских народа на српском језику	183
<i>Estrella María Gallego Díaz</i> . De Hobbiton a Norgord: recorrido por la traducción de los topónimos de la Tierra Media al ruso.....	185

<i>Agata Natalia Goląb</i> . Una aproximación al estudio de la traducción al polaco del lenguaje coloquial en "Cosmofobia" de Lucía Etxebarria	186
<i>Tamara Gorozhankina</i> . Complejidad de frases como un posible sesgo de la calidad en traducción turística (una aproximación basada en los corpus paralelos español-ruso).....	186
<i>Jan Jeništa</i> . Nowe tendencje w tłumaczeniu tytułów książek na przykładzie polskiej prozy współczesnej	187
<i>Persida Lazarević Di Giacomo</i> . Eckarsthausen among the Southern Slavs	188
<i>Álvaro Marín García</i> . "La paciencia de un poeta y la pasión de un escoliasta". Los proyectos de traducción de Vladímir Nabokov.....	189
<i>Lukáš Merz</i> . Caring for patients in Czech: mission (im)possible!.....	190
<i>Hanna Pieta</i> . Slavic Languages in Translation: A Case Study of Polish Literary Fiction Translated into European Portuguese	191
<i>Barbara Szot</i> . Kontekst kultury docelowej a przekład – przypadek tłumaczeń <i>Opowieści z Narni</i> C.S. Lewisa na język polski i czeski	192
<i>Tomasz Szutkowski</i> . Межъязыковые отношения паремийных единиц в аспекте практики перевода на близкородственный язык (на материале современных русского и польского языков).....	193
<i>Zlatka Timenova-Valtcheva</i> . „Любовният заек” от Георги Господинов на португалски език: размисли върху превода на постмодерната поезия	194
<i>Joaquín Torquemada Sánchez</i> . Estudio comparado de los sistemas de versificación en ruso y español a través de la traducción poética. Aspectos lingüísticos y traductológicos	195
<i>Josefina Velasco Menéndez</i> . La traducción de la fraseología española al ruso.....	196
<i>Мария Н. Есакова, Галина М. Литвинова</i> . Родной язык как основа формирования языковой личности переводчика	197
<i>Екатерина Маслова</i> . Особенности передачи русского фольклора в произведениях Достоевского при переводе на испанский язык.....	198
<i>Вероника А. Разумовская</i> . Стратегия остранения в переводе «сильных» текстов русской культуры	199
<i>Татьяна Н. Фомина</i> . Деепричастия в русском переводе испанского художественного текста (на материале романа Arturo Pérez-Reverte <i>El Asedio</i>)	201
Contents	205

CONTENTS
